

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№ 3 · 2005

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

Издается с марта 1999 г.
Периодичность — 4 номера в год
Свидетельство о регистрации
№ Р2829 от 16 марта 1999 г.
выдано Северо-Кавказским
региональным управлением
по СМИ

Учредитель:

Кубанский государственный
университет

Адрес редакции:

350040 г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 404-н.
Тел. (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040 г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149.
Кубанский государственный
университет

Дизайн обложки:

С. Г. Ажгихин, М. Н. Марченко

Оригинал-макет:

Д. А. Хрипков

Отпечатано в типографии

«Агропромполиграфист»,

350062, г. Краснодар, ул. Ковалева, 5

Подписано в печать 24.09.2005

Уч.-изд. л. 11,8. Усл. печ. л. 12,8

Тираж 600 экз. Заказ №

3-2005

Главный редактор:

Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Т. А. Алексеева, д-р филос. наук, проф. (МГИМО (У)); **Л. А. Арутюнян**, д-р филос. наук, проф. (Ереванский ГУ); **В. А. Бабешко**, д-р физ.-мат. наук, проф., академик РАН (Кубанский ГУ); **А. А. Бодалев**, д-р психол. наук, проф., академик РАО; **А. А. Гаврилов**, д-р экон. наук, проф. (Кубанский ГУ); **С. Деллер**, PhD, проф. (университет Висконсин-Мэдисон, США); **В. В. Знаков**, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН); **Я. Л. Коломинский**, д-р психол. наук, проф. (Белорусская академия образования); **Л. Е. Лаптева**, д-р юр. наук, проф. (Институт государства и права РАН); **Е. В. Морозова**, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГУ); **Х. Пилкингтон**, PhD, проф. (Бирмингемский университет, Великобритания); **А. Л. Стризов**, д-р филос. наук, проф. (Волгоградский ГУ); **П. М. Хакуз**, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГТУ); **А. Ю. Чирг**, проф. (Адыгейский республиканский государственный институт гуманитарных исследований); **В. К. Шаповалов**, д-р пед. наук, проф. (Северо-Кавказский ГТУ); **В. Ю. Шпак**, д-р филос. наук, проф. (Ростовский ГУ); **Е. Р. Ярская-Смирнова**, д-р социол. наук, проф. (Саратовский ГТУ).

Редакционная коллегия:

О. А. Оберемко, зам. гл. редактора, канд. социол. наук, доц.; **Г. С. Курбатова**, отв. секретарь; **Т. Т. Авдеева**, д-р экон. наук, проф.; **В. П. Бедерханова**, д-р психол. наук, проф.; **А. И. Приходько**, д-р техн. наук, проф.; **А. М. Ждановский**, канд. ист. наук, доц.; **А. А. Лузаков**, канд. психол. наук, доц.; **З. И. Рябикина**, д-р психол. наук, проф.; **В. М. Юрченко**, д-р филос. наук, проф.

3-2005

Содержание

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА	4
ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ	
<i>Шанин Т.</i> История поколений и поколенческая история России	6
<i>Кимберг А.Н., Таганова А.А.</i> Личностная идентичность и отношения с близкими людьми	26
<i>Рогозин Д.М.</i> Антифеноменологический проект Ирвинга Гофмана	41
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	
<i>Кертман Г.Л.</i> «История религии» в средней школе: обыденные интерпретации педагогического проекта	51
<i>Климова С.Г.</i> Победа: наша или Сталина?	68
ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ	
<i>Романов П.В.</i> Роль общественных организаций инвалидов в политике независимой жизни.	83
<i>Киселев А.А.</i> Интернет-опрос экспертов: опыт оценки партийных сайтов ...	98
КАФЕДРА	
<i>Баранов А.В.</i> Сепаратизм в современном мире: Политико-территориальный аспект	107
<i>Меньшиков В.В.</i> Формы властного бытия общества	124
ПРАКТИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ	
<i>Диденко Д.А., Шудренко А.А., Фефелов М.Н.</i> О концепции регионального базиса национальной инновационной системы	141
SUMMARY	154

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА

.....

Номер открывает публикация авторизованной, с небольшими сокращениями стенограммы лекции «История поколений и поколенческая история России», прочитанной профессором *Т. Шаниным* 17 марта 2005 г. в клубе-литературном кафе *Bilingua* (г. Москва). В ходе плодотворной дискуссии, состоявшейся после лекции, были намечены направления для дальнейшей концептуальной разработки «поколенческого анализа».

А.Н. Кимберг и *А.А. Таганова* рассматривают статус идентичности как фактор, определяющий характер отношений субъекта с другими людьми, и приходят к выводу: чтобы понимать Другого и быть понятым им, надо самому быть Кем-то — иметь идентичность высокого уровня определенности.

Д.М. Rogozin видит в книге «Анализ фреймов» *И. Гофмана* воплощение «антифиноменологического проекта», в котором фальсифицируются основные постулаты научной традиции *У. Джемса*, *Э. Гуссерля*, *А. Шютца*, отбрасывается базовое допущение о самостоятельно действующем субъекте, а заодно и о рациональной обоснованности его мотивов и действий. Согласно автору статьи, основной вопрос гофмановской социологии «Что здесь происходит на самом деле?» остается без ответа не в силу изъянов, а, напротив, в силу достоинств разработанной *И. Гофманом* методологии анализа.

Следующая статья посвящена целесообразности введения в многоконфессиональной стране преподавания предметов, касающихся религии. Каков может быть механизм принятия решения, какой статус должен быть у такого предмета и, наконец, какие функции, с точки зрения наших сограждан, будет выполнять преподавание религии в школе — этим дискуссионным вопросам и посвящен аналитический материал *Г.А. Кертмана*.

С.Г. Климова на материале проведенных Фондом «Общественное мнение» опросов, посвященных Дню Победы, исследует социальную память современного российского общества. Авторские интерпретации по сути являются попыткой ответить на вопрос: этот национальный праздник обеспечивает воспроизводство «архетипических» образцов прошлого и тем самым продолжает участвовать в поддержании нормативного порядка или лишь обозначает связь времен, преемственность поколений.

П.В. Романов делится с читателями итогами проекта «Политика инвалидности: стратегии социального гражданства инвалидов в современной России», выполненного при поддержке фонда Джона Д. и Кэтрин К. Макартуров.

А.А. Киселев представляет основные итоги экспертного Интернет-опроса, посвященного оценке партийных сайтов. Особое внимание уделено особенностям организации проведенного автором исследования.

В рубрике «Кафедра» представляем учебное пособие «Политическая регионалистика», подготовленное к изданию *А.В. Барановым и А.А. Вартумяном*. Публикуемый отрывок посвящен обзору сепаратистских движений в странах Западной Европы.

Материал *В.В. Меньшикова* характеризует механизмы экономической и политической власти и содержит обзор властного бытия общества при различных политических режимах.

Завершает номер коллективный труд трех авторов — *Д. А. Диденко, А. А. Шудренко, М. Н. Фефелова*, в котором описаны новая форма организации региональной инновационной деятельности и ее функциональная структура, система формирования и продвижения инновационно-инвестиционных проектов, а также субъект инновационной деятельности — команда развития.

Завершает номер коллективный труд трех авторов — *Д. А. Диденко, А. А. Шудренко, М. Н. Фефелова*, в котором описаны новая форма организации региональной инновационной деятельности и ее функциональная структура, система формирования и продвижения инновационно-инвестиционных проектов, а также субъект инновационной деятельности — команда развития.

ИСТОРИЯ ПОКОЛЕНИЙ И ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

.....

Т. Шанин*

Любимой метафорой советских философов в вопросах, связанных с теорией познания, было ее определение как теории «отражения». Эта метафора зеркала вводит в заблуждение. Если уж употреблять метафоры в разговоре о том, как мы видим (познаем) действительность, то в данном случае следовало бы говорить о «линзах», через которые мы видим эту действительность. Между действительностью и нашим познанием стоят понятия, модели, мифы и интуиции. Чтобы понять, что мы видим и почему мы это видим так, а не иначе, надо постичь понятийную структуру, в рамках которой мы работаем, т. е. «линзы», сквозь которые мы видим действительность, и их влияние на то, что нам представляется.

Все это справедливо и по отношению к истории как академической дисциплине. Приведу простой пример. Чаще всего мы строим учебники, деля историю по столетиям. Это — учебник истории XVI и XVII вв., а вот это — учебник истории XVIII в. Такая «нарезка» влияет на характер того, что мы видим. Когда мы нарезаем историю по векам, мы подчеркиваем определенные связи, но в то же время ставим часть их вне фокуса избранной «линзы». Мы определяем наше видение истории не только увиденным и услышанным, но и способом «нарезки» действительности, которую мы предложили. Некоторые историки, понимая эту проблему, пытались вырваться из-под влияния этого предопределения и часто получали интересные результаты. Скажем, в работах по истории науки говорилось о «длинном XVI веке»**, так как если выделять бескомпромиссно хронологический XVI в., теряется понимание многих причинно-следственных связей. Расширить рамки — это увидеть более богатую и точную кар-

* Шанин Теодор — PhD, профессор, ректор Московской высшей школы социальных и экономических наук. Электронная почта: shanin@msses.ru

** «Длинный XVI век», согласно Ф. Броделю, длился с середины XV до середины XVII столетия [1]. (Здесь и далее прим. ред.)

тину. Или возьмем другой пример: Эрик Хобсбаум говорит о «коротком XX веке», который начинается Первой мировой войной и заканчивается распадом Советского Союза [12]. Если по-новому выделить объект анализа, получим новый образ происходящего.

История не является просто потоком фактов или их обобщением. То, как мы ее видим, определяется также инструментами мышления, которые мы употребляем при ее изучении.

В России на протяжении последних десяти лет шел спор между сторонниками классового и цивилизационного анализа истории. Напомню другой вариант исторического анализа. Этот вариант связан с поколениями. Начну известным сказанием, в котором отражено именно поколенческое видение истории. Откройте Библию. Ее историческая модель — это «такой-то породил такого...» и т. д. Стержнем памяти и понимания исторического процесса является здесь цепь поколений. И сегодня многие кочевники расскажут без труда прошлое как длинную цепь имен предков (как реальных, так и легендарных). В исторических описаниях прошлого и легендах разных народов то же самое: от поколения к поколению, от короля к королю, от отца к сыну и так далее.

Первый шаг к современной историографии связан с именем Ибн Хальдуна, арабского философа, который предложил циклическую модель исторического процесса. В ходе повторяющихся циклов кочевые племена завоевывают оседлые богатые районы, расслабленные собственным богатством. Победители создают новые государства. Происходит процесс их обогащения, расслабления и дегенерации. Далее появляются новые «дикие», «неразвращенные» племена, и приходят к власти новые династии. Это — циклическая историография, построенная на обязательном чередовании племен и завоеваний, в которую вплетены династии и их поколения.

Теория истории, ориентированная на поколения, расцвела в XIX в. В основном это развитие шло двумя путями: количественным и качественным*. (Можно выделить еще и антропологический подход, который, строго говоря, не входит в историографическую схему. Этот подход отличается вопросами, которые ставятся во главу угла. Классическим его выражением являлась книга Ш. Айзенштадта «Из поколения в поколение» [17]. Книга ставит проблему типичных возрастных систем социальной организации и их развития, то есть изменений в типичных критериях ролевого разделения обществ и его связи с возрастными группами. Айзенштадт дает ответы на вопросы о развитии форм социализации в рамках функционализма, как ведущей школы социологии времен ее расцвета в 1950-х, но напрямую не рассматривает исторические проблемы.)

Первый путь, начало которого связано с родоначальником позитивизма Огюстом Контом, был сфокусирован на количественных параметрах. Это

* Позитивистский и историко-романтический подходы у К. Мангейма, см. [6, с. 7–15]

была попытка понять историческую действительность как движение шагами, натурально определенными как 15, 25 или 30 лет, объяснить, почему интервалы должны быть именно такой длины. (Например, 30 лет для типичной семьи — интервал от женитьбы родителей до совершеннолетия/женитьбы детей.) Иногда добавляется анализ, почему определенное количество поколений меняет также характер общества в целом.

Альтернативную традицию (не сугубо количественного и посему качественного) анализа заложили немецкие философы истории, такие как Вильгельм Дильтей [16], но ее прямым проводником и принятой точкой отсчета в англосаксонской литературе стал Карл Мангейм. Поколение определяется им как слой людей, сходство которых в большой мере обусловлено сходством жизненного опыта. Люди одного поколения, конечно, схожи не во всем, но в достаточной мере, чтобы разумно группировать их по тому опыту, который влияет на личный характер и понимание действительности. Человеческое сознание пластично. Внешние условия влияют на взгляды, тенденции мышления, ценности. Этот «дух поколения» кристаллизуется в период особенно высокой пластичности сознания, т. е. в возрасте 15–25 лет. Мартин Хайдеггер когда-то сказал, что эти рамки можно определить одним словом: судьба [11, с. 384]. Судьба людей в конкретный период определяет их понимание действительности и их общие характеристики как группы.

При таком подходе один из способов понять, как и куда движется история, — это установить и правильно вычленив главные события, которые сформировали мышление слоя людей, играющего ныне решающую роль. Поэтому можно говорить о поколении определенной войны, поколении определенного кризиса и т. д., если данные события обусловили их видение и мышление. Этот способ позволяет выяснить, как меняются люди и почему существуют различия между людьми, родившимися в разные периоды через общность условий, определяющих дух поколения. Схожий дух поколения может формировать поколенческие единства. Их выделение и объяснение причин также является обязательной частью поколенческого анализа К. Мангейма, схожего с марксовым различием «класса в себе» и «класса для себя» (т. е., поколение, которое осознало себя) [6, с. 16–18].

На иных философских основаниях, но к сходным результатам пришли испанские экзистенциалисты, из которых самым известным был Хосе Ортега-и-Гассет. Он исходил из принципиального индивидуализма базовых понятий, подчеркивающего, что самое важное в человеке — его способность к *конструированию*: то, что он создает себя сам и создает этим социальную действительность. При этом важны поколенческие структуры, где общепринятые традиции определенных поколений выступают как главная сила, ограничивающая человеческий выбор. Жизнь — это сцена театра со сценарием, созданным самими людьми. Поколение — важнейший элемент общественного деления.

В течение последних десятилетий проводились крупные эмпирические исследования коллективной памяти, в которых пытались верифицировать некоторые допущения «качественных» школ поколенческой историографии. Ученые, в первую очередь американские, пытались определить, как долго коллективная память удерживает исторические события и люди думают категориями, связанными с ними. Эти работы показали, что субъекты, имеющие сходную историю жизни, действительно склонны воспринимать действительность в сходных категориях и что эта склонность связана не только с другими общими характеристиками, например, с принадлежностью к социальному классу, цивилизации и т.д.). Базовая общность жизненного опыта в определенный период, помноженная на его драматичность, создает близость понимания, близость мышления, статистическую общность.

Один из лучших примеров — ряд исследований, посвященных коллективной памяти в СССР в период от «Великой Чистки» до «Гласности». Работа Г. Шумана и Э. Корнинг, в которой переплелись результаты исследований социологов и социальных психологов, выявила возможность критического возраста для особого влияния коллективных драм жизни и добавочного влияния таких характеристик, как образование, пол и проживание в городской или сельской местности. Особое внимание было уделено влиянию кубинского кризиса, кампании по освоению целины, ежовщине, XX съезду КПСС, так называемому делу врачей и Пражской весне [22].

Одна из особенностей России состоит в том, что российская интеллигенция видит действительность сквозь призму литературы. С XIX в. очень многое из того, что в англосаксонских странах выражалось языком социальных наук, в России озвучивалось ее беллетристкой. Не случайно многие поколенческие модели, понятия и стереотипы были представлены именно русской литературой и литературоведением. А.С. Пушкин говорил о «птенцах гнезда Петрова» как о «поколенческом единстве», который прошел практику жизни и выучку, связанную с периодом власти Петра. Это наложило отпечаток на то, как они действовали, развивались и думали. В «Войне и мире» Болконский — генерал екатерининской эпохи, персонаж, вобравший в себя черты элиты определенной эпохи. Ю. Лотман писал о том, что «в конце XVIII века в России сложилось новое поколение людей... мы отчетливо можем различить несколько поколений, своеобразную лестницу человеческих типов» (и далее, спецификация типовых особенностей людей последней трети XVIII и начала XIX в.) [4, с. 254].

Еще пример: тургеневское видение циклической смены донкихотов и гамлетов [9]. Определенные русские поколения он относит к гамлетам. Они активны в мыслях, но не в действиях. А есть другие, в которых все наоборот. В этом смысле декабристы, конечно, антигамлеты, то есть донкихоты по существу их личных качеств, причина чего коренится в возбуждении и шоке от войн 1812–15 гг. и Парижа тех дней.

Среди фундаментальных исторических вопросов, которые ставит современная поколенческая история, следует поставить вопрос о широте охвата: охватывает ли качественный поколенческий анализ только элиты общества и, игнорируя всех остальных, экстраполирует ли он бездоказательно результаты изучения элит на все остальные слои общества.

Качественный анализ поколенческой истории развивался под несомненным влиянием изучения социальных элит. К. Мангейм подчеркивал, что многое в его работах по этой теме опирается на искусствоведческие теории В. Пиндера [20; 21], влияние которых, несомненно, ограничивалось образованными слоями общества. Но работы Мангейма и Ортеги не ограничивались анализом элит, доказательством чему могут служить книга «Восстание масс» [7] и статья Мангейма об истоках движения правых в Германии [5].

В истории и сознании России огромную роль играли войны. Поколение 1812 г., поколение 1941–1945 гг., поколение «афганцев» как понятия очень широко употребляются в русской речи и закрепляются не только в речи и сознании небольших групп, но и широких масс населения. В работе о крестьянстве другой эпохи [14] мною было показано, насколько революция 1905–1907 гг. определила то, что произошло в 1917–1919 гг. Крестьянские дети 1905–1907 гг., которые пережили карательные экспедиции, прошедшие железным катком через бунтующие русские села, к 1914–1919 гг. стали солдатами. Именно из-за исторической памяти поколения крестьян провалились попытки создать массовую Белую армию из офицеров 1905–1907 гг., ставших генералами, что и кончилось победой Красной армии. Национальные меньшинства демонстрировали сходную причинность. Картина революционной борьбы показывала большой вклад поляков, грузин, евреев в дело красных. Это те, кто в 1905–1907 гг. прошли через особо жестокую школу карательных действий и погромов, результаты чего и проявились в кристаллизованном виде в 1917–1920 гг. Достаточно наложить карту крестьянской борьбы 1905–1907 гг. на карту Гражданской войны, чтобы поколенческая причинность проявилась со всей очевидностью.

Одним из важных является вопрос о том, почему поколенческое понимание истории так часто проявляется в повседневной речи россиян, а ученые все же употребляют эти понятия куда меньше или не употребляют совсем. Думаю, что проблема поколений как части аналитического аппарата в том, что эта форма исторической науки имеет свою историю. Есть периоды, когда важность поколенческого разделения общества резко увеличивается. Так, во время кризисов вопрос о разнице между поколениями становится центральным. А есть периоды, когда это становится менее важным. Ученые предпочитают четко определенные рамки и не очень-то любят фактуру, которую нелегко определить, потому что она изменчива.

И наконец, для тех, кто осознал или осознает важность поколенческого фактора в историческом анализе, каковы первые шаги к ответу на возможные вопросы «что это значит?» и «что с этим делать?». Думаю, что надо начать с

включения в аналитические соображения того, что на Западе определяется как теория «overdetermination» (сверхдетерминации). В центре этого стоит мысль, что мир плюралистичен, и поэтому невозможно отразить его в сугубо монистических моделях. То, что происходит, есть результат многообразия причинно-следственных связей, которые переплетены друг с другом. При этом, переплетение причин А и причин Б дает в результате не просто А + Б, но также определенную дельту.

Поколенческая история не дает исчерпывающих объяснений. Смотреть на мир исключительно через поколенческую «линзу» принципиально ошибочно. Но без поколенческой истории, учета особого влияния поколений и влияния поколенчества на наше понимание истории и на историю, нельзя понять многое из происходящего. Поэтому, думаю, что ответ на вопрос, «что делать с поколенческой историей», — признать ее и изучать ее, имея в виду, что она не является и не может являться единственным и окончательным объяснением, монокаузальной историей. Надо создавать понимание исторических процессов, исходя из плюрализма реальной действительности с взаимовлиянием причинностей как важнейшей сквозной темой будущего дисциплины.

Вопрос: Господин профессор, у меня вопрос междисциплинарного свойства. Лет тридцать-сорок назад, когда в оборот были введены методы имитационного моделирования для войны, торговли, транспорта, технологических процессов и так далее, различали два принципиальных метода моделирования. Дельта t — по столетиям, по тридцатилетиям, по поколениям, по наносекундам, если речь идет о технологиях. И альтернативный метод — по особым состояниям. Исследователь говорил: «Зачем мне брать эту дельту t в пятнадцать лет или в секунду — давайте искать особые состояния». Несколько состояний может прийтись даже на одно поколение, если речь идет о революционных эпохах. Могут быть и очень спокойные эпохи, когда одно особое состояние приходится на три-четыре поколения. Следовательно, поколенческий подход не очень сильно отличается от простого членения по столетиям: XV век, XVI век. И метод особых состояний кажется интереснее. Хотелось бы, чтобы Вы как-то прокомментировали все это. Спасибо.

Т.Ш.: Нет сомнения, что поколенческая история, как я ее понимаю, тесно связана с особыми состояниями, как Вы об этом говорили. Без этого нельзя понять ее, потому что эти особые состояния структурируют мышление, воспитывают поколения, формируют типичные реакции на общественные стимулы.

Здесь следует принять, что у истории есть своя история. Нам кажется, что периоды затишья, когда история идет ровно, сменяются периодами бурь, когда история ускоряется. Поэтому необходимо выделять два уровня: уровень фактов и уровень нашего понимания процессов. Думаю, то, что Вы сказали, подчеркивает необходимость добавить «историю истории», для того чтобы работать с этими материалами.

Вопрос: Хотелось бы задать два вопроса. Первый — несколько абстрактный. Если мы будем писать историю как историю поколений, не получится ли, что мы напишем дискретную историю, в то время как на самом деле история непрерывна?

И второй вопрос, по поводу Вашего примера относительно 1905 и 1907 гг. В 1905 г. было две или даже больше моделей участия в этих событиях. Одни были подавляемы, другие сами подавляли — у всех были дети, только в 1905 г. результат был один, а в 1917-м он оказался другим. Почему же с точки зрения поколенческой теории те, кто выиграл в 1905 г., проиграл в 1917-м?

Т.Ш.: Начну со второго вопроса. Думаю, что здесь сказалось влияние сразу нескольких факторов. Одним из них было серьезное ослабление в ходе проигрываемой войны государственной машины царской власти. И важнейшим элементом была «глубина» этого движения. События 1917–1922 гг. повлияли сильнее и на большее количество людей, чем революция 1905–1907 гг.

Кроме того, там стоял не только поколенческий вопрос, но и множество других. Об одном я уже сказал: под вопросом оказалась сила государственной власти и ее способность сдерживать или сломать революционное движение. И к тому же у населения России оказалось много оружия, особенно у крестьян. Это создало иную ситуацию в происходившем противоборстве.

Относительно дискретности истории думаю, мы не сможем создать реалистической истории, если не примем того, что история и дискретна и недискретна. Поколенческий анализ дает нам возможность присмотреться к дискретному аспекту истории, возможность сделать шаг вперед. Но это не все, потому что поколенческая история не только дискретна.

Я приведу пример. Десяток лет назад я вел какие-то переговоры в Алма-Ате. И вдруг все прервалось, жизнь прекратилась, потому что начался пленум Национально-Демократической Партии. В том же здании Центрального комитета КПСС, те же люди на тех же длинных черных машинах съехались на пленум. Два дня не с кем было говорить: все были на пленуме, и я пошел гулять. Прогуливаясь по городу, я зашел в магазин и купил две книги. Первая оказалась воспоминаниями последнего командира Дроздовской дивизии Белой армии. Вторая была по истории Гражданской войны, написанная человеком, который служил в штабе Тухачевского. Меня потрясло то, насколько одинаковым языком говорили их авторы. Это был один и тот же язык, одно и то же мышление, одни и те же чувства. Прочитав, процитирую вам белого генерала:

«Курсантов вывели во двор, их было человек тридцать. Они поняли, что это конец. Побледили, прижались друг к другу. Один выступил вперед, взял под козырек, рука слегка дрожит:

— Нас вывели на расстрел, ваше превосходительство?

— Да.

— Разрешите нам спеть «Интернационал»...

Я пристально посмотрел в эти серые русские глаза. Курсанту лет двад-

цать, смелое, худое лицо. Кто он? Кто был его отец? Как успели так растравить его молодую душу, что Бога, Россию — все заменил для него этот “Интернационал”? Он смотрит на меня. Свой, русский, московская курноса, Ванька или Федька, но какой зияющий провал — крови, интернационала, пролетариата, советской власти — между нами.

— Пойте, — сказал я. — В последний раз. Отпевайте себя «Интернационалом».

Выступил другой, лицо в веснушках, удалой парнишка, оскалены ровные белые зубы, щека исцарапана в кровь. Отдал мне честь:

— Ваше превосходительство, разрешите перед смертью покурить, хотя бы затяжку.

— Курите. Нам бы не дали, попадись мы вам в руки...

Они затягивались торопливыми, глубокими затяжками.

Быстро побросали окурки, как-то подтянулись, откуда-то из их глубины поднялся точно один глухой голос, воющий “Интернационал”. От их предсмертного пения, в один голос, тусклого, у меня мурашки прошли по корням волос.

— С интернационалом воспрянет...

“Род людской” потонул в мгновенно грянувшем залпе.*

Те, кто видел фильм «Мы из Кронштадта», вспомнят ту же картину, но наоборот. Это — то же самое поколение, которое видит в противниках свою противоположность, но зеркально схожее с ним.

Вопрос: Заранее прошу прощения за то, что это будет вопрос профана, поскольку я не знакома с поколенческой теорией. Сейчас мы говорим о России, о ее уже достаточно давней истории, рассматриваем поколенческую историю применительно к нашей стране. Но в свете глобализации, расширения потоков информации есть ли смысл рассматривать в поколенческом аспекте мировую историю? Можно ли говорить о мировом поколении, которое создано из-за потрясений, имевших мощный резонанс по всему миру: 11 сентября 2001 г., распад Советского Союза? Применима ли эта теория для всего мира?

Т.Ш.: Думаю, что для этого весь мир должен стать одинаковым. А он неодинаков. Каждый, кто хоть немножко ездит по этому миру и не ограничивается внешним впечатлением, видит, что он не одинаков. Статистика подтверждает, что, несмотря на беспрестанные разговоры о глобализации, разница между сообществами остается глубокой, а часто и углубляется. Особенно глубока разница между тем, что в свое время называли третьим миром, и тем, что именовали капиталистическими индустриальными обществами. Даже линия разделения не меняется, потому что практически ни одно общество за время жизни последних двух поколений не перешло из одного мира в другой [26]. Поэтому я думаю, что говорить о глобальном поколении рано, хотя определен-

* Текст приведен по [10, с. 222–223].

ные глобальные элементы, несомненно, будут действовать, и их надо изучать. Скажем, телевизор создает, во всяком случае, видимость единства поколения. Насколько это единство станет реальным, определят будущие поколения.

На данный момент, как мне кажется, ясно, что поколенческой истории всего мира создать нельзя. Хотя попытки сделать это на очень абстрактном уровне предпринимались.

Вопрос: Границы очерчиваются нациями?

Т.Ш.: Не только нациями. Нации — это несомненно так, а особенно, нациями в смысле государственных систем, определяющими себя как этнические системы. На первый взгляд, Европейское сообщество сегодня действует как единое целое, но стоит приехать из Франции в Англию, как становится очевидно, что это единое целое не является вполне единым целым и очень нескоро будет им. Оно еще достаточно долго не сможет сформировать общую культуру единого поколения. А поколение будущего воспитывается теперь.

Вопрос: Если можно, два взаимосвязанных вопроса. Второй будет зависеть от того, как Вы ответите на первый. Скажите, пожалуйста, за что нужно уважать старших и нужно ли?

Т.Ш.: Я не скажу, за что надо, потому что я не моралист. Но я могу сказать, почему уважали старших. Как социолог я изучал, почему так есть или было, а не почему так надо. Так было, потому что старики часто несли в себе элементы знания, которое нельзя было передать другим образом. На определенном этапе развития человечества они из-за этого играли очень важную роль. Этот этап начал подходить к концу сто лет тому назад, а в некоторых регионах продолжается и теперь. Добавлю, что контроль над имуществом играл здесь также важную роль; пока человек жил, он часто контролировал свое имущество. Хоть это и не всегда так: например, в русском крестьянстве XIX в. контроль над землей и положение большака двора (т. е. самоличного главы хозяйства) исчезали, когда человек не мог более работать. Власть и статус переходили к старшему сыну, даже если бывший хозяин был жив. Центральным мне кажется вопрос о том, что несет в себе старое поколение с точки зрения знания и возможности контролировать ресурсы.

Вопрос: И вторая часть вопроса. Вы частично уже на нее ответили, так что я сделаю ее более конкретной. Как Вам нравится такая максима (вообще-то конфуцианская, но она есть в разных культурах), что стариков надо уважать, для того чтобы было уважение, первичное уважение? И не кажется ли Вам, что поколенческая история начинается тогда, когда забывают о первичности уважения к старшим? И считаете ли Вы, что в традиционном обществе в принципе нет конфликта поколений и что поколенческая история начинается тогда, когда начинаются конфликты между поколениями? А они начинаются, когда есть ориентация не на прошлое и не на уважение к старикам, а на некий идеал будущего. Соответственно, прогрессизм и определяет начало поколенческой истории.

Т.Ш.: Интересный вопрос. И на него частично дали ответ ученые, занимавшиеся поколенческим анализом. Однако он далеко не полный. Для тех, кто интересуется, как с этим пытались справиться социологи, предлагаю книгу Ш. Айзенштадта «Из поколения в поколение». Он исходил не из уважения к старикам, а из функционалистской точки зрения. При этом старику и для не-старику отводилось социально определенное место. Это был удел стабильного общества. Оно должно было быть также цикличным в жизненных ритмах, поскольку цикличность — залог стабильности. Ш. Айзенштадт считал, что с началом современного общества старая система распадается. Это довольно близко к тому, что Вы сказали, но не в плане этики и этических понятий, а больше с точки зрения социологических определений функционирования различных обществ.

Вопрос: Господин профессор, если мы будем методологически последовательны, то поколенческий подход с неизбежностью приведет к тому, что раньше называлось ролью личности в истории, к ее влиянию на определенные процессы. С неизбежностью мы выходим на понимание природно-заданных факторов, которые несет в себе личность и которые определяют те или иные исторические события. Школа поколенческого подхода вывела ряд исследователей к астрологической школе в истории. В последние десять лет шла разработка этого направления. У нас оно представлено работой Морозова «Ритмы истории» и работами Григория Кваши. Кстати, один из прогнозов Кваши сбылся в начале этого года. Согласно его прогнозу, основанному именно на этой методике, Масхадов должен был быть уничтожен в этом году. Это сбылось. Каково, на Ваш взгляд, соотношение поколенческого подхода с подходом астрологическим в процессе исторического освещения события?

Т.Ш.: Прежде чем ответить, должен сказать, что сегодня, конечно, не смогу дать ответы на все вопросы, которые хотелось бы задать присутствующим (у меня самого много вопросов к самому себе). Хочу сообщить, что в течение года в Московской высшей школе социальных и экономических наук шел семинар по вопросам поколенческой истории, в котором принимали участие такие ученые, как Ю. Левада, Б. Дубин и др. — дюжина коллег. Материалы этого семинара составили книгу, которая пошла в печать несколько дней тому назад [8]. Я надеюсь, что там найдется хотя бы часть ответов на некоторые вопросы. Тематика не очень хорошо известна в России, поэтому надо положить книжку на стол и начать разговор вокруг нее.

Второе, астрология. Я не принимаю астрологию как достаточно доказанную. Это не заявление, которое закрывает возможности астрологического мышления как такового. Но этого достаточно, чтобы для себя закрыть данное направление. Если бы оказалось, что астрология работает, то поколенческий вопрос обязательно выплыл бы и там.

Вопрос: Господин профессор, Вы изложили некий методический подход к пониманию истории. Он интересен, но поскольку я еще не знакома с трудами

в этой области, у меня один вопрос. Что этот подход позволяет понять или увидеть в истории такого, чего не дают другие подходы? Если это новый метод, если он дает новую информацию, новое понимание бытия, в чем его новизна, которая не достигается другими методами?

Т.Ш.: Начну с того, что это не новый метод. Я с самого начала пытался показать обратное. Метод изложения, который использовался в Библии, не может считаться новым. В современных науках он также не нов, но мало известен в России. Я выбрал эту тему потому что, на мой взгляд, одна из важнейших задач нашего университета, моя лично, моих друзей, — принести в Россию некоторые понятия, которые не попали сюда из-за того, что происходило в 1920–1980-е гг.

Работы К. Мангейма и Х. Ортеги были в центре внимания европейцев в 1940–1950-е гг. Они сыграли большую роль в спорах о нашем понимании истории. Одни соглашались, другие не соглашались, третьи соглашались частично. Но, во всяком случае, это инструмент или набор инструментов, которые вы найдете в Западной Европе, и это – часть того, как мы думаем. Это не обязательно надо принимать.

Что нового это дает? Опять, не всегда новое. Есть те, кто еще помнит статью Ленина «Памяти Герцена». Он пишет о том, как Герцен «разбудил» народолюбцев, а народолюбцы «разбудили» русских марксистов*. Здесь мы имеем дело с попыткой Ленина понять поколенческую цепочку развития политического мышления.

В поколенческом мышлении также отражено чувство идейных циклов, т.е., мысль о том, что в российской элите были периоды гамлетов и периоды донкихотов, что в развитии культурной истории кроме линейных тенденций существуют также и выраженные циклические этапы. И это важно, потому что тогда по-другому видишь действительность. Если принять этот взгляд, то можно лучше понять причинность и прогнозировать определенные тенденции в будущем.

Если взять период начала XX в., то с учетом дистанции между 1905–1907 гг. и 1918 г., и с учетом того, кем было поколение солдат Гражданской войны, становится ясно, почему произошел поворот к революционному мышлению и почему, когда Белая армия пошла в 1919 г. с юга на Москву, это кончилось ее разгромом. По описанию А. Деникина, чем дальше они продвигались, тем больше разрасталось за их спиной крестьянское восстание, тем больше приходилось выделять войск на его подавление**. Поколение крестьян, которое получило

* «Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхвати-ли... революционеры-разночинцы...» [3, с. 261].

** «Действия повстанческих отрядов вносили подчас весьма серьезные осложнения в стратегию всех борющихся сторон, ослабляя попеременно то одну, то другую, внося хаос в тылу и отвлекая войска с фронта. Объективно повстанчество являлось фактором положительным для нас на территории, занятой врагом, и тотчас же становилось ярко отрицательным, когда территория попадала в наши руки» [2, с. 95].

в 1905–1907 гг. урок классовой ненависти, боролось с Белой армией, где полковниками и генералами были лейтенанты карательных отрядов 1905–1907 гг. Когда смотришь на это таким образом, то причинность Гражданской войны и победы в ней красных становится яснее. А без этого трудно объяснить. Остаются моральное превосходство пролетариата или гений Л. Троцкого, или законы обязательного прогресса.

Вопрос: Не кажется ли Вам некорректным говорить о поколении в единственном числе, даже если речь идет о группе людей одного возраста, проживающих в один исторический период? Не хотелось бы придирааться к словам, но все же я приведу пример. Вы упомянули поколение «афганцев». Да, есть такая четкая группа. Она сформировалась на фоне определенных событий, войны в Афганистане, последующего положения этих людей. Эта группа прослеживается в политике и экономике на протяжении десятилетий. Можно это назвать поколением. Можно ли назвать поколением тех людей, которые жили в той же стране, в тех же городах, учились в тех же школах, а потом становились хиппи, принимали другую модель поведения, что мы сейчас и прослеживаем? Тот же период: в тех же самых школах учились будущие комсомольские работники, которые формировали свою культуру, и у них были свои события. Шагнем на десять лет вперед — реформы 1990-х гг. Казалось бы, реформы, рынок, формируется поколение. Вам не кажется, что в то же самое время формировалось и другое поколение — поколение информационных технологий, — но на фоне другого события: доступности компьютера и Интернета? И у людей был выбор: быть тем поколением или иным поколением. И если мы так начнем дробить одну группу людей одного возраста в одной стране, то у нас получится, что вообще нет поколения, а есть определенная социокультурная группа, которая в силу определенных исторических событий оказалась или очень широкой, как во время Второй мировой войны в России и Европе, поуже, как в США, и еще уже, как в Бразилии. Не кажется ли Вам, что обобщение можно сделать и по-другому?

Т.Ш.: В своем изложении я слишком мало сказал о взглядах К. Мангейма, классика поколенческого мышления. Он говорил о двух вещах: о «духе поколения», который обнимает практически всех, кто прошел через одни и те же события, и о поколенческих единствах. На базе той же группы в тот же период развиваются разные поколенческие единства, которые ставят себе разные задачи и часто борются между собой. Этому аспекту Мангейм посвятил специальную работу, где показано, что в одних и те же условиях в одном поколении возникло, с одной стороны, красные, а с другой — нацистское движение [5].

Совершенно ясно, что нельзя просто сказать: «Все они родились в 1922-м, и поэтому мы ожидаем, что все они будут действовать примерно одинаково». Нет, они не действуют одинаково. Но есть сходства, которые мы аналитически можем выделить. Я говорил о таком сходстве, когда сравнивал командира Дроздовской дивизии Белой армии с командирами красных. Это были, если хотите, два разных поколенческих единства.

Мы опять возвращаемся к проблеме плюрализма как элемента видения истории. То, что есть разные группы в определенном поколении, не значит, что существование поколения не влияет на всех и не определяет в немалой мере их действия. Их надо делить на поколенческие единства.

В Вашем вопросе я вижу ответ, почему тем, кто занимается поколенческим анализом, приходится много работать. Нужно выделить разные группы, определить их сходства и различия, выявить конфликтные точки, а также точки единого видения мира. В каждой группе людей, которые живут в определенный период, существуют также возрастные подгруппы и т.д.

Есть еще одна проблема, которую я не затрагивал, потому что это было бы слишком много для получасового выступления. В фокусе поколенческого анализа стоит не группа людей, живущих в одно время, а то, что социологи часто называют когортой — это люди, которые родились в тот же период, потом прошли через среднюю школу в тот же период и т.д. Этот анализ видит в когорте важнейший элемент для понимания того, что происходит с поколениями.

Вопрос: Что знает среднестатистический россиянин по-немецки, если он его не учил? Он знает «Гитлер капут!», «Хенде хох!», «Цурюк», ну и так далее. Понятно, что это эхо войны. Вопрос по этому поводу следующий: как Вы относитесь к той теории, что историческая память стирается через четыре поколения, не больше и не меньше? Второй вопрос. Насколько вероятно то, что мои дети, а потом и внуки будут играть в войну и говорить «Хенде хох!» и «Гитлер капут!»? И третий вопрос. В какой мере крестьяне Смоленщины в 1870 г. знали французский язык из лексикона не бар, а солдатни? Спасибо.

Т.Ш.: На последний вопрос я не смогу ответить компетентно. Здесь нам нужны лингвисты, которые занимаются исторической лингвистикой.

Теперь о том, насколько стирается историческая память за четыре поколения. Этот вопрос исследовался систематически, особенно американскими учеными. И они пришли к выводу, что быстрота, с которой стирается память, связана с драматичностью фактов, хранящихся в этой памяти. Чем драматичнее факты, тем дольше они удерживаются в коллективной памяти, и наоборот [23; 24]. Мне кажется, что принцип четырехпоколенной памяти в большинстве случаев не выдерживает проверки. Память исчезает быстрее, чем в течение четырех поколений, а в крайних случаях она хранится и дольше.

Здесь стоит проблема способности запоминать вещи в их связи с системой символов. Ответ лежит в области анализа символических систем. Если определенные символы выдерживают испытание временем, то память может держаться более четырех поколений. Для примера приведу отношения украинцев и поляков, испытавших взаимную ненависть, «потому что вы нас убивали». То же можно сказать о евреях и украинцах, взаимная вражда которых держалась со времен Хмельницкого, т.е. не четыре поколения, а гораздо дольше.

Вопрос: Поскольку в предыдущем ответе были упомянуты символические структуры, а также прозвучал тезис о важности литературы для поколенческой

дифференциации, я хотел бы знать, насколько это специфично и не лучше ли говорить о том, что поколения формируются не столько общим социальным опытом (социальный опыт должен быть уложен в определенные символические структуры, иначе он непонятен даже тому, кто его пережил), сколько общностью символов? Может быть, поколение — это люди, которые читали одни и те же тексты и воспитаны на одних тех же текстах, а со сменой культурного цикла происходит и поколенческая смена.

Т.Ш.: Несомненно, есть элемент истины в том, что Вы сказали. У меня нет сомнения в том, что, не углубившись в изучение символических структур, нельзя понять, насколько долго коллективная память удерживается, как удерживается, каковы механизмы удержания и как они влияют на действия.

В то же время важно помнить, что в удержании памяти участвует не только символика, но и практика ежедневной жизни. Происходит комбинирование практики повседневной жизни и символики, которая часто выходит на высокий уровень абстракции. Чтение текстов, как и «устная история», помогает определить это.

Вопрос: Вы говорили о том, как отражается в обыденной коммуникации некий неакадемический, естественный поколенческий подход. Интересно, по опыту Вашей научной, коммуникационной, организационной деятельности в России с конца 1980-х гг. насколько вычленение поколений для Вас было рабочим инструментом в Вашей непосредственной деятельности? И что за поколения получились?

Т.Ш.: Начну с того, что я не думал об этом, когда начинал работу в России. Я был занят практическим вопросом переноса определенных форм знания, которые не дошли в свое время в Россию. Я считал, что очень неудачно для страны, что они не дошли, они могут обогатить мышление российских ученых, русской интеллигенции. Отсюда та программа трансформации гуманитарного образования и летние школы социологов МВШСЭН, которыми я руководил в 1980 1990-е гг.

Когда я смотрю назад, у меня не возникает сомнения в том, что к решению начать работу в России, хотя я вначале поддерживал связь с Манчестерским университетом, меня подвигли узы личной дружбы. И эта личная дружба тогда была очень четко завязана на группу людей, которых вы называете шестидесятниками. Думаю, в большой мере те ценности, которые я сам принимал, считал очень важными и пробовал поддержать, — это ценности шестидесятников.

Я подружился с этими людьми в ходе проведения своего исследования русского крестьянства. Чтобы не быть голословным, назову их имена: Татьяна Заславская, возглавившая в то время Социологическую ассоциацию, Виктор Данилов. То, что я делал и продолжаю делать, связано в основном с этим поколенческим единством шестидесятников, если определять это в терминах К. Мангейма. Эти люди мне были и остались близки. И хотя все меньше их остается в живых, сохранилась их модель мышления. Если хотите, это идеализм,

может быть, детский, но чистый, и в этом его красота. В России это оставалось для меня путеводной звездой.

Насчет поколенческой истории как инструмента анализа. Я пытался показать его характеристики и силу в моей книге «Революция как момент истины» [15], которая вышла на русском языке. Коротко на это не ответить...

Вопрос: У меня два вопроса. Первый вопрос *de re*, второй, *de dicto*. Первый вопрос к Вам как к социологу. Все имена, связанные с осмыслением поколенческой истории, которые Вы перечисляли, принадлежат к определенному периоду социальной истории современных обществ. Это массовые индустриальные общества, где целыми поколения людей переживали очень крупные события. Вы постоянно приводите в пример войны, революции и т. д. По-моему, этот период уже закончился. Сейчас никто не переживает чего-либо, сопоставимого по масштабу с последней Мировой войной. Я хочу сказать, что поколенческая схема в социологическом смысле относится к определенному очень локальному периоду, который уже закончился.

Второй вопрос к Вам как к историку. Разве можно объяснить какой-нибудь исторический факт ссылкой на то, что кто-то принадлежит к определенному поколению? Понятно, молодое поколение выбирает «Pepsi», но это же не историческое объяснение.

Т.Ш.: Начну опять с последнего. Я думаю, что не только можно объяснить — нельзя объяснить по-другому. Русскую революцию не объяснить без поколенческого анализа русского общества в этот период.

Реплика: Его недостаточно.

Т.Ш.: Его недостаточно, потому что нет ни одной аналитической схемы, которая была бы сама по себе достаточной в отношении к чему-либо серьезному в истории. Это такая идея советских времен, что все определяется какой-то одной легко выражаемой фразой или базисом, а все остальное — надстройки и эпифеномены. Это никоим образом не вписывается в реальное историческое развитие какой-либо страны или территории.

Это связано с первым вопросом, который вы задали, не кончился ли период великих происшествий. Когда-то из-за великих происшествий поколенческое видение было важным, а теперь это не важно и не интересно — ну, прошло их время. Должен сказать, что по сравнению с публикой, которая здесь сидит, я довольно стар и десятки раз за свою жизнь слышал и о «конце идеологии», и о «конце истории». Каждый раз заявляли: «Все, конец!» Помню, как Фукуяма заявил о конце истории, а спустя несколько месяцев стал определять, куда эта история идет [18; 19].

Я не верю в то, что история когда-либо кончается, и я также не верю, что драма в истории когда-либо кончается. Драматизм истории не случаен, это не просто «так вышло». Есть периоды, когда жизнь поспокойнее, есть периоды, когда она более драматична. С болью сердечной скажу, что я не думаю, что в следующие двадцать лет она станет спокойнее. Драма будет продолжаться. И

без этой драмы нельзя понять, почему люди глубоко отличаются в своей реакции от людей, которые старше их на двадцать лет или моложе на двадцать лет. Поколения — это не единственная причина. И тот, кто думает, что в этой причине он нашел окончательный ключ, — просто дурак. Но отказываться от поколенческой теории только потому, что она не дает окончательных ответов, значит не понимать, что такое история и чего можно ожидать от хорошего исторического анализа.

Вопрос: Я сюда пришел из уважения к заглавиям Ваших книг: «Late Marx and the Russian Road» [25] и «Великий незнакомец» [14]. Великий незнакомец — это крестьянин, великий. И «Russian Road» у Вас тоже написано с большой буквы. Вы говорили о теориях конца истории. Сейчас многие считают, что русская история приходит к концу, русский путь приходит к концу. А с русским крестьянством уже покончено.

Ваша землячка Тэтчер сказала, что русских должно быть то ли fifty, то ли fifteen — то ли пятьдесят, то ли пятнадцать миллионов, не больше. Близкие вам люди в Америке считают, что Россия должна быть раздроблена. То, что осталось от России, это — не Россия, это обрубок России, и его нужно разрубить еще кусков на пятнадцать или хотя бы на три-четыре-пять, как считает поляк Бжезинский.

Но поскольку речь сегодня шла о поколениях, я на этом останавлиюсь. Мне трудно понять, почему 1905 г. породил таких недовольных. Я плохо знаю историю 1905–1907 гг. В одну группу попали и русские крестьяне, которых, по словам Заславской, в России было 80 % даже в 1924 г., а тогда и все 90, и меньшинства, которые Вы назвали: поляки, евреи и грузины. Они оказались в одной группе и выступили совместно против царской власти. Вероятно, в какой-то мере оно так и было, какая-то связь здесь прослеживается. Дети тех восстали против этих уже через десять-двенадцать лет. Но если дальше посмотреть, то спустя каких-то еще семь-восемь лет начались восстания, серьезные восстания, очень трагичные. Скажем восстание Антонова. Это были восстания уже не против царской власти. Приходит еще одно поколение, и наступает коллективизация, которая тоже приводит к крупным восстаниям. Потом сменяется еще пара поколений, и сегодняшние крестьяне продают то, что было святым для них, землю продают. Тогда считалось, что землю продавать невозможно. А теперь как-то так устроено, может быть, Заславской...

Мне немного странно, что Вы симпатизируете Заславской, в то время как тогда были и писатели-деревенщики, например, Федор Абрамов. А Заславская — автор теории уничтожения бесперспективных русских деревень.

Мы пришли к тому, что сегодня крестьяне, даже не получив в натуре эти выделенные три гектара, а имея только свидетельства на них, продают их за бесценок, а потом эта земля за большие деньги перепродается. Получается страшная вещь, что нынешнее поколение крестьян продает мать родную, потому что для их предков земля всегда была Матушкой-кормилицей.

Т.Ш.: Вы много сказали, и поэтому я на все ответить не смогу. Отмечу, что если Вы возьмете мою книгу «Революция как момент истины», то найдете там 400 страниц анализа и фактов. Представить все это сейчас я бы не смог, даже если бы захотел.

Мне странно, что Вы меня мешаете с Бжезинским. Бжезинский хотел бы расколоть Россию на маленькие слабые политические структуры и этим исчерпать проблему России, которая не дает Европе спокойно жить. Я — враг Бжезинского уже много лет, и всеми силами противостояю его взглядам. Для меня эти взгляды неправильны не потому, что они обидны для русских, а потому они ложны. Ученый — это странная профессия: мы занимаемся правдой. Ложное мировоззрение Бжезинского определяет мое отношение к этому человеку. И вообразить, что я бы здесь создавал и десять лет вел постдипломный университет, чтобы продвинуть вперед понимание общественных наук русскими студентами, потому что мне хочется разделить Россию на маленькие кусочки... Это до того абсурдно, что не стоит отвечать. Я думаю, что моя биография ответит за меня. (*Аплодисменты в зале*)

Я не случайно назвал русское крестьянство великим незнакомцем. Думаю, что русские недостаточно знают свое крестьянство, и поэтому посвятил много времени объяснению того, что такое крестьянство, как развивалось русское крестьянство. Конечно же, я работал с группой блестящих русских ученых, таких, например, как Виктор Данилов, и мог бы назвать многих других.

Хочу добавить, что следует все же оперировать фактами. Я знаю материалы Т. Заславской. То, что она поддерживала какую-то теорию ненужных деревень, — просто неправда. Это элемент пропаганды, которая на определенном этапе велась против многих шестидесятников. Ф. Абрамов первым признал бы это.

Я хочу напомнить всем: первым человеком в этой стране, кто сказал, что сельское хозяйство России начало приходить в упадок и это будет продолжаться, если не принять меры, при чем сказал это в 1982 г., когда другие кричали «Ура!», и тяжело пострадал за это, была Т. Заславская.

Еще я хочу сказать о продаже земли следующими поколениями. Думаю, что в истории сельского хозяйства Англии, которое (для тех, кто не знает) и теперь в Европе одно из самых эффективных по производительности, были периоды, когда землей в основном владели не фермеры, а лендлорды, и периоды, когда земля принадлежала фермерам. Если сравнить производительность сельского хозяйства, которое определяет качество жизни населения, когда английские фермеры землей владели и когда они ее арендовали, то увидим, что Англия была ведущей по производительности в обоих случаях. Где же разница? Я думаю, что частное владение землей не обязательно для эффективного существования крестьянства. Но когда вместо крестьян на земле появляются люди, которые строят дачи, это и есть тот исторический момент, который может стать концом крестьянского сельского хозяйства. Я не против частной собс-

твенности на землю, но не думаю, что это решающий фактор. В этом я близок А.В. Чайнову.

Вопрос: Я хотел спросить Вас как специалиста по крестьянам. На Ваш взгляд, есть ли перспективы у русского крестьянства как уникального исторического феномена? Будет ли оно сохраняться именно как русское крестьянство, а не как сельскохозяйственное население Российской Федерации?

Т.Ш.: Думаю, это будет зависеть от определенного элемента в развитии сельского населения. Должен сказать, что в данную минуту я довольно пессимистичен, основываясь на практике последних лет. Но я отвечу с аналитической точки зрения.

Крестьянство может удержаться. Русское и нерусское. (В России есть много нерусских крестьян. Они чаще всего действуют и живут, как русские крестьяне.) Полагаю, что это будет возможно, если удастся вернуть к жизни чайновские планы кооперации или создать их функциональный эквивалент на муниципальном уровне. Отдельным крестьянам не удержаться под нажимом существующей экономики, но они смогут выжить, если им удастся создать сильные кооперативные структуры. Кооперативные не в смысле колхозов, конечно, потому что колхозы никогда кооперативами не были. Я имею в виду кооперативы, о которых писал А.В. Чайнов [13] и крестьяне его поколения. В некоторых регионах Северо-Западной Европы схожие функции выполняет частично государственная или муниципальная служба развития (extension service). Это форма защиты крестьянских производителей от паразитических структур в вопросах кредита, покупки и продажи, выведения новых культур и т.д.

От того, как удастся развить эти формы, зависит судьба крестьянства. В противном случае произойдет его распыление, мы придем к созданию полулатифундий, как это уже имеет место в ряде районов России. (На этих латифундиях работают наемные рабочие, часто иммигранты, а все больше полей зарастает бурьяном.) Десять лет тому назад я бы ответил куда более оптимистично. Тогда мне казалось, что понимание важности «человеческих» форм развития существует в руководящих органах и у местных властей и нужные меры будут приняты.

Вопрос: А каковы причины равнодушия властей к крестьянской проблеме?

Т.Ш.: Слабость крестьян. Это урок, который получило русское крестьянство за свою слабость в политической сфере. Их научили, как в этом, так и в прошлом поколении, до какой степени они не способны справиться с нажимом сверху. А когда люди не могут реально справиться с нажимом, то чаще всего идея коллективной самозащиты исчезает. Они переходят к защите самих себя и своих семейств.

Должен сказать, что английскому и скандинавскому крестьянству (фермерству) не удалось бы удержаться без сильного кооперативного движения. Между прочим, они в своих школах кооперативного движения изучали труды А.В. Чайнова, которого перевели в 1960-е гг. на английский язык.

Вопрос: Вашим российским коллегам — специалистам по сельскому хозяйству — и тем людям во власти, с которыми вы, возможно, встречались, понятна идея кооперативной организации в крестьянской среде? Или там не только политическая проблема, но и проблема с пониманием?

Т.Ш.: Политическая проблема и есть проблема понимания в большой мере. В данном случае я думаю, что неспособность сельской элиты России принять кооперативное движение как способ движения вперед была определена экспериментом с коллективизацией. Коллективизация до того разбила привычки коллективного действия снизу, в такой мере показала его слабости и опасности, что после этого было очень трудно сказать людям: «Это просто была плохая кооперация, вам нужна хорошая кооперация». Поэтому события последних десяти лет породили пессимизм.

Вопрос: Мой вопрос, может быть, будет немного не по теме выступления, но скорее по теме пессимизма-оптимизма. Как Вы оцениваете результаты своей деятельности в сфере образования за эти десять-пятнадцать лет? Какие ощущения у Вас по поводу того, что сейчас происходит в организационной сфере, связанной с образованием?

Т.Ш.: Думаю, что моя работа в сфере образования в России была результативной в том смысле, что Московская высшая школа социальных и экономических наук работает и показала модель постдипломного университетского образования, которая была нова для России. В них интерактивное взаимодействие ученого-преподавателя со студентом куда важнее, куда ценнее, чем это было принято. Студентов реально обучают тому, как учиться, а не фактам. Это другой подход к развитию самостоятельного мышления и способам его выражения. И то, что мы делали, влияет на то, как выпускники подходят к жизни вообще, к познанию, к организации своей профессиональной карьеры и т. д.

Мы — островок в большой стране с крупными образовательными системами и проблемами. И я не тешу себя надеждой на то, что крупные изменения могут произойти из-за работы небольшого постдипломного университета. Но как эксперимент действием это ценно. Мы — ресурс новых идей и методов, а это очень нужно и стране, и педагогической системе, и самим выпускникам. Это особо важно сегодня в сфере гуманитарного образования, которое было много лет в загоне. Я рад, что приложил к этому руку.

Библиографический список

1. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992.
2. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Вооруженные силы Юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. Минск: Харвест, 2002.
3. *Ленин В.И.* Памяти Герцена // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 21. С. 255–262.
4. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994.

5. *Мангейм К.* Консервативная мысль // Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 572–668.
6. *Мангейм К.* Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2(30). С. 7–47.
7. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: АСТ, 2002.
8. Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
9. *Тургенев И.С.* Гамлет и Дон-Кихот // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1980. С. 330–348.
10. *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне: Картины Гражданской войны. Л.: Ин-грия, 1991.
11. *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.
12. *Хобсбаум Э.* Век крайностей: Короткий XX век (1914–1991). М.: Независимая Газета, 2004.
13. *Чаянов А.В.* Краткий курс кооперации. М.: Книжная палата, 1989.
14. *Шанин Т.* Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992.
15. *Шанин Т.* Революция как момент истины: Россия 1905–1907 – 1917–1922 гг. М.: Весь мир, 1997.
16. *Dilthey W.* Ueber das Studium der Geschichte der Wissenschaften vom Menschen, der Gesellschaft und dem Staat // Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd. 5–6: Die geistige Welt. Leipzig; Berlin: Teubner, 1924. S. 36–41.
17. *Eisenstadt S.* From Generation to Generation. N.Y.: Glencoe. 1956.
18. *Fukuyama F.* The End of History // The National Interest. 1989. № 17. Fall. (Фукуяма Ф. Конец истории // Вопросы философии. 1990. № 3)
19. *Fukuyama F.* The End of History, Five Years Later // History and Theory. 1995. Vol. 34. № 2. P. 27–43.
20. *Pinder W.* Kunstgeschichte nach Generationen. Zwischen Philosophie und Kunst. Leipzig: Eduard Pfeiffer, 1926.
21. *Pinder W.* Das Problem der Generation in der Kunstgeschichte Europas. Berlin: Seemann, 1926.
22. *Schuman H., Corning A.D.* Collective Knowledge of Public Events: The Soviet Era from the Great Purge to Glasnost // American Journal of Sociology. 2000. Vol. 105. Jan. P. 913–956.
23. *Schuman H., Scott J.* Generations and Collective Memories // American Sociological Review. 1989. Vol. 54. № 3. P. 359–381.
24. *Schwartz B.* The Social Context of Commemoration: A Study of Collective Memory // Social Forces. 1982. Vol. 61. № 2. P. 374–402.
25. *Shanin T.* Late Marx and the Russian Road. Marx and «the Peripheries of Capitalism». L. etc.: Routledge & Kegan Paul, 1983.
26. *Worsley P.* The Three Worlds: Culture and World Development, L.: Weidenfeld and Nicolson, 1984.

ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ОТНОШЕНИЯ С БЛИЗКИМИ ЛЮДЬМИ

.....

А.Н. Кимберг, А.А. Таганова*

Личностная идентичность представляет собой увлекательный феномен, который не оставляет равнодушным любого, кто в какой-то момент жизни им заинтересуется. Упоминание об идентичности отсылает человека к ряду вопросов «Кто я такой?», «Тот же я, что был и вчера?», «Не изменяю ли я сейчас чему-то важному для меня?» и даже «Где я нахожусь и что мне делать?». Нельзя сказать, что человек озадачен этими вопросами постоянно. Это было бы симптомом психической дезадаптации или, по крайней мере, кризисного психологического состояния (если, конечно, речь не идет о психологе экзистенциально-гуманистической школы, для которого вследствие профессионального габитуса это обычное состояние). Но точно так же у нас вызывает некоторое недоумение человек, который никогда не задавал себе этих вопросов. Он либо глуп, либо счастлив, либо удачно соединил в себе две эти благодати.

Вместе с тем отметим, что мы говорим сейчас об осознаваемой и рефлекслируемой субъектом идентичности. Но личностная идентичность представляет собой не только феномен осознания человеком своих индивидуальных и социальных качеств применительно к тому социальному контексту, в котором он находится (хотя большинство западных исследователей идентичности предпочитают рассматривать ее, прежде всего, как когнитивную репрезентацию селф, т.е. осознание субъектом своего Я в данном социальном контексте). Осознание опирается на определенность, которая имеет более глубокие основания, поскольку укоренена в социальном бытии и практиках человека, его истории, его отношениях с другими людьми.

* Кимберг Александр Николаевич — кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии и социологии управления. Электронная почта: kimberg@manag.kubsu.ru

Таганова Анна Александровна — кандидат психологических наук, преподаватель кафедры социальной психологии и социологии управления.

Можно сказать, что личностная идентичность есть ответ субъекта самому себе на вопрос «Кто ты (в данный момент, завтра, через год и т.д.) такой и что из этого для тебя вытекает?», и как всякий ответ она проявляется тогда, когда такой вопрос звучит. Но нет вопроса — нет и развернутого ответа, потому что зачем? И тогда мы говорим о *переживании* идентичности или, как писал Эриксон о «субъективно вдохновенном ощущении тождества и целостности» [12, с. 28]. Это радостное чувство здорового организма и действующего Я, не нуждающегося в ином отражении себя или выделении себя из бытия, кроме переживания полноты чувств и соответствия потоку жизни. Только посредством специального образования и настоятельных требований «остановиться и подумать» формируется рефлексивный навык и понятийный аппарат осознания себя и осмысленного выражения своего Я, что дает возможность обсуждать проблемы жизни человека.

Чувство идентичности сопровождает нас всю жизнь, мы переживаем его как оптимальное чувство «психосоциального благополучия», «ощущения себя в своей тарелке», и лишь в кризисные моменты нашей жизни оно может казаться нам «слишком осозанным». Оно достигает кульминации своей осознанности в подростковый период в форме переживания «острого осознания идентичности» [12, с. 175]. Конец детства — это как раз тот период, в котором и возникает психическая цельность, которую Эриксон назвал «чувством внутренней идентичности». В этот момент становится возможным проследить наличие связи между ощущением себя в прошлом, настоящем и будущем и между собственным представлением о себе и тем, как меня видят другие.

Формирование идентичности протекает большей частью бессознательно на всех уровнях психической деятельности. Данный процесс представляет собой «процесс одновременного отражения и наблюдения», в результате которого формируется особая психологическая конфигурация, состоящая из двух основных составляющих: собственной оценки себя в сопоставлении с оценкой его другими и оценки суждений других о нем в сопоставлении с тем, как индивид воспринимает себя в сравнении с этими другими, значимыми для него. Описанный процесс находится в постоянном изменении и развитии. Его можно представить в норме как процесс «постоянной дифференциации» по мере расширения круга значимых для индивида лиц: от матери до всего человечества. Процесс формирования идентичности продолжается всю жизнь индивида и «не кончается до тех пор, пока в человеке не гаснет способность узнавать другого» [12, с. 32].

На протяжении всего детства происходит пробная кристаллизация становящейся идентичности. Эриксон полагал, что ребенок идентифицирует себя со многими впечатляющими его фигурами своего окружения. Идентичность включает в себя все значимые идентификации, но изменяет их с целью создания чего-то единого и причинно связанного, отказываясь от одних, взаимно ассимилируя другие и объединяя их в новую конфигурацию. Эта развивающаяся конфигурация устанавливается постепенно на протяжении всего детства,

периодически синтезируя Эго из все новых и новых впечатлений опыта субъекта, и включает в себя конституционально обусловленные психологические свойства, устойчивые мотивы и потребности, социально одобряемые способности, значимые идентификации, эффективные механизмы защиты и последовательно осваиваемые социальные роли.

С этой точки зрения большое значение для изучения идентичности имеет среда, причем не только как объективный мир людей и их взаимоотношений, существующих вокруг индивида, но и внутренний мир значимых других и их отношений. «С точки зрения развития, — пишет Э. Эриксон, — прошлое окружение всегда присутствует в нас» [12, с. 33]. Идентичность — «это не доспехи», «не нечто статичное и неизменное» [12, с. 33]. Идентичность индивида «включает в себя, не исчерпываясь этим, сумму всех последовательных идентификаций, в тот ранний период, когда ребенок хотел, а часто и нуждался походить на людей, от которых он зависел» [12, с. 96]. Особенностью идентичности является ее медленное изменение и слабое осознание в детстве. «У ребенка в результате множества успешных пробных идентификаций начинают складываться ожидания по поводу того, что значит быть старше и что значит быть моложе, ожидания, которые становятся частью идентичности по мере того, как они, шаг за шагом, проверяются психосоциальным опытом». Описанные детские идентификации индивид подчиняет «новому виду идентификации, достигнутому в ходе социализации и соперничества со сверстниками». Этот новый единый гештальт уже «есть нечто большее, чем просто сумма его частей» [12, с. 166]. В процессе терапии и воспитания некоторые нежелательные идентификации могут быть заменены, хотя изначальное направление, в котором идет формирование идентичности, остается довольно устойчивым, что обеспечивает восприятие преемственности и последовательности Эго субъекта как им самим, так и окружающими.

Эриксон выделяет два главных фактора, на которых основана эго-идентичность и которые он называет «качеством существования». Во-первых, это ощущение тождества самому себе и непрерывность своего существования во времени и пространстве; во-вторых, это также то, что эти описанные тождество и непрерывность признаются окружающими, «значимыми другими» [12, с. 59].

Именно этот психологический механизм, постоянно соотносящий внутреннее и внешнее, фактор обеспечивает «избирательное выделение значимых идентификаций на всем протяжении детства и постепенную интеграцию образов “я”, достигшую кульминации в чувстве идентичности» [12, с. 219]. Он же закладывает самое динамичное и энергетически заряженное противоречие жизни человека: быть определенным, отличающимся от Других и автономным от них и одновременно быть признанным в своих качествах и своей целостности этими же Другими. Быть признанным Другими означает быть увиденным ими как самостоятельная сущность, причем именно в тех качествах, которые самому субъекту представляются как наиболее важные, центральные для его идентичности.

И.С. Кон был, как представляется, одним из первых отечественных исследователей, который детально обозначил эту проблему интерперсонального контекста становления и существования идентичности: «Хотя собственное “Я” кажется человеку первичной и самоочевидной реальностью, оно всегда осознается лишь в контексте какого-то отношения (“Я–Не-Я”, “Я–Другой”, “Я–Мы”, “Я–Мое”, “Я–Я”) и зависит от природы этого отношения. Чем абстрактней полюс, которому противопоставляется “Я”, тем меньше конкретности в нем самом. Так, оппозиция “Я–Не-Я” не содержит в себе ничего, кроме общего указания на идентичность. Рассмотрение “Я” в контексте отношений с другими людьми содержит в себе уже целый комплекс значений. “Я–Другой”... означает не только различие, но и потенциальное взаимодействие» [6, с. 10]. Само понятие «значимый другой» было широко использовано И.С. Коном в получивших широкую известность книгах «Открытие Я» [6] и «В поисках себя: личность и ее самосознание» [5].

Идентичность представляет собой нечто существенно большее, чем эпифеномен осознания себя действующим индивидом.

О. Кернберг видит идентичность как особую интрапсихическую структуру, которую характеризует следующим образом: «Субъективное переживание себя, вместе с его частными аспектами, самосознанием и саморефлексией, ощущением структурного единства и непрерывности во времени, чувством ответственности за свои действия, представляет нечто большее, чем субъективную фантазию. Оно образует интрапсихическую структуру; динамически обусловленную, внутренне согласованную, стабильную схему психических переживаний и контроля за поведением. Оно является началом для проявления различных психических функций, реализует себя в этих функциях и... постепенно приобретает в Эго руководящие функции. Оно представляет собой интрапсихическую структуру высшего порядка, природа которой подтверждается в поведении, выражается в формировании характера и в человеческой глубине и моральной определенности в отношениях с другими людьми» [2, с. 32]. В качестве основного фактора и базиса нормальной идентичности Кернберг называет интерсубъективность — опыт длящихся отношений субъекта с значимыми Другими.

Хезел Маркус прямо указывает на важную роль личностной определенности (в ее терминологии – концепции селф) в регуляции социального поведения человека: «Индивидуальное поведение регулируется комплексом динамических структур (схем селф, возможных селф, эго-задач, стратегии, скриптов, стандартов и прототипов), которые в текущий момент активированы в рамках рабочей концепции селф» [14, р. 314].

Мы полагаем, что личностная идентичность выступает как совокупность психологических и социально-психологических ресурсов, а также ведущих мотивов человека, организуемых в своей «надводной части» рефлексивной репрезентацией себя — концепцией селф. Идентичность, таким образом, является

более объемлющим понятием, чем ее когнитивный аспект, фиксируемый термином «концепция». Она охватывает собой основные характеристики действующего в социальном мире субъекта.

Резюмируя обзор исследований по выделенным нами аспектам идентичности, следует отметить, что идентичность в существенной мере выступает как интерперсональный по происхождению феномен. С одной стороны, это характеристика того состояния определенности в мире, в котором актуально находится человек. С другой стороны, идентичность есть определенность в отношениях человека с миром, среди которых наиболее существенными оказываются отношения с другими людьми. Они переживаются как особые сущности, обеспечивающие поддержание, восстановление или укрепление организации опыта Я субъекта. Взаимодействие различных личностей как по-разному организованных взаимодействующих субъективных миров представляется основным механизмом становления личностной идентичности. Содержание и характер этих отношений определяют становление идентичности, но с определенного момента сама актуальная идентичность субъекта становится фактором, влияющим на особенности его отношений с близкими людьми. Таковыми обычно являются родители, прежде всего мать, отношения с которой оказываются жизненно важными в первые годы жизни ребенка, отец, влияние которого имеет особый, но значимый характер, и группы сверстников, дополняющие то микросоциальное окружение, в котором происходит становление идентичности как особого интерсубъективного феномена.

Особо напряженная работа по становлению идентичности происходит в юности, в период установления устойчивых и определенных отношений с обществом и определения перспектив своего развития. Кризисность или сложность формирования идентичности на отдельных этапах связана с тем, что называется сменой поколений. Недостаточная определенность ценностей и направлений движения и идеалов старшего поколения создает трудности для понимания себя младшим поколением. Идеалы старшего поколения могут быть использованы для принятия и следования им либо как точка отсчета для корректировки собственного видения жизни. Но в любом случае отчетливо сформулированная позиция социализирующей и воспитывающей среды облегчает принятие и определение собственной роли в жизни.

Что же получается в результате скрытой от внешнего наблюдателя, «тихой», но постоянной работы формирования идентичности? Как различаются и систематизируются сложившиеся на данный момент идентичности разных людей? Несмотря на уникальность личностной идентичности конкретного человека в данный момент, у нас есть способ сравнивать и классифицировать идентичности. Это можно делать по признаку сформированности или устойчивости идентичности и по способу ее формирования. Джеймс Марсиа в свое время выделил четыре типа (или статуса) идентичности: 1) *диффузную*, или спутанную *идентичность*, которая характеризуется ситуативностью, противоречивостью и, главное, неустойчивостью; 2) состояние *моратория*, когда молодой человек

не может прийти к определенности в своей жизни и предпочитает продолжать экспериментировать в различных ее областях, не принимая на себя каких-либо обязательств; 3) *предопределенную идентичность*, которая реализует в себе установки и ценности родителей или авторитетных взрослых; 4) *достигнутую идентичность*, которая обретается субъектом после многочисленных проб и поисков в различных областях реальности и содержит в себе уже и взятые на себя обязательства по отношению к сделанным выборам. Данная теоретическая модель хорошо проработана в западной и отечественной литературе [11; 13]. Поэтому мы также используем ее в настоящей работе, не обсуждая ее более детально.

Понимание Других и отношения с ними

Понимание считается одним из условий большинства (если не всех) процессов межличностного взаимодействия. Но что есть понимание? Словарные определения, концентрирующие устоявшееся значение термина, дают следующее описание: понимание — это (1) способность постичь смысл и значение чего-либо и достигнутый благодаря этому результат; (2) вызванное внешними или внутренними воздействиями специфическое состояние сознания, фиксируемое субъектом как уверенность в адекватности воссозданных представлений содержанию воздействия. Без понимания как особого состояния субъекта невозможно продолжение общения, координация действий и какие-либо другие осмысленные действия и воздействия. Так разъясняет суть понимания один из психологических словарей [8].

Понимание социальных событий человеком обычно опирается на три взаимосвязанных убеждения, касающиеся отношения между собственным субъективным опытом человека и природой породивших этот опыт явлений. Первое из них состоит в убежденности субъекта в том, что он видит объекты и события такими, каковы они в действительности, а его убеждения, предпочтения и приоритеты проистекают из непосредственного и реального понимания встреченных им данных или информации.

Второе убеждение состоит в том, что и у других рациональных наблюдателей возникнут в основном те же, что и у субъекта, реакции, действия и мнения при условиях, что им была доступна та же информация, что и ему, и что они переработали эту информацию достаточно вдумчиво и непредубежденно.

Третье убеждение заключается в том, что неприятие другим человеком точки зрения субъекта может быть вызвано либо недостаточностью или искаженностью у него информации о событии, либо неспособностью его в силу ограниченности интеллекта, личного опыта или навыков анализа логически прийти к разумным заключениям на основе объективных данных, либо его тенденциозности в интерпретации фактов или в переходе от фактов к выводам под влиянием идеологии, эгоистических устремлений или какого-либо другого искажающего личностного фактора.

Эти принципы являются основой наивного реализма — главного способа интерпретации людьми событий повседневной жизни. В первом принципе, по сути, содержится утверждение о том, что я вижу мир таким, каков он есть, а значит, мои убеждения, предпочтения и следующие за ними действия зависят в значительной мере от непосредственного восприятия релевантных стимулов и фактов. Во втором принципе сформулировано положение о том, что другие рациональные и разумные люди (при условиях, что им были предоставлены те же самые стимулы и информация, что и мне, и они обработали эту информацию достаточно вдумчиво и объективно) получают тот же субъективный опыт, продемонстрируют те же реакции. Одним из эмпирических доказательств правильности этих принципов является склонность людей, осуществляющих тот или иной выбор, считать свой выбор более распространенным и более «нормативным» (т.е. не зависящим от личностных качеств и особенностей), чем это считают люди, сделавшие противоположный выбор.

Третий принцип наивного реализма, который выводится из двух предыдущих, касается интерпретации наивным реалистом различий в реакциях и разногласий по различным проблемам. Убеждение наивного реалиста, что он воспринимает объекты и явления «естественным образом», видит их такими, какими они являются в действительности, приводит его к выводу, что мнения и реакции других субъектов, отличные от его собственного, должны быть основаны на чем-то ином, не связанном с «естественной», непосредственной регистрацией объективной реальности. Таким «иным» может быть «место» или позиция Другого в системе социальных или интерперсональных связей. В этом контексте понимание означает такое отношение к Другому, когда он признается в существенных («человеческих») характеристиках таким же как субъект, а сам субъект полагает возможным для себя оказаться в той же позиции, что и его визави по отношению понимания [3].

Подход М. Вебера к способам теоретического анализа действий стал важнейшей методологической основой изучения социального действия. Вебер предлагал рассматривать термины «понять» и «интерпретировать» как основные дефиниции понимающей социологии, поскольку он определял социологию как науку, которая ориентирована на интерпретативное понимание социальных действий и причинное объяснение предпосылок и последствий [1]. А эти причины могут быть обнаружены в субъективном значении события для его участников. Задача, таким образом, состоит в том, чтобы понять эти значения. Понять — значит выяснить субъективные значения событий, которые заданы широким культурным контекстом ситуации, считает Вебер.

Особый подход к феномену понимания в связи с личностными характеристиками субъекта понимания реализуется В.А. Лабунской. Теоретически и эмпирически обосновав понятие «субъект затрудненного общения», она связала межличностный феномен затрудненного общения с такими характеристиками личности, которые явно соотносятся с содержанием различных состояний

(статусов) идентичности. Так, субъекта затрудненного общения отличают низкий уровень способности понять другого человека, эгоцентрическая направленность эмоциональных переживаний, низкий уровень способности к идентификации, недоверие к людям и миру в целом, несбалансированная структура личности, неспособность преодолевать кризисы развития [9; 10].

Итак, мы можем определить понимание как проникновение во внутренний мир человека, отождествление с ним в такой степени, что становятся ясными отношения человека со значимыми для него явлениями мира. Постановка себя в точку пресечения всех мыслимых отношений Другого означает овладение структурой его ценностного мира, субъективной значимостью выделяемых им элементов и субъективной вероятностью его поступков. Как о производном факте или следствии можно говорить об овладении системой оценок человека.

В ситуации взаимодействия субъекта с лицами ближайшего социального окружения понимание их субъектом можно рассматривать как постижение им отношения Других к общим для них событиям. Мы будем считать пониманием другого человека такое рефлексивное состояние субъекта, когда он может отразить (воспроизвести, моделировать, эмпатировать и т.д.) отношения Другого к существенным для него предметам и событиям мира. Операциональным проявлением понимания тогда можно полагать достаточно точное воспроизведение понимающим субъектом тех оценок, которые Другой дает некоторым доступным для их совместного наблюдения явлениям.

Понимание значимых Других: эмпирические результаты

А.А. Тагановой было проведено исследование в 10-х и 11-х классах одной из типичных средних школ г. Краснодара. Каждому испытуемому предлагалось оценить по десятибалльной шкале степень выраженности у него/нее некоторых личностных качеств (список из десяти социально одобряемых и не одобряемых качеств предьявлялся экспериментатором), а затем предположить, как выраженность этих же качеств у него/нее оценили бы родители (отдельно мать и отец) и каждый из одноклассников. Индивидуальные интервью проводились с родителями: их просили оценить испытуемых по тому же списку качеств. После отсеивания тех испытуемых, от которых в течение месяца не удалось собрать всех предусмотренных программой исследования данных, сформировалась выборка из 136 испытуемых (66 девушек и 70 юношей) из полных семей в возрасте от 15 до 17 лет. Таким образом, мы получили возможность оценить по каждому испытуемому сходство его представлений о том, как его оценивают по важным личностным качествам значимые Другие с реальными оценками этих Других (сходство фиксировалось при значениях коэффициента корреляции Пирсона больше 0,3).

Анализ показал, что уровень межличностного понимания юношами и девушками различается в зависимости от состояния идентичности субъекта по-

нимания и от характера его отношении с другими людьми*. Последний, как представляется, во многом определяется общностью жизненной ситуации, в которой находится субъект с Другими, и сходством позиции, которые они в этих ситуациях объективно занимают. В этом смысле сверстники-одноклассники оказываются для субъекта в целом более понимаемыми партнерами в межличностных отношениях чем мать и отец (см. таблицу). Дифференцированными оказываются и отношения с родителями. Отношения с матерью характеризуются, как правило, большим уровнем понимания, чем отношения с отцом. Вместе с тем высокий уровень понимания матери в целом по выборке показывает около половины испытуемых.

Статус идентичности и понимание со стороны значимых Других, %

Статус идентичности	Понимание		
	матерью	отцом	сверстниками
Диффузная	40	26	60
Предопределенная	58	50	50
Мораторий	24	35	71
Достигнутая	50	38	91

Кроме того, само актуальное состояние личностной идентичности испытуемых также влияет на их способность понимать других людей. Так, доля юношей и девушек, хорошо понимающих мать, различается в группах разного статуса идентичности. Наименьшее понимание мы находим в статусе моратория, где только четвертая часть испытуемых может быть отнесена к понимающим мать. Два статуса идентичности связаны с более высоким пониманием матери — это предопределенная идентичность и достигнутая идентичность. Однако надо отметить, что даже среди испытуемых с предопределенной идентичностью только несколько менее двух третей юношей и девушек можно признать хорошо понимающими своих матерей.

Понимание отца в меньшей степени колеблется в связи со статусом идентичности испытуемых. Только статус предопределенной идентичности обнаруживает более высокое понимание, но и здесь различия не достигают принятого уровня значимости (вероятность ошибки — 0,3), причем понимание отца юношами и девушками закономерно ниже, чем понимание матери во всех статусах идентичности, кроме статуса моратория.

Понимание сверстников существенно отличается от понимания родителей. Во-первых, уровень понимания испытуемыми сверстников почти во всех статусах оказывается значимо ($p \leq 0,05$) выше, чем понимание родителей.

Во-вторых, в статусе моратория, когда понимание родителей оказывается ниже, понимание сверстников достаточно высокое и, вероятно, обеспечивает

* Приводятся общие данные по выборке, поскольку значимых гендерных различий по данному показателю понимания значимых Других обнаружено не было.

юношам и девушкам необходимую психологическую поддержку в переживании причастности другим людям. Но более всего понимание сверстников развивается в статусе достигнутой идентичности, когда у субъекта есть личный опыт поиска и осознания своей позиции в мире и опыт успешного переживания кризиса определения себя. В этом смысле статус достигнутой идентичности оказывается наиболее открытым для принятия и понимания Других.

Несколько большее понимание юношами и девушками матери отражает сложившееся в нашем обществе соотношение социализационных функций в семье. Известная теоретическая модель статусов идентичности подтверждается и тем, что понимание родителей молодыми людьми, принявшими основные жизненные ценности и цели родительской семьи, значимо выше, чем в иных состояниях идентичности. Интересно, что хотя понимание матери, как правило, выше, чем понимание отца, в состоянии кризиса идентичности и усиленной поисковой активности в определении себя в мире взаимопонимание с ней оказывается для молодых людей меньшим, чем понимание отца. Отец выступает более ясно представленной фигурой в пространстве ценностей и целей, и его оценки и отношения, вытекающие из них, более понятны.

Не менее интересно и то, что в состоянии достигнутой идентичности, когда молодой человек в существенной мере определился со своими жизненными целями и ценностями, доля испытуемых, хорошо понимающих отца, оказывается значимо меньше, чем для статуса предопределенной идентичности.

Таким образом, можно констатировать, что уровень понимания субъектом тесно взаимодействующих с ним Других связан в известной степени с его статусом идентичности, но связь эта определяется также особой позицией каждого значимого Другого по отношению к субъекту. Мы не можем однозначно говорить о том, что с движением субъекта к достигнутой идентичности растет его уровень понимания других людей.

Каждый статус идентичности, скорее, следовало бы рассматривать как определенное позиционирование субъекта относительно индивидуальной для него системы значимых Других. В одних позициях внимание субъекта к другим людям возрастает и его представление об их оценках некоторых значимых явлений совместных ситуаций оказывается очень точным. В других позициях принятая субъектом и осознанная им собственная позиция, особенно недавно приобретенная, вызывает тормозящий эффект, замедляя понимание системы отношений и позиций других людей, даже таких постоянно наблюдаемых, как родители.

Полученные нами данные также подтверждают общий типично невысокий уровень понимания людьми друг друга при взаимодействии в рамках общей для них ситуации [4].

Представляется, что те статусы идентичности, которые связаны с принятием субъектом обязательств относительно некоторых жизненных выборов и занятием определенной позиции, в большей степени зависят от понимания

других людей. При этом не так важно, каков был путь субъекта к принятым вариантам выбора: проходил ли он через период поиска и личностного кризиса или же молодой человек легко и предопределенно последовал за родителями или иными авторитетными лицами своего окружения в уже намеченном направлении жизненных целей. Полученные данные показывают, что и принятая идентичность, и достигнутая идентичность являются достаточно эффективными основаниями для хорошего понимания других людей. Традиционное для западной психологии наделение достигнутой идентичности особо позитивным статусом по отношению к предопределенной идентичности не нашло подтверждения для исследуемых нами аспектов понимания значимых Других.

Статус идентичности и структура ценностных отношений субъекта

Отношение к Другому и его понимание зависят от того, каким содержательно является сам субъект. Статусы идентичности, выделенные Дж. Марсиа, основаны на формальных характеристиках, но представляется, что они могут иметь и устойчивое содержательное наполнение. Мы попытались установить содержательные характеристики идентичности юношей и девушек, рассматривая связь статусов идентичности и ценностных ориентаций молодых людей. Ценности выступают как одни из наиболее проработанных и артикулированных социумом ориентиров развития молодого человека, а расстановка субъективных приоритетов ценностей может стать одним из наиболее общих личностных актов выбора и самоопределения. Поэтому дополнительным средством описания и создания психологической модели различных статусов идентичности, на наш взгляд, может быть исследование структуры ценностных ориентаций юношей и девушек, находящихся в различных состояниях (статусах) идентичности.

Сами ценности, в оценке которых определялись испытуемые, могут рассматриваться как переменные, порождающие реакцию оценочного отношения. Поскольку внутри групп испытуемых предположительно существует различие в ценностном отношении, то представляет интерес структура этого отношения. Для прояснения этого вопроса был проведен факторный анализ массивов ранжированных испытуемыми рядов ценностей, выполненный для групп с разным состоянием личностной идентичности (метод центральных компонент, ВАРИМАКС-вращение). Совокупность факторов, выделенных для той или иной группы испытуемых, характеризует типичный для них способ воспринимать и оценивать некоторые явления мира как связанные в какое-то убедительное для субъекта ситуативное единство, когда они каким-то образом влияют друг друга, либо одновременно усиливая друг друга, либо находясь в реципрокных отношениях.

Для группы испытуемых в статусе *диффузной идентичности* ценности группируются в три хорошо выраженных блока. Они имеют содержательно определенный характер. Первый фактор представляют три ценности с сущес-

твенно нагруженными положительными факторными весами: религия (0,933), политика (0,783), будущая семья (0,600). Речь, скорее всего, идет о публичном представлении или заявлении испытуемыми своих взглядов или намерении соответствовать каким-то публичным нормам. Этот фактор получил рабочее название «публичная мораль».

Второй фактор представляют следующие ценности: мои друзья (0,850), свободное время (0,807), личные ценности (0,762). Он объединяет субъективно существенные ценности и, судя по собранным вместе ситуационным компонентам, относится к проведению совместного времени. Известно, что внешне бессодержательное общение является одной из отличительных черт структурирования времени подростками [7], но вполне может оказаться и тем, что заполняет жизнь не слишком мотивированных на развитие юношей и девушек. Этот фактор получил рабочее название «личная жизнь».

И наконец, третий фактор объединяет две переменные с высокими положительными весами: будущую профессию (0,867) и родителей (0,796). Объединение как ценности будущей профессии и родителей позволяет предполагать, что этот конструкт характеризуется ожиданиями родителей относительно профессионального выбора сына или дочери. Принятие требований родителей означает здесь принятие ценностного отношения к предлагаемой ими профессии и наоборот. Такое объяснение основания для сопряженной вариации значений переменных представляется возможным, поскольку и в этом случае речь идет не о реальном деятельностном отношении, а о принятии некоторых вербальных способов обозначения отношения к профессии, эта связь поддерживается достаточно просто. Поэтому данному фактору нами было дано условное обозначение «требования родителей».

Для группы испытуемых в статусе *принятой идентичности* переменные сгруппировались иным образом: первый фактор объединил с положительными весами ценности свободного времени (0,895), интимных отношений (0,731), а с отрицательными весами — родителей (-0,931) и будущую семью (-0,596). Здесь прослеживается тот же ситуативный принцип организации ценностей: часть из них оказывается в ситуации желаемыми целями, часть условиями, способствующими или препятствующими достижению целей. В этом смысле для данной группы испытуемых и родители, и поддерживаемый ими образ будущей семьи выступают как ограничители (реальные или ментальные). Таким образом, оценочное отношение оказывается довольно точной моделью ситуации. Примечательно также, что любовь как ценность в данный фактор не вошла. Рабочее название фактора — «интимность».

Второй фактор объединяет выбор профессии (0,865) и личные ценности (0,694), а с отрицательным весом — будущую семью (-0,574). Вероятно, испытуемые этой группы в актуальный период жизни создание семьи рассматривают как препятствие развитию профессиональной карьеры. Вместе с тем личные ценности здесь оказываются тем или иным образом связаны с будущей

профессией. По крайней мере, и успешный выбор профессии, и следование личностным ценностям в данной группе выступают как внутренне связанные вещи. Рабочее название фактора — «карьера».

Третий фактор собирает вместе положительно нагруженные ценности — политику (0,771), религию (0,645) и друзей (0,622) и отрицательно нагруженные — любовь (–0,950). И политика, и религия, и отношения с друзьями могут выступать как задачи личностной определенности в открытом социальном пространстве. Оценочный конструкт, возникающий здесь, может быть понят как публичная активность в противоположность глубоко личным интимным отношениям. Рабочее название фактора — «публичная активность».

Для группы испытуемых в статусе *моратория* переменные также выглядят особым образом. Их отличает в первую очередь то, что выделенные факторы образованы во многом отрицательными весами. Первый фактор основан на одной переменной с высокой положительной нагрузкой — интимные отношения (0,828) — и двух переменных с отрицательным весом — родители (–0,842) и друзья (–0,719). Здесь мы, видимо, также имеем оценочное отношение, основанное на интегральной оценке ситуации с выделением двух ограничивающих ее развитие условий. Примечательно, что испытуемые в статусе моратория стремятся скрыть свою исследовательскую активность в разных сферах жизни, в частности, в сфере интимности, не только от родителей, но и от друзей. В этом плане индивид в состоянии моратория выглядит не только не укорененным в сложившихся ценностях и принципах, но и одиноким.

Второй фактор основан на положительно нагруженной ценности «любовь» (0,925) и отрицательно нагруженных ценностях — будущая семья (–0,696) и свободное время (–0,642). Восприятие любви отдельно от интимных отношений (они попали в другой фактор) и от ответственности за близкого человека (отрицательно нагруженная ценность «будущая семья» в данном факторе) дают странную, но, видимо, показательную для состояния моратория картину внутреннего мира молодого человека.

Третий фактор основан на таких положительно нагруженных ценностях, как политика (0,701), свободное время (0,526), и на отрицательно нагруженных — религии (–0,512) и будущей профессии (–0,833). При некоторой затруднительности объединяющего описания этого оценочного конструкта все же представляется, что на главную линию его понимания влияет ось положительной оценки политики и отрицательного веса будущей профессии. Отметим, что отрицательно нагруженные по данному фактору полюса связаны с личной ответственностью субъекта либо перед объективной реальностью (профессия), либо перед Богом. Политика как обсуждение возможного часто выступает противоположностью определенности, обусловленной выбором профессии и началом пути по ее достижению.

Для группы в статусе *достигнутой идентичности* первый выделенный фактор возникает вокруг такой ценности, как будущая семья (0,886), и с от-

рицательными значениями включает личные ценности ($-0,592$) и свободное время ($-0,782$). Будущая семья выступала как одна из субъективно высоко значимых ценностей и в ранжировании списка ценностей. Следует отметить несколько странное, но, возможно, оправданное логикой субъективного конструкта понимание семьи как явления, тормозящего реализацию личных ценностей и потребление свободного (т.е. направляемого на собственные активности) времени. Появление такого фактора может говорить о внутренне принятых обязательствах по отношению к возможной семье, ради которых менее существенные вещи могут быть отодвинуты на второй план. Сам по себе акт принятия обязательств, который сильно нагружен в концепции статусов идентичности Дж. Марсиа и его учеников, не находит у них содержательного раскрытия. Между тем принятие обязательств может означать также и установление приоритетности направления ресурсов личности, и готовность преодолевать трудности для достижения принятых целей или обеспечения развития в избранном направлении.

Второй фактор с положительными весами объединяет любовь ($0,720$) и интимные отношения ($0,751$) и с отрицательными весами — политику ($-0,523$) и будущую профессию ($-0,749$). Эта характеристика испытуемых в статусе достигнутой идентичности представляется нам особо важной. Определенность в какой-то части жизненных выборов и связанная с ней большая личностная зрелость приводят эту группу испытуемых к снятию разрыва между различными аспектами межличностной интимности. Если считать, что согласно периодизации Э. Эриксона именно в ранней юности может происходить освоение полноценной человеческой интимности, то испытуемые группы достигнутой идентичности проявляют признаки успешного прохождения этого процесса. Интимность в данном факторе отчетливо противопоставляется публичности, что и может быть зафиксировано как его основное определение.

Третий фактор основан на положительном вкладе ценности религия ($0,680$) и отрицательных весах ценности родители ($-0,713$) и друзья ($-0,799$). Достигнутая идентичность включает как одну из своих неотъемлемых характеристик способность определяться в существенных сферах бытия в результате собственного поиска и критического анализа открывающихся возможностей. При этом ценным считается именно собственный результат, а влияния близких людей часто не принимаются. Одной из важных сфер самоопределения для современных молодых людей, живущих в обществе с размытой идеологией и неясными целями, становится отношение к религии. Поэтому как рабочее название данного фактора подходит «духовное самоопределение».

Полученные данные свидетельствуют о том, что субъекты, находящиеся в разных состояниях (статусах) идентичности, имеют разные структуры ценностного отношения к миру. Если исходить из сформулированного нами определения понимания, то на более глубоком уровне сходство ценностного отношения к миру могло бы рассматриваться как один из ведущих механизмов понимания.

Итак, особенности идентичности (в нашем случае — статусы идентичности) можно отнести к числу существенных факторов, определяющих характер отношений субъекта с другими людьми. Как показало исследование, понимание по-прежнему очень важно для людей. Но чтобы понимать Другого и быть понятым им, надо самому быть Кем-то, т.е. иметь идентичность высокого уровня определенности.

Библиографический список

1. Вебер М. Понятие социологии и «смысла» социального действия // Избранные произведения. М.: Наука, 1990.
2. Кернберг О.Ф. Агрессия при расстройствах личности / Пер. с англ. и науч. ред. А.Ф. Ускова. М.: Класс, 1998.
3. Кимберг А.Н. О возможности применения категории «отношение» в концепциях идентичности // Личность и бытие: теория и методология: Матер. Всеросс. науч.-практ. конф.. Краснодар: КубГУ, 2003.
4. Кимберг А.Н., Улько Е.В. Субъективные интерпретации ситуации общения // Психология общения: социокультурный анализ. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2003.
5. Кон И.С. В поисках себя: личность и её самосознание. М.: Политиздат, 1984.
6. Кон И.С. Открытие Я. М.: Политиздат, 1978.
7. Кон И.С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989.
8. Краткий психологический словарь / Под ред. В.В. Рубцова. М.: Политиздат, 1985.
9. Лабунская В.А. От проблемы затрудненного общения к постановке проблемы «субъект затрудненного общения» // Психологический вестник. (Ростов н/Д). 1997. Вып. 2.
10. Лабунская В.А., Менджерницкая Ю.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция: Учеб. пособие. М.: Академия, 2001.
11. Павлова О.Н. Идентичность: история формирования взглядов и её структурные особенности. М., 2001 // <http://pavolga.narod.ru/identity.html>
12. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
13. Marcia J.E. Identity and Psychosocial Development in Adulthood // Identity: An International Journal of Theory and Research. 2002. Vol. 2. № 1. P. 7–28.
14. Marcus H., Wurff E. The Dynamic Self-Concept: Social-Psychological Perspective // Annual Review of Psychology. 1987. Vol. 38. P. 299–337.

АНТИФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ИРВИНГА ГОФМАНА

(ГОФМАН И. АНАЛИЗ ФРЕЙМОВ: ЭССЕ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОГО ОПЫТА:
ПЕР. С АНГЛ. / ПОД РЕД. Г.С. БАТЫГИНА, Л.А. КОЗЛОВОЙ; ВСТУП. СТ. Г.С. БАТЫГИНА.
М.: ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН, 2003.)

.....

Д.М. Рогозин*

После коммунистов я больше всего
ненавижу антикоммунистов.

С. Довлатов

С первых строк «Анализа фреймов» И. Гофман предостерегает читателя от излишних иллюзий и надежд, связанных с прочтением книги. Нельзя переопределить ситуацию собственного непонимания, если уже находишься в нем. Нельзя понять и усвоить идеи Гофмана, если сознание погружено в игру от кого-то подхваченных теоретических описаний. Вселенский оптимизм конструктивизма, ставящий действующего субъекта в основу мироздания (чего стоит одна теорема Томаса), последовательно опровергается на протяжении всей книги. Не определение, а лишь упорядочение ситуации доступно человеку, проживающему в социуме: «Верно, что мы сами активно участвуем в упорядочении нашей жизни, но однажды установив порядок, мы часто поддерживаем его, механически подчиняясь, как будто он существовал вечно» (с. 61). Новые определения ситуации невозможны по прихоти отдельных индивидов или целых сообществ. Вступление их на арену социальных взаимодействий загадочно и непостижимо, потому и прочно укрыто от обыденного, пусть даже называющегося научным сознанием. Только новые определения могут прекратить действия предыдущих (с. 147), человек же здесь — всего лишь инструмент

* Рогозин Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН; декан факультета социологии Московской высшей школы социальных и экономических наук. Электронная почта: d.rogozin@list.ru

для взаимодействия, в лучшем случае участник разворачивающейся концептуальной постановки.

В описании обыденного И. Гофман практически всем обязан У. Джемсу, Э. Гуссерлю и А. Шютцу. Однако он не продолжает, а опровергает и фальсифицирует (по К. Попперу) основные постулаты феноменологического подхода. «Анализ фреймов» — это антифеноменология, феноменология от противного, феноменология, вывернутая наизнанку. В ней нет места вере в самостоятельность действующего субъекта, рациональную обоснованность его мотивов и действий. Слишком узок тот регион мира, где субъект планирует и воплощает в жизнь свои планы, т. е. реально действует (по А. Шютцу). Определение реальности в социальных взаимодействиях не может быть приватизировано одним индивидом, пусть даже разделяющим одинаковые представления с десятком себе подобных людей. Придерживающиеся такой точки зрения «забывают пояснить, что повседневность заключается не в том, что индивид ощущает как реальность, а в том, что завладевает им, поглощает и увлекает его; события повседневности можно считать реальными и одновременно нереальными» (с. 66). Основной феноменологический вопрос — «что все это значит для действующего лица?» — заменяется вопросом «что здесь происходит?» (с. 68, 106, 319). Этим понимание реальности выносится за скобки научного предприятия, изучаются лишь обстоятельства, в которых вещам приписывается некая реальность. Безусловно, при ближайшем рассмотрении, такая переформулировка вопроса делает его еще более сложным, если не сказать риторическим: «Основной вопрос социологии Гофмана: “Что происходит на самом деле?”. Но и этот вопрос при анализе форм организации опыта оказывается бессодержательным» [1, с. 21]. Однако он позволяет «соотнести себя с нужным фреймом» (с. 208), т. е. приблизиться к адекватному описанию социальных взаимодействий, наделяемых участниками обыденных интеракций реальностью и очевидностью, понять «что же действительно происходит в повседневном взаимодействии и что означает на языке здравого смысла “настоящая жизнь”» (с. 319). Теоретическая гофмановская схема задает грамматику социального исследования. Ее основной пафос заключается в установлении правил наблюдения за способами достижения «слаженности мира» (с. 543), а не в препарировании понятийных схем, приписываемых обыденному сознанию. Первоочередная задача исследователя — выбор инструмента, адекватного описываемому событию, пусть даже в ущерб логической безупречности получаемого вывода: «на карту поставлен общий вопрос: какую интерпретацию применять и, однажды выбрав ее, продолжать ли применение, причем известно, что потенциально пригодные схемы коренным образом отличаются друг от друга» (с. 390).

Итак, основная идея книги — выделение некоторых базовых систем фреймов, которые используются в обществе для понимания происходящего, и анализ трудностей их применения (с. 70). Ситуации могут прочитываться по-разному, потому составление их списков, пусть даже по самым реалистическим или, напротив, фантастическим критериям, — увлекательное, но не продук-

тивное занятие. Более эвристичный прием — описание условий, благодаря которым становится возможным это разнообразие, всегда конечное и предопределенное контекстом. «Мне прежде всего хотелось бы выяснить, — пишет И. Гофман, — что людям позволено (или предписано) считать своим официальным интересом (предметом участия в ситуации), оставляя за скобками вопрос, что они считают таковым в действительности (с. 269). «Если видимости и “перформансы” становятся предметом рефлексии, в них обнаруживается то, видимостью чего они являются» [1, с. 32]. И. Гофман не просто заимствует у феноменологической школы «постановку вопроса о природе социальной реальности» [2, с. 184], он фальсифицирует базовые принципы феноменологии. Не выходя за пределы предложенного ею инструментария и очерченного круга проблем, он аргументировано доказывает принципиальную недостижимость очевидности — базовый мотив феноменологической редукции.

Первичные системы фреймов

Фрейм, по И. Гофману, имеет двойственную природу. С одной стороны, это согласование некоторого опыта, подчиненное принципам социальной организации событий; с другой — определение ситуаций в соответствии с субъективной вовлеченностью в них (с. 71). «Фрейм используется Гофманом и как синоним “ситуации”, и как синоним “определения ситуации”; это одновременно и “матрица возможных событий”, которую таковой делает “расстановка ролей”, и “схема интерпретации”, присутствующая в любом восприятии» [2, с. 180]. Фрейм — это аналог шютцевского мотива, краеугольный камень всей антифеноменологической конструкции. Как для А. Шютца, чтобы ответить на основной вопрос о понимании, социальные вещи должны быть сведены к человеческой деятельности, которая в свою очередь — к демонстрации для-того-чтобы и потому-что мотивов [4, с. 107], так и для И. Гофмана, вопрос о том, что здесь происходит, требует выделения фреймированных структур, которые «включают в себя как восприятие реальности, так и саму воспринимаемую реальность» (с. 146). Мотив, хотя бы теоретически вынесенный за пределы частного сознания, обогащается структурными компонентами, которые описывают действительную надындивидуальную ситуацию.

Человеческие мотивы хаотичны и запутаны, их практически невозможно анализировать, поэтому Шютц обращается к «типическим мотивам, происходящим в типических ситуациях» [4, с. 106]. Тот же самый прием использует И. Гофман. Огромное количество фреймов включено даже в незначительный по протяженности и значимости поток событий, однако основную роль в организации повседневного опыта играют первичные системы фреймов, позволяющие «локализовать, воспринимать, определять практически бесконечное количество единичных событий и присваивать им наименования» (с. 81). «Речь идет об организованных предпосылках чего-то такого, что человеческое познание осваивает, к чему приходит и чего оно не может создать лишь собственными творческими усилиями» (с. 320).

И. Гофман выделяет природные и социальные системы, противопоставляя мир вещей миру социальных фактов [1, с. 17]. Во-первых, основным фактором, определяющим взаимодействие, является детерминизм, предзаданность внешней по отношению к субъекту цепочки причинно-следственных отношений. Здесь субъект выступает лишь номинальным лицом, вещью, объектом воздействия. Во-вторых, на первый план выходит воля, некое целенаправленное начало, которое можно разложить на мотивы, желания, намерения (с. 81 83, 254). Досадно это или нет, но мир управляется одновременно несколькими системами фреймов (с. 85) и отличить их можно лишь на уровне теоретической схемы, заведомо отказавшись от «реальности» их взаимодействия. Хотя внимание И. Гофмана сосредоточено исключительно на структуре индивидуального опыта (с. 74), организующие его фреймы надиндивидуальны и внеличностны. Только благодаря социально приемлемым, «общепринятым схемам интерпретации, люди способны полностью распознавать то, что они видят» (с. 95), т. е. организовывать индивидуальный опыт. Все разговоры о стороннем наблюдателе — не более чем миф, социальная ситуация, редуцированная до односторонней интеракции. На уровне первичных систем фреймов наблюдатель так же включен в наблюдаемый ряд событий, как и непосредственный участник. «По всей вероятности, мы не можем бросить даже мимолетный взгляд на происходящее, чтобы не применить какую-нибудь интерпретационную схему, с помощью которой строятся предположения о предшествующих событиях и ожидания того, что произойдет сейчас» (с. 99).

Социальная реальность

Понимание реальности формируется на основании первичных систем фреймов: «О реальных, действительных действиях, действиях, которые происходят реально, по-настоящему, на самом деле, говорят в том случае, когда они полностью определены в базовой системе фреймов» (с. 108). Реальность дублирует структуру фреймов — воспроизводит природный порядок и вовлеченность в него некоторого действующего субъекта. Построенная на описаниях реальность предполагает отстраненность от объекта, некоторую паузу в действии. Она не только создается ретроспективно, но и по своей сути ретроспективна. Этим блокируется возможность всяких изменений и преобразований реальности. Реальность — это непревращенная форма понятого обыденным сознанием мира. Если «при феноменологической установке мир вообще не имеет значимости как действительность, но лишь как феномен действительности» [3, с. 95], для И. Гофмана феномен отчуждается от индивида, тем самым опять возвращаясь в действительность, становясь антифеноменом. Любое преобразование реальности сопровождается ее разрушением, которое заканчивается либо переходом к новой первичной системе фреймов, либо временным вынесением за скобки одного из фрагментов существующей.

Искать реальные, истинные описания в драматургических преобразованиях — крайне непродуктивное действие: «Каков участник взаимодействия “на

самом деле” — это в действительности не решающий вопрос. Вероятно, его участникам и не понадобится раскрывать тайну личности, даже если она фактически раскрываема» (с. 383). И. Гофман последовательно отходит от феноменологической постановки вопроса. Его интересуют не особенности нашего представления о реальности, а обстоятельства, в которых они формируются. «При каких обстоятельствах мы полагаем вещи реальными?» (с. 62) — ключевой теоретический вопрос «Анализа фреймов». Отсюда направленность внимания не на описание мотивов и действий, а на механизмы их осуществления. «Розыгрыш, церемониал, выдумка, соревнования, тренировка перед выступлением — это не просто часть реальности, это миры, находящиеся в определенном отношении к миру непревращенных форм действительности. Отсюда перенос внимания с самих форм опыта — рутинных или сфабрикованных — на отношение между ними» [2, с. 185]. Ставшее уже закрыто для познания. Объекту можно приписать сколько угодно качественных характеристик, ни на шаг не приближаясь к его описанию и объяснению. И. Гофману не интересен объект, для него важен инструментарий воссоздания объекта: «Слово “реальность” как само собой разумеющееся можно принимать до тех пор, пока есть возможность установить, чем занят тот, кто говорит о “реальности”» (с. 73). Изучать социальную реальность можно лишь «занимаясь устройством фотокамеры, а не изображением на снимке» (с. 62). Отказавшись от онтологических описаний мира, формально согласованных схем его интерпретации, «И. Гофман открыл новую предметную область — социальную организацию повседневного общения» [1, с. 20], в которое входят общение сослуживцев, участие в массовом опросе, прослушивание публичной лекции, уличная потасовка и прочие самые разнообразные ситуации обыденных взаимодействий. Одним словом, все то, что создает социум, фабрикует социальные определения межличностных коммуникаций, независимо от степени их легитимности и включенности в те или иные институциональные порядки.

Заключение в скобки

Займствованное у Гуссерля понятие скобок помогает установить где заканчивается и начинается фрейм, заставляет уважать и соблюдать его границы [1, с. 47], позволяет наблюдать «деятельность за фреймом» (с. 269–319). Модификация и подстройка фреймовой структуры к ситуациям обыденного взаимодействия достигается благодаря выставлению внешних и внутренних скобок. Одни ограничивают состав наблюдаемого фрейма, другие «отмечают короткие паузы, перерывы в процессе деятельности, переживаемые как время, не входящее в состав фрейма» (с. 335).

В отличие от феноменологической традиции «заключение в скобки» (bracketing) для И. Гофмана — это «обозначение естественных границ эпизодов» (с. 325, 570), а не субъективных границ опытного знания, определяемых самим исследователем. Однако скобки не отделимы от субъекта, наблюдающего за чередой внешних событий. Скобки — эпистемологический конструкт,

зависящий от перспективы и угла зрения, они могут наслаиваться друг на друга, интерпретироваться то в качестве внешних, то внутренних. «Так, ритуал прощания, которым заканчивается день в учреждении, можно рассматривать в качестве внешней скобки в масштабе всего трудового дня, но тот же ритуал одновременно видится и как внутренние скобки в перспективе долговременных трудовых обязательств, например постоянного исполнения определенной рабочей роли, которое прерывается в конце каждого будничного дня, на выходные в конце недели, на праздничные и отпускные дни» (с. 336). Заключение в скобки не может быть произвольным, оно определяется перспективой, а не желанием или волеием теоретизирующего субъекта. И. Гофман указывает на процедуру, подверженную внутреннему и внешнему контролю, обсуждению и фальсификации, а не на интуитивное представление или определение наблюдаемой реальности.

Заключение в скобки определяет не только фрейм, но и элементы опыта, выпадающие из него. Одно позволительно считать важным, другое — лишь второстепенным, не заслуживающим внимания. Каким образом люди в каждом отрезке деятельности отличают важное от второстепенного? Как работает механизм игнорирования, «полного отключения внимания и осознанного контроля» (с. 270)? Чтобы разобраться в происходящем, недостаточно оставаться лишь на границах изучаемых фреймов. Следует понять механизмы их формирования, т. е. выставление внутренних и внешних скобок. Например, исследователь, проводящий массовый опрос, выносит за скобки особенности коммуникации между интервьюером и респондентом, приписывая зафиксированным в анкете ответам некоторое истинное, пусть и урезанное во времени и пространстве описание изучаемого объекта. Так создается концепт искренности, «поддерживается граница очевидности» (с. 288) научного факта, который ничуть не зависит от мотивов включенных в него исполнителей. На вопрос о процедурах контроля и наблюдения за ситуацией интервью, мне не раз приходилось слышать о доверии к людям, их порядочности и честности. Парадоксально, но как фабрикация создается доверием, так ложь — процедурами ее обнаружения. Опять же, не скрывается ли за этой позицией фрейм «как если бы» научного опроса, заставляющий отвернуться от коммуникативной реальности? Никакие повторные замеры, расхождения прогнозов от реальных событий, сопоставление данных, собранных из разных источников, не могут опровергнуть научность опросной технологии. И только наблюдение за первичным взаимодействием между интервьюером и респондентом ставит под вопрос осмысленность всего мероприятия, поскольку подвергает сомнению базовые принципы утвердившегося фрейма, позволяет выйти за когда-то выставленные скобки. Таким образом, формализованные внутренние и внешние скобки опроса сами включаются в неформальные скобки почти обыденного разговора.

Переключения и фабрикация

Заклучение в скобки позволяет оценить масштаб и последствия от преобразований базовых фреймов, без которых не обходится ни одна постановка и которые «заполняют мир множеством копий» (с. 217). Если речь идет о социальных фреймах, обнаружение оригинала — не слишком большая удача, поскольку и копии не менее реальны и действенны.

Первый тип преобразований — переключение с одной структуры фреймов на другую, или настройка системы распознавания образов по отношению к происходящим событиям. И. Гофман выделяет пять основных *ключей**, способствующих проведению преобразований и замещающих одну реальность другой: выдумка, состязание, церемониал, техническая переналадка (целенаправленное преобразование мира, например, тренировка) и пересадка (переход из одной реальности в другую с сохранением всех атрибутов первой, например, благотворительная акция, организованная состоятельным господином в беднейшем городском квартале со своим непосредственным участием) (с. 109–139). Каждое переключение приводит к преобразованию исходного фрейма взаимодействия в нечто новое, лишь отдаленно напоминающее первоначальный аналог. При этом границы фрейма, внутренние и внешние скобки могут стремительно перемещаться и видоизменяться в зависимости от многих причин, которые по привычке объединяют в одно понятие контекста. Фрейм — это динамичная структура, скорость изменения которой задается способностью или привычкой участников взаимодействия переходить от одного фрейма к другому, не забывая при этом расставлять внешние и внутренние скобки. Успех социального исследования зависит не столько от умения его организатора априорно задать границы системы описаний, сколько от наличия процедур, обеспечивающих согласование этих границ с трансформациями первичных фреймов, производимых всеми участниками научного предприятия. Пока не определены способы обнаружения внутренних и внешних скобок, возникающих в первичном фрейме научного проекта, его научность — не более чем фикция, неокантианская конструкция «как если бы» знания. «Конечно, всегда можно просто смотреть на взаимосвязи между переменными, избегая любых интерпретаций того, что действительно происходит в черном ящике этих связей. Однако обычно обойтись без интерпретаций невозможно; за ними скрывается много непроверенных предположений о том, как организовано поведение людей» [5, р. 604]. Так, интервью в качестве фрейма научного действия может инициировать самые разнообразные отрезки переключенной активности, обнаружить которые находясь в первоначальном «научном» фрейме, невозможно. Ситуация усугубляется еще и тем, что интервью является превращенной формой обыденного разговора. Последующие преобразования с превращенными формами, по за-

* Важно отметить, что И. Гофман использует метафору музыкального ключа, а не ключа для открытия какой-либо двери. Отсюда переключение — это не переход к новой реальности, а лишь изменение тональности существующей (с. 105).

мечанию И. Гофмана, проходят гораздо легче и интенсивней, нежели с первичными системами фреймов (с. 141). Остается лишь гадать, куда нас могут увести реальные трансформации казалось бы формализованных интервью.

Второй тип преобразований — фабрикация — протекают по тем же правилам, что и переключения. Они вовсе бы не заслуживали отдельного рассмотрения, если бы последствия от них не расходились с последствиями от переключений. Если в первых преобразованиях ситуация искажается для всех вовлеченных в нее участников (исключение составляют маргиналы, по тем или иным причинам находящиеся в собственной системе фреймов), во вторых — системы фреймов замещаются лишь для одной группы, целенаправленно создающей некоторую фабрикацию действительности. Другими словами, фабрикация сопровождается умышленным созданием у определенной группы людей ложного представления о происходящем (с. 145). Хотя «только фабрикатеры видят, как создается оболочка фрейма», навряд ли можно согласиться с И. Гофманом, что основное отличие фабрикации и переключения заключается в намерениях действующих лиц (с. 146). Скорее, фабрикация определяется последствиями от происходящих преобразований, а не интенциональными различиями ее участников. Не только внешний наблюдатель, но и сам инициатор фабрикации через какое-то время не сможет с уверенностью заявить об истинных мотивах своих действий и будет вынужден произвести фабрикацию фабрикации, в то время как последствия от реализованной постановки более доступны для обозначения аналитических скобок, различению действующих лиц по их системам распознавания и интерпретации произошедших событий. Любое преобразование, поддерживаемое, осмысленно или нет, в качестве скрытого для одной из сторон взаимодействия приближается к фабрикации. Так, не респондент, принимающий участие в интервью, а исследователь, проектирующий массовый опрос, фабрикует общественное мнение, редуцируя многослойную систему взаимодействия до убогой эмпирической схемы. Навряд ли можно подобное действие назвать переключением. Даже когда исследователь искренне верит в непревращенные формы массового сознания, представленные в табличных распределениях, перед внимательным зрителем разворачивается превосходная постановка по фабрикации социальных взаимодействий, авторство которой навряд ли можно приписать ее исполнителям. О непроизвольном, ненамеренном обмане упоминает и Гофман: «Здравый смысл подсказывает, что есть еще одна возможность: человек может обмануться из-за того, что «просто ошибся» (с. 173). И далее: «Есть некоторые основания полагать, что человек разными способами может активно противостоять собственной способности правильно выбирать фрейм и реалистично ориентироваться в мире» (с. 174).

Пределы допустимого

Пограничные состояния, в которых исследуются фреймы, чреватые тысячами опасностей: от легковесной уверенности исследователя в понимании изучаемого предмета до создания самого предмета, его преобразования в удобную

и пластичную вещь. Каждое новое слово, знак препинания, цитата вносят существенные преобразования во фрейм произведения, и автор, не замечая того, начинает воспроизводить уже полностью заданную и оформленную схему. Если в «Представлении себя другим» И. Гофман лишь в конце повествования заявляет о сомнительности проведенного исследования, в «Анализе фреймов» ограниченность любых исследований фреймов постулируется уже во введении. И. Гофман показывает, насколько узки границы метафорического языка, поскольку изображения, фреймы изображений и анализ фреймов изображений — такие же реальности, или копии реальности*, как отображаемые ими реальности. Столь экстравагантным ходом, фальсифицирующим проделанную работу, И. Гофман не только «сохраняет подлинность своей игры в социологию» [1, с. 16], но и делает ее интерактивной, заранее отвечая на претензии в неконцептуальности и непроработанности базовых понятий анализа фреймов. Так, Ф. Джеймсон подчеркивает чрезвычайную важность метафоры «музыкального ключа», однако следом утверждает о ее несостоятельности, поскольку она не приобретает у И. Гофмана концептуального оформления [6, р. 50–51]. Причина столь критической позиции лежит в теоретическом фрейме самого Ф. Джеймсона — поиске «семиотических трансформаций» там, где их может и не быть. Удивительно, этот ответ внимательный читатель может обнаружить уже во введении к «Анализу фреймов».

И. Гофман опровергает базовый постулат методологии социальной науки, сформулированный А. Шютцем — саму возможность придерживаться «чистоты» в методе, т. е. непротиворечивости и согласованности всех теоретических и эмпирических высказываний [4, с. 101]. Любые действия по конструированию непротиворечивой схемы исследования скорее приведут к созданию новой реальности, нежели изучению той, на которую был направлен первоначальный интерес научного сотрудника. Другими словами, социальный ученый не может не действовать, так же, как он не может выйти за пределы описываемого социального мира. Нет никаких гарантий, что даже при самых благоприятных обстоятельствах социальные науки могут заниматься «реальным социальным миром». Единственный способ не впасть в филистерство — это отказаться от претензий к постижению действительного мира и приступить к изучению эпистемических конструкций, направленных на его познание.

Почему незначительные изменения, казалось бы, фоновых знаков зачастую приводят к существенным искажениям и преобразованиям фреймов? Можно ли избавиться от насилия фреймовой структуры обращением ее против себя:

* В. Вахштайн подчеркивает принципиальную неразличимость между копией и оригиналом: «Получается, что между копией и оригиналом нет разницы. Но не потому, что копия — это тоже своего рода оригинал, а потому, что всякий оригинал — не более чем копия. Изображения являются такой же реальностью, как и сама реальность, лишь потому, что никакой другой социальной реальности, кроме изображений, нет» [2, с. 186]. Действительно, любое исполнение на социальной сцене является лишь копией. Здесь вполне уместно гуссерлевское высказывание: «Сколько видимости — столько и бытия» [3, с. 204].

цитированием звездочек и кавычек, повторением уже написанного предложения? Где возникает и чем маркируется разница между деланием и описанием, описанием и комментарием к описанию, комментарием к описанию и комментарием комментария? И так далее до предела реальности, основанной на копиях, в которой текст вытесняет автора на периферию понимания и становится самореферентным*. Только тогда, когда видны пределы допустимого, появляется хоть какая-то возможность понимания фрейма, в котором описывается реальность, основанная на том или ином действии. Однако средств для наблюдения опять не предложено. Исследователь, привыкший работать с экспериментальным материалом, вынужден в очередной раз опустить руки перед ускользающей в никуда реальностью. Перед ним открываются все новые и новые горизонты понимания, достичь которых не в его силах.

Библиографический список

1. *Батыгин Г.С.* Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана // Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 7-57.
2. *Вахштайн В.С.* [Рец] Книга о «реальности» социальной реальности: И. Гофман. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2003 // Социологический журнал. 2004. № 3/4. С. 178-187.
3. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления / Пер. с нем. Д.В. Складнева; Науч. ред. А.Я. Силин. СПб.: Наука, 2001.
4. *Шютц А.* Социальный мир и теория социального действия / Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Науч. ред. пер. Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 96-113.
5. *Gamson W.A.* [Rev.] E. Goffman. Frame analysis: An essay on the organization of experience // *Contemporary Sociology*. 1975. Vol. 4. № 6. P. 603-607.
6. *Jameson F.* On Goffman's frame analysis // Erving Goffman: In 4 vol. / Ed. by G.A. Fine, G.W. Smith. L.; Thousand Oaks: Sage, 2000. Vol. 3. P. 43-55.
7. *Hazelrigg L.* Reading Goffman's framing as provocation of a discipline // Erving Goffman: In 4 vol. / Ed. by G.A. Fine, G.W. Smith. L.; Thousand Oaks: Sage, 2000. Vol. 3. P. 137-160.

* На самореферентность «Анализа фреймов» указывают многие комментаторы, см. например [6, p. 51; 7, p. 139].

«ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ» В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ: ОБЫДЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЕКТА

.....

Г.Л. Кертман*

Намерение Министерства образования и науки ввести в 2005 г. в школьную программу новую дисциплину — «Историю мировых религий» — подвергается критике с двух противоположных позиций. Одни осуждают этот педагогический проект как шаг к клерикализации образования**, другие, прежде всего представители Русской православной церкви, — как атеистическую альтернативу курсу «Основы православной культуры», который факультативно преподается в некоторых российских школах.

Скорее всего по мере приближения начала очередного учебного года и выхода в свет практически уже написанного школьного учебника по истории мировых религий дискуссия по поводу целесообразности введения такой дисциплины обострится. Эта тема, вероятно, окажется в фокусе внимания СМИ, общественных организаций, политических сил, подобно тому как несколькими годами ранее предметом ожесточенной полемики стала попытка широкомасштабного введения в общеобразовательных школах курса основ православной культуры.

Уже поэтому представляется интересным выяснить, как сама идея привнести в школьную программу некие знания, касающиеся религии, воспринима-

* Кертман Григорий Львович — кандидат исторических наук, заведующий отделом социологии Фонда «Общественное мнение». Электронная почта: kertman@fom.ru

Статья написана по материалам общероссийского опроса от 18–19 декабря 2004 г. и дискуссионных фокус-групп, проведенных 14–16 декабря 2004 г. в Воронеже, Москве и Санкт-Петербурге.

** Московские педагоги, выступающие против введения курса истории религий, в ноябре 2004 г. учредили организацию «Учителя против клерикализации образования», название которой воспроизводит это обвинение.

ется рядовыми гражданами сейчас, когда этот вопрос еще явно находится на периферии общественного внимания, понять, на какую почву упадут доводы сторонников и противников нововведения, разобраться, какая из трех позиций, фактически сталкивающихся в дискуссиях по этому вопросу — за преподавание истории религий, за преподавание основ православной культуры и против обеих версий религиозного просвещения — больше соответствует мировоззренческим установкам и социальным ожиданиям наших соотечественников. Однако, задавшись такой целью, мы оказываемся в сложной ситуации. Дело в том, что, хотя по интенции, «сверхзадаче» и содержанию истории мировых религий и основы православной культуры — это принципиально разные дисциплины, было бы опрометчиво априори полагать очевидность для «среднего россиянина» что качественных различий между предметами (один из которых еще вообще не преподается, а другой преподается очень недавно и в очень немногих школах). Выяснение того, как наши сограждане интерпретируют эти педагогические проекты, ориентируясь почти исключительно на названия новых учебных дисциплин, в какой степени они различают маркированные этими «брендами» подходы к «религиозному просвещению», было одной из задач исследования.

Но в таком случае вести беседу об обеих дисциплинах с участниками одного и того же опроса было бы некорректно. И вот почему. Представим, что, начиная разговор на эту тему, мы не сообщили бы респондентам, что речь пойдет о двух разных учебных предметах, и стали бы спрашивать их сначала об одном, а затем о другом. Тогда, высказывая то или иное суждение относительно, например, целесообразности преподавания истории мировых религий, участник опроса еще не знал бы, что оценивает лишь один из вариантов «религиозного просвещения» школьников, а узнал бы о существовании альтернативы позже — лишь услышав аналогичный вопрос относительно курса основ православной культуры. Ясно, что мы получили бы заведомо несопоставимые результаты, поскольку во второй части беседы принципиально изменился бы сам алгоритм формирования суждений респондентов.

Представим теперь, что мы с самого начала предупредили участников опроса: разговор пойдет о двух разных дисциплинах, имеющих отношение к религии. Мало того, что в этом случае мы лишились бы возможности выяснить, в какой мере различия между данными учебными предметами улавливаются россиянами «в естественных условиях» — по смыслу названий. Искусственно акцентировав внимание респондентов на этих различиях, мы навязали бы им весьма жесткие рамки интерпретации соответствующих педагогических проектов: ведь в созданной таким образом «лабораторной ситуации» опрашиваемые фактически выражали бы свое отношение уже не просто к идее преподавать школьникам историю мировых религий, а к замыслу преподавания «такого курса истории религий, который не являлся бы курсом основ православной культуры», и наоборот.

Исходя из этих соображений, мы подготовили почти идентичные* блоки вопросов о преподавании истории мировых религий (ИМР) и основ православной культуры (ОПК) и провели одновременно два опроса. Только последний вопрос на данную тему для всех респондентов был сформулирован одинаково: предлагалось напоследок сделать выбор в пользу одного из двух предметов или отказаться от выбора. С распределения ответов на итоговый вопрос мы и начнем знакомиться с результатами проведенного исследования.

Т а б л и ц а 1

Распределение ответов на вопрос «В средствах массовой информации сегодня обсуждается вопрос, следует ли преподавать в школе историю религий / основы православной культуры. Какая из перечисленных позиций Вам ближе?», %

Варианты ответа	Тема опроса – ИМР	Тема опроса – ОПК
В школе следует преподавать и ИМР, и ОПК	45	52
В школе следует преподавать только ИМР	24	12
В школе следует преподавать только ОПК	7	8
В школе не следует преподавать ни ИМР, ни ОПК	10	10
Затрудняюсь ответить	14	17

Как видим, российские граждане в целом весьма позитивно относятся к идее включения в школьную программу какого-либо курса, связанного с религиозной тематикой (табл. 1). Лишь один из десяти респондентов категорически отвергает оба варианта религиозного просвещения. При этом большинство опрошенных, сделавших позитивный выбор, посчитали целесообразным преподавать в школе обе дисциплины. Такая позиция может интерпретироваться двояко: с одной стороны, респонденты могут сознавать, что речь идет о двух принципиально различных курсах, но не считать их взаимоисключающими и высказываться за «мирное сосуществование» в школьной программе двух подходов к религиозному просвещению; с другой — они могут полагать, что эти дисциплины близки, если не идентичны, что они соотносятся между собой как части единого учебного предмета: примерно так же, как алгебра и геометрия или ботаника и зоология. Далее мы попытаемся разобраться в том, какая из этих интерпретаций позиций большинства респондентов более достоверна, но прежде обратимся к мнениям меньшинства: тех, кто определенно отдал предпочтение той или иной дисциплине.

В пользу преподавания основ православной культуры, отвергнув альтернативный вариант, решительно высказались немногие: 7 % участников одного опроса и 8 % — другого. Причем ответы респондентов, назвавших себя православными (59 % в одной выборке и 56 % — в другой*), значимо не отличались от средних по выборке показателей: соответственно 8 и 9 %.

* Единственное различие заключалось в том, что респондентам, которых спрашивали о преподавании основ православной культуры, задавался один дополнительный вопрос.

Значительно чаще респонденты занимали противоположную позицию: за преподавание истории религий и против введения курса основ православной культуры. Различия в ответах участников двух опросов легко объяснимы: в одном случае история религий воспринималась в качестве основной версии религиозного просвещения (респондент уже ответил на ряд вопросов, посвященных перспективе введения этого предмета), в другом — в качестве альтернативной (предшествовавший разговор касался основ православной культуры). Но даже во втором случае, когда о возможности введения курса истории религий участники опроса услышали на исходе обсуждения темы, этот вариант чаще казался более привлекательным. Впрочем, примерно половина участников опросов, как мы видели, высказались за преподавание в школах обоих предметов. Когда же проблема выбора не стояла, респонденты отдавали предпочтение «своему» варианту религиозного просвещения еще более определенно (табл. 2).

Таблица 2

Отношение к преподаванию религии в школах, %

Варианты ответов **	Тема опроса – ИМР	Тема опроса – ОПК
Положительно	63	59
Мне это безразлично	15	17
Отрицательно	14	14
Затрудняюсь ответить	8	10

Разница между долями сторонников преподавания ИМР и ОПК составляет всего 4 %. Учитывая статистическую погрешность (3,6 %), ее можно было бы вообще не принимать в расчет, если бы не одно обстоятельство: это расхождение в значительной степени определяется различиями в суждениях представителей одной социально-демографической группы — участников опроса, имеющих высшее образование. Высокообразованные респонденты гораздо решительнее, чем остальные, высказываются в пользу преподавания ИМР (74 %), тогда как за ОПК они «голосовали» примерно так же охотно, как и остальные граждане (56 %). При этом противников введения истории религий среди них практически столько же, сколько и среди россиян в целом (13 %), а противников курса основ православной культуры вдвое больше (28 %). Отметим для сравнения, что доли сторонников введения обеих дисциплин среди респондентов с общим средним образованием одинаковы (по 57 %), равно как и среди тех, кто среднего образования не получил (56 % — за ИМР, 57 % — за ОПК), тогда как респонденты со средним специальным образованием немного чаще выска-

* Не считают себя верующими 30 % участников одного опроса и 31 % — другого, 5 и 7 % соответственно заявляют о приверженности исламу, 2 и 1 % — о принадлежности к другим религиям и по 5 % в каждом опросе затрудняются ответить на соответствующий вопрос.

** Вопрос задавался в следующей формулировке: «Как Вы относитесь к идее ввести преподавание истории религий / основ православной культуры в средней школе: положительно, отрицательно или Вам это безразлично?».

зываются за введение истории религий, чем основ православной культуры (68 и 62 %).

Если только высокообразованные респонденты демонстрируют дифференцированный подход к предложениям о введении данных дисциплин, а опрошенные со сравнительно невысоким образовательным уровнем реагируют на эти предложения одинаково, то естественно предположить, что только первые сравнительно часто усматривают различия между двумя моделями религиозного просвещения, тогда как большинство россиян не видят разницы между этими педагогическими проектами. В пользу этого предположения говорит и сходство аргументации сторонников введения данных учебных предметов: в ответах участников обоих опросов на открытые вопросы о том, почему они положительно относятся к идее включить в школьные программы соответствующую дисциплину, очень много общего (хотя есть и определенные различия).

Таблица 3

Доводы в пользу изучения религии в школе *, %

Вариант ответа	ИМП	ОПК
Это нужно для общего развития детей, расширения их кругозора	21	5
В том числе:		
расширение кругозора в целом	16	2
это интересно	1	
приобщение к истории и религии своей страны	4	3
Это будет способствовать духовному и культурному росту детей, их нравственному воспитанию	15	21
У людей должна быть вера, они должны бояться Бога	8	8
Это нужно, полезно в целом	5	4
Улучшится обстановка в стране (будет меньше криминала, наркомании и т.п.)	3	4
Это поможет воспитанию терпимости в обществе	1	–
Я верующий(-ая), мы верующие	1	1
В этом нет ничего плохого	2	2
Это поможет детям определить свое отношение к религии	2	–
Детей нужно знакомить с религией, приобщать к ней	–	5
В том числе:		
знакомство с основами религии в целом		1
знание своей религии, приобщение к православию, православное воспитание		4
Это необязательно, но возможно	–	1
Другое	1	1
Затрудняюсь ответить, нет ответа	8	10
Вопрос не задавался (респондентам, которые отнеслись к данной идее отрицательно)	37	41

* Вопрос задавался в следующей формулировке: «Почему Вы положительно относитесь к идее ввести преподавание истории религий / основ православной культуры в средней школе?».

Рассмотрим доводы сторонников обеих версий религиозного просвещения повнимательнее. Наиболее распространенный аргумент в пользу преподавания ОПК состоял в том, что введение этого курса будет содействовать духовному и культурному развитию, а также нравственному воспитанию школьников; так обосновали свою позицию 21 % участников соответствующего опроса, или 42 % от числа ответивших на данный открытый вопрос. В обоснование целесообразности преподавания истории мировых религий этот довод приводился несколько реже: 15 % участников опроса, или 27 % ответивших на вопрос.

Естественно, развивая эту мысль, респонденты расставляли акценты по-разному. Одни говорили о необходимости воспитания нравственности, духовности, используя именно данные понятия и нередко подчеркивая, что сегодняшняя молодежь этих достоинств лишена едва ли не начисто:

«Молодежь надо учить духовной жизни»; «религия — это духовность; молодежи в наше время этого не хватает»; «дети озлобленные, телевидение их развращает — надо духовность восстанавливать»; «нужно прививать изначально нравственность»; «молодежи духовность не помешает»; «надо восстанавливать нравственность» (ОПК).

«Необходимо развивать духовность»; «это повлияет положительно на нравственность»; «духовность никогда не вредила, чтоб у детей интеллект развивался»; «людей надо более духовно развивать»; «чтобы убрать бездуховность»; «нравственность повысится у детей»; «духовное воспитание необходимо» (ИМР).

Другие выражали надежду на то, что под влиянием соответствующего учебного курса дети станут добрее, терпимее, мягче:

«Дети будут добрее и внимательнее друг к другу»; «это будет воспитывать доброту, сочувствие, доверие»; «надо, чтоб дети были помягче, не такие жестокие, как сейчас»; «дети задумаются о добром — жестокости через край»; «люди начинают друг к другу лучше относиться»; «люди будут мягче и добрее»; «так чтобы уже не совсем нам в зверей превратиться»; «больше добра в детских сердцах»; «люди становятся терпимее» (ОПК).

«Будут иметь сердце и жалость к людям»; «люди будут добрее, внимательнее ко всем, к старшим»; «дети будут добрее и мягче»; «гуманнее будут»; «зная религию, люди будут уважать друг друга»; «лучше люди будут — чище, добрее»; «молодежь, знакомясь с историей религии, станет добрее»; «так как люди будут мягче, добрее, отзывчивее»; «это путь искоренения зла, воспитания добра» (ИМР).

Третьи усматривали предназначение этих дисциплин в том, чтобы давать ученикам верные ориентиры в жизни, помогать отличать добро от зла, воспитывать их достойными, порядочными людьми:

«Формировать надо хотя бы первоначальное понимание того, что можно, а чего нет»; «религия наставляет на добрый путь»; «дети станут порядочными и воспитанными»; «молодежь на правильный путь надо поста-

вить — никого не слушают»; «детям объяснят, что такое добро, оно будет объяснено в школе, а не понаслышке»; «дети вольные — может, будут серьезнее относиться к жизни» (ОПК).

«Чтобы молодежь удерживать в рамках, идею им дать, цель, правила поведения»; «на истинный путь наставят»; «может, знания эти помогут, чтобы дети росли хоть малость порядочными»; «так как у детей нет никаких целей, они растут безверные — может, появится смысл в жизни»; «молодежь — тяжелая: пора вводить предмет, который бы научил добру и дал бы понять, что грехи наказуемы» (ИМР).

Четвертые уповали на дисциплинирующее влияние религиозного просвещения, способного, по их мнению, благотворно сказаться на образе жизни молодых людей, содействовать исправлению нравов и профилактике девиантного поведения:

«Дети совсем распустились — может, религия поможет»; «научит молодежь порядку»; «чтобы люди стали культурнее, а то только пиво, танцы, тусовки интересуют»; «молодежь развращена — будет сдержаннее»; «может, молодежь будет спокойней, меньше пить будет и наркотики принимать»; «наши дети будут более дисциплинированы»; «когда есть вера в Бога, есть какой-то порядок — этот человек не пойдет грабить на улицу» (ОПК).

«В образе жизни будут изменения, если это действительно будет хорошее преподавание»; «всех приобщат к порядку»; «может, будет дисциплина среди молодежи»; «распущенность уменьшится у молодежи»; «молодежь нужно отвлечь от наркотиков»; «молодежь может исправиться»; «может, народ остепенится»; «поднимет дух учеников, чтобы не думали о наркотиках и алкоголе» (ИМР).

Как видим, доводы респондентов, полагающих, что преподавание ИМР позитивно скажется на нравственном облике молодежи, во всех нюансах совпадают с аргументами, которые приводят участники другого опроса в пользу введения курса ОПК. Очевидно, что такие упования основаны на трактовке курса истории религий как предмета, не столько дающего ученикам знания о генезисе, эволюции и взаимоотношениях мировых религий, о сходстве и различии их догматов, ценностных оснований, этических доктрин, практики богослужений и т.д. — иначе говоря, не столько просвещающего школьников в этой сфере, сколько приобщающего их к религии, прививающего им религиозное мировосприятие.

Еще более определенно о склонности интерпретировать идею преподавания истории религий подобным образом свидетельствуют высказывания респондентов, прямо обосновывающих свое позитивное отношение к этой идее уверенностью в том, что людям необходима вера (некоторые при этом говорили о страхе перед Богом). Показательно, что этот довод в равной мере приводили участники обоих опросов: по 8 % от общего числа опрошенных (соответственно 15 и 16 % от числа ответивших на вопросы о причинах положительного от-

ношения к идее введения курса истории религии и курса основ православной культуры):

«Без веры жить нельзя»; «надо прививать молодежи веру в Бога»; «вера облагораживает человека»; «что-то должно быть святое — ведь сейчас нет никакой идеологии»; «чтобы люди думали, что их может кто-то выше наказать»; «пусть дети верят в Бога»; «может, будут Бога бояться» (ОПК).

«Без веры нельзя жить»; «детей надо приучать к религии»; «полным атеистом быть невозможно, не рекомендуется»; «вера от зла защищает»; «надо приучать к вере»; «кого-то должны бояться дети»; «с верой легче живется»; «чтобы люди приобщались к Богу»; «хоть чего-то бояться будут» (ИМР).

В связи с этим отметим, что противники введения курса ИМР из числа представителей православного духовенства опасаются (и, видимо, небезосновательно), что преподавание этой дисциплины может, напротив, препятствовать приобщению молодежи к вере, поскольку в процессе обучения дети будут знакомиться с различными религиозными традициями. Совместимость определенного релятивизма, неизбежного при сравнительно-историческом анализе разных религий, и непоколебимой веры в учение одной из церквей действительно проблематична, во всяком случае, когда речь идет не о религиозных мыслителях, а об учениках общеобразовательной школы. Однако подобные опасения абсолютно чужды рядовым гражданам: ни в ответах на открытые вопросы, ни в рассуждениях участников фокус-групп этот мотив не прозвучал ни разу, а уверенность в том, что преподавание истории мировых религий будет способствовать росту религиозности, респонденты, как видим, выражают столь же часто, как и веру в аналогичный эффект преподавания курса основ православной культуры.

Отметим также, что почти одинаковы и доли сторонников введения этих дисциплин, аргументировавших свою позицию ссылками на ожидаемый социальный эффект: снижение уровня преступности, наркомании и т.д. Собственно, говорили они фактически о том же, о чем и респонденты, развивавшие мысль об исправлении нравов под воздействием религиозного просвещения, но формулировали эту мысль в несколько более прагматическом ключе, акцентируя внимание не столько на переменах в сознании молодежи, которые должны привести к улучшению ситуации в стране, сколько на конечном результате:

«Меньше будет наркоманов и преступников»; «не будет такой разболтанности, воровства»; «меньше будет насилия и воровства»; «меньше убийств будет»; «будет меньше агрессии»; «меньше будет драк, хулиганья»; «меньше будет наркомании, мата и др.» (ОПК).

«Поменьше будет безобразия на улице»; «не будет наркоманов и проституток»; «меньше криминала станет»; «освобождение от наркотиков и алкоголя, может, произойдет»; «чтобы не было насилия»; «меньше будет беспредела»; «меньше будет хулиганства» (ИМР).

Поскольку трудно предположить, чтобы подобные надежды связывались лишь с перспективой повышения эрудиции детей в вопросах, связанных с религией, остается заключить, что и эти респонденты интерпретируют преподавание истории религий как процесс, стимулирующий обращение учеников к вере.

Еще один довод, примерно в равной мере применяемый сторонниками обеих версий религиозного просвещения, состоит в том, что детей необходимо приобщать к истории и религии нашей страны.

«Это — история России, и мы ее должны знать»; «должны знать свои корни»; «это русская культура, а ее надо знать»; «дети должны знать нашу историю»; «надо знать свои корни, историю»; «историю православной культуры должны знать наши дети и внуки» (ОПК).

«Надо знать свою историю»; «это наше прошлое, ребенок должен знать все о религии»; «это наши истоки»; «надо знать свои традиции»; «дети это должны знать, это наши корни»; «люди будут знать историю своего народа» (ИМР).

Таким образом, историко-патриотическая аргументация, абсолютно органичная в контексте обоснования целесообразности преподавания основ православной культуры, широко используется и тогда, когда речь идет о курсе истории религий. Объясняя, почему они положительно относятся к предложению ввести этот предмет в школах, авторы приведенных реплик определенно исходят из того, что учеников будут знакомить именно с православной религиозной традицией, а некоторые респонденты говорят об этом недвусмысленно:

«Дети должны знать православную историю»; «мы православные, дети должны это знать»; «православие спасет Россию» (ИМР).

Причем изредка участники опроса, апеллирующие к историко-патриотическим доводам, по-видимому, замечают, что название учебного курса предполагает ознакомление учащихся не только с православием, но и с иными религиозными традициями, и это побуждает их обуславливать свое согласие на данное педагогическое новшество определенными «ограничениями»:

«Если только христианство»; «если только это будет своя вера — православная»; «если только это будет православное христианство, но не буддизм и т. д., чтобы не забивать детям головы» (ИМР).

Отсюда следует, что одно из различий в аргументации сторонников рассматриваемых проектов, которое вроде бы обнаруживается при сопоставлении их ответов на идентичные открытые вопросы, оказывается в значительной степени мнимым. Речь идет о группе ответов сторонников преподавания основ православной культуры, маркированной в приведенном кодификаторе как «знание своей религии, приобщение к православию, православное воспитание» (4 % от всех опрошенных).

«Детям надо прививать любовь к православию, к своей религии»; «надо, чтобы дети были православными, и все знали»; «русские должны знать

о своей религии»; «православные христиане должны знать истоки истории»; «надо знать историю, молитвы, праздники православной религии» (ОПК).

В ответах сторонников введения курса ИМР такая группа не выделена, однако, как мы видели, ключевая идея, объединяющая эти высказывания (преподавание соответствующей учебной дисциплины должно актуализировать частично утраченную религиозную идентичность русского народа), вполне отчетливо просматривается и в их репликах. Правда, среди сторонников введения этого курса доля апеллирующих к историко-патриотической аргументации в целом несколько меньше, чем среди сторонников преподавания основ православной культуры.

Принципиальное различие в доводах респондентов, позитивно оценивающих эти педагогические проекты, состоит в том, что отвечавшие на вопросы о введении курса ИМР гораздо чаще (16 %), чем рассуждавшие о курсе ОПК (2 %), аргументировали свою точку зрения ссылками на то, что предмет будет способствовать расширению кругозора, повышению эрудиции учащихся.

«Знания никогда не бывают лишними»; «люди будут более образованными»; «не зная историю религии, невозможно быть культурным человеком»; «люди должны знать историю религии, это интересно знать»; «расширит кругозор учащихся»; «современный человек должен в этом разбираться»; «детям нужны многоплановые знания для общего развития» (ИМР).

«Дополнительные знания не помешают»; «полезно для общего развития»; «дети будут умнее»; «чтобы ученики были грамотными»; «для повышения кругозора в этой области»; «наши дети должны знать больше нас» (ОПК).

Изредка в подобных высказываниях звучит и мысль о том, что расширение познаний школьников в этой предметной области будет способствовать их воспитанию в духе веротерпимости, уважения к иноверцам:

«Люди должны разбираться в религиях, уважать другие религии»; «уважать надо всякую веру — и хорошо бы знать с детства» (ИМР).

Кроме того, небольшая часть опрошенных (1 %, или 2 % от ответивших на данный вопрос) идут дальше: они рассматривают преподавание истории религий как способ профилактики межнациональных и межконфессиональных конфликтов:

«Это преподавание должно привести к взаимопониманию людей и верующих разных религий»; «чтобы был мир между народами — люди друг друга будут лучше понимать»; «чтобы не было национальных конфликтов» (ИМР).

Отметим в связи с этим, что участники обоих опросов в целом весьма оптимистично говорили о том, как преподавание той или иной дисциплины отразится на межконфессиональных отношениях.

Таблица 4

Распределение мнений о том, как повлияет изучение религии в школе на отношения между людьми разных вероисповеданий *, %

Мнение о характере влияния	Тема опроса – ИМР		Тема опроса – ОПК	
	Все респонденты	Респонденты с высшим образованием	Все респонденты	Респонденты с высшим образованием
Никак не повлияет	21	16	21	22
Улучшит	49	59	43	40
Ухудшит	10	11	12	22
Затрудняюсь ответить	21	14	25	16

И здесь незначительные различия в распределении ответов обусловлены главным образом позицией респондентов с высшим образованием. Именно они гораздо чаще остальных (59 против 49 %) ожидали от введения курса ИМР улучшения межконфессиональных отношений, и именно они чаще (22 против 12 %) высказывали опасение, что преподавание ОПК их может ухудшить.

Аргументируя включение в школьную программу религиозных предметов, и сторонники ИМР, и сторонники ОПК прежде всего указывали на необходимость прививать школьникам религиозное мировосприятие. Гораздо реже, особенно в опросе об ОПК, звучал мотив о целесообразности просвещения учащихся, расширения их кругозора. Поэтому неудивительно, что почти две трети опрошенных (63 %) предпочли бы видеть в роли преподавателя ИМР человека верующего (табл. 5); даже среди респондентов, которые не отнесли себя к числу верующих, такую позицию выразил каждый второй. Еще более строгие требования к религиозности преподавателя были высказаны в опросе об основах православной культуры.

Таблица 5

Распределение мнений о желательном отношении преподавателя к религии **, %

Отношение преподавателя к религии	Тема опроса — ИМР		Тема опроса — ОПК	
	все респонденты	респонденты с высшим образованием	все респонденты	респонденты с высшим образованием
Верующий	63	44	72	70
Неверующий	8	19	3	8
Не имеет значения	21	30	14	15
Затрудняюсь ответить	8	7	10	8

* Вопрос задавался в следующей формулировке: «Как Вы считаете, изучение истории религии / основ православной культуры в школе повлияет или не повлияет на отношения между людьми разных вероисповеданий? И если повлияет, то улучшит или ухудшит эти отношения?».

** Вопрос задавался в следующей формулировке: «Если в школе будет введен предмет “История религий” / “Основы православной культуры”, то, по Вашему мнению, лучше, чтобы его преподавал верующий человек, неверующий человек или это не имеет значения?».

Показательно, что и в этом случае в опросе об ИМР суждения респондентов с высшим образованием заметно выделились на общем фоне. Если преподавателем основ православной культуры они в подавляющем большинстве своем, как и прочие россияне, сочли бы естественным видеть человека верующего, то когда речь идет о курсе истории религий, высокообразованные респонденты чаще полагают, что учитель может либо должен быть атеистом, чем настаивают на его религиозности.

Обратившись к доводам сравнительно немногочисленных противников рассматриваемых педагогических проектов, мы и здесь обнаружим сходство аргументации, обусловленное тем, что цель обоих предметов воспринималась респондентами почти одинаково: приобщить школьников к религии. Каждый третий из числа ответивших на открытый вопрос о причинах своего негативного отношения к введению соответствующего учебного курса — по 4 % от числа участников обоих опросов — прямо говорил, что считает недопустимым навязывать детям веру, что этот вопрос каждый человек должен решать самостоятельно:

«Нельзя навязывать веру»; «кому надо — тот верит; зачем заставлять всех?»; «к вере должен человек прийти сознательно и самостоятельно»; «кому надо, тот сам в церковь придет»; «это — дело каждого человека» (ОПК).

*«Не надо навязывать людям веру»; «если ребенок сам заинтересуется, он найдет дорогу к храму»; «нельзя насаждать религию»; «у каждого человека свой путь в религии, и что-то вдалбливать не надо»; «вера — это личное дело каждого» (ИМР) *.*

Отметим, что в обоих опросах немногочисленные противники введения религиозных предметов почти одними и теми же словами высказывали весьма похожие мысли.

«Мы живем в многоконфессиональной стране»: «у нас в стране много религиозных конфессий — это дискриминация» (ОПК), «будет преобладать православная религия, а в нашей стране много конфессий» (ИМР).

Недоверие к священникам: «я им не верю, этим батюшкам» (ОПК), «эти батюшки натворят еще — подождите» (ИМР),

«Классические» атеистические лозунги: «это все-таки дурман для народа» (ОПК), «опиум для народа» (ИМР) и др.

* Можно предположить, правда, что некоторые респонденты, высказываясь подобным образом, осознают, что сама идея преподавания истории религий этого не предполагает, но считают, что на практике дело сведется именно к «насаждению» веры. Однако этот мотив прозвучал лишь в одной реплике: *«потому что беспристрастно преподавать ее они не будут, будут насаждать православие насильно».*

Участникам обоих опросов задавался также вопрос о том, каким должен быть статус новой учебной дисциплины. Большинство респондентов в обоих случаях высказались за то, чтобы религиозное просвещение было факультативным. Как явствует из табл. 6, даже среди сторонников введения курса ИМР большинство (2/3) выступили за предоставление ученикам (и их родителям) свободы решать, посещать или не посещать этот курс; только треть высказались за то, чтобы его проходили все школьники. В то же время почти половина противников введения этого курса, как выясняется, не стали бы возражать против его появления в учебной программе в качестве факультативного предмета*.

Таблица 6

Распределение мнений о статусе ИМР в зависимости от отношения к ее преподаванию, %

Мнение о желательном статусе ИМР **	Все	Отношение к преподаванию в школе ИМР ***			
		положительное	безразличное	отрицательное	затрудняюсь ответить
Обязательный предмет	21	32	6	0	3
Факультативный предмет	61	61	70	43	71
Не должен преподаваться в школах	9	0	9	50	6
Затрудняюсь ответить	9	7	15	7	20

Причем, судя по обсуждению этого вопроса на фокус-группах, даже те, кто выступал за обязательность курса для всех учащихся — а сторонники этой точки зрения и на групповых дискуссиях неизменно оказывались в меньшинстве, — как правило, были не склонны приравнивать эту дисциплину к остальным предметам школьной программы.

Представим на минуту, что речь зашла бы о предложении сделать факультативным предметом математику, химию или даже вполне гуманитарную дисциплину, допустим, историю. Нет сомнений, что возмущенные противники подобного новшества в первую очередь заговорили бы о невозможности в таком режиме приобрести необходимые знания, полностью усвоить учебный материал. В данном же случае этот контраргумент вообще не звучал.

* Похожие пропорции получились и в распределении ответов на вопрос о желательном статусе основ православной культуры.

** Вопрос задавался в следующей формулировке: «Как Вы считаете, история религий / основы православной культуры должна/ы быть обязательным предметом для всех учащихся или факультативным предметом только для желающих? Или этот предмет вообще не должен преподаваться в школах?».

*** Вопрос задавался в следующей формулировке: «Как Вы относитесь к идее вести преподавание истории религий в средней школе: положительно, отрицательно или Вам это безразлично?».

Твердые сторонники обязательного посещения уроков истории религий либо высказывались против факультативов вообще (полагая свободу выбора учебных дисциплин в принципе неприемлемой для средней школы, ибо школьники вообще не станут посещать занятия, если их к этому не принуждать), либо говорили о том, что дети не могут заранее знать, что даст им религиозное просвещение, и сделать осознанный выбор, а потому следует обязать их прослушать соответствующий курс. Но в любом случае они решительно высказывались против того, чтобы по данному предмету школьникам выставлялись оценки, причем этот момент никаких разногласий на фокус-группах не вызывал.

«1-й участник: Я считаю — обязательно <посещать уроки>, но не зачет, просто условно. Не сдавать экзамены, а ставить, что просто прослушал.

2-й участник: Я за обязаловку, но не за оценки. Потому что многие люди не созрели еще, чтобы понять. Все созревают по-разному. У каждого человека наступает определенный момент, когда наконец-то до него доходит: ах, вот о чем говорили» (ДФГ, Воронеж).

Участница фокус-группы в Петербурге, твердо уверенная, что «на факультативы никто ходить не будет», что «факультатив — это совсем несерьезно», заявила, что «это должен быть такой предмет, как все, но просто не с обязательным экзаменованием».

Сторонники факультативного преподавания истории религий тоже вполне определенно высказывались против выставления отметок.

Всеобщее мнение о неприменимости обычного способа оценки школьных знаний к ИМР (равно как и к ОПК) — самый, вероятно, очевидный симптом того, что этому предмету априори приписывается особый статус. Другой и тоже весьма показательный симптом — разногласия суждений относительно того, на каком уровне должно приниматься решение о введении в школах таких дисциплин.

Респондентам задавался следующий вопрос: «Одни считают, что каждый регион должен иметь право самостоятельно решать, вводить или не вводить преподавание истории религий в школах региона. Другие — что это решение должно быть единым для всех российских регионов. Какая точка зрения Вам ближе?». По поводу ИМР «голоса» разделились поровну: 40 % высказались в пользу единого решения, принимаемого на федеральном уровне, и столько же посчитали, что решение должно приниматься в регионе (остальные затруднились с ответом). В опросе же, где речь шла об основах православной культуры, небольшой перевес оказался на стороне «регионалов»: 45 % против 35 % «федералов».

Но на фокус-группах обсуждалась не только эта дилемма. Участники дискуссий высказывали самые различные суждения относительно того, как, на их взгляд, следовало бы принимать решение о введении в школьную программу того или иного предмета, связанного с религией (на этой стадии обсуждения вопрос о конкретном содержании соответствующей дисциплины еще не затрагивался).

Сторонников принятия такого решения на федеральном уровне среди участников фокус-групп оказалось не очень много. Обосновывая свою позицию, они говорили, в частности, о необходимости одинакового подхода ко всем учащимся, об общенациональном значении религиозного просвещения, о необходимости предотвратить проникновение «нежелательных» деноминаций и сект в школы:

«А что тут огород городить? ...Если уж развивать, так всех надо развивать» (ДФГ, Москва).

«Теперь возникает вопрос: на уровне школы? Да нет, по-моему, на федеральном, наверху. Надо же возвращать, возрождать Россию. Она же сейчас вымирает со страшной силой, потому что нет цели, нет стимула» (ДФГ, Воронеж).

«Надо на федеральном уровне решать вопрос. Потому что, если мы решим на местном уровне, то тут все баптисты пойдут и т.д. У нас христианская страна — давайте по православной религии» (ДФГ, Воронеж).

Некоторые полагают, что данный вопрос должен решаться региональными властями (прозвучало и предложение о региональных референдумах) либо муниципальными; предлагалось также согласовывать этот вопрос с церковью:

«Наверное, пусть все-таки этот вопрос решают местные советы» (ДФГ, Санкт-Петербург).

«Управа вместе с церковью» (ДФГ, Москва).

Кроме этого на всех фокус-группах высказывалась и неизменно встречала определенную поддержку мысль о том, что решение должно приниматься администрациями школ, которым при этом следует учитывать не только свои возможности (некоторые опасались трудностей, связанных как с перегруженностью учебного плана, так и с отсутствием учителей, которые могли бы преподавать новую дисциплину), но и позицию родителей. Подчеркнем, что на необходимости проведения родительских собраний и даже получения письменного согласия родителей на введение религиозного просвещения настаивали многие.

Собственно, весь ход дискуссий на фокус-группах, как и рассмотренные ответы респондентов на открытые вопросы, не оставляет сомнений в том, что притягательность самой идеи религиозного просвещения для наших сограждан определяется прежде всего тем, что новый педагогический проект интерпретируется как преимущественно воспитательный и в известной мере призванный исполнять те функции, которые в советское время возлагались на комсомольскую и пионерскую организации. Проиллюстрируем это репликами, прозвучавшими на всех трех фокус-группах сразу после того, как модератор объявлял тему беседы и спрашивал, следует ли преподавать в школе какие-то предметы, связанные с религией:

«Я считаю, при нашем строе это нужно. Какая-то идея должна быть в обществе. Человек должен стремиться к чему-то хорошему. Религия дает положительный задел души, любая религия: мусульманская, христианская и т.д. Она дает стремление жить, развивать в себе какую-то индивидуальность. У нас нет сейчас никакой идеологии. Была коммунистическая, мы стремились к чему-то хорошему — а сейчас нет такого. Религия способна удержать человека от злых помыслов» (ДФГ, Воронеж).

«Ну, потому что у нас очень много открыто казино: они все, дети, сейчас больше играют в игровые автоматы — и это меня очень... Я считаю, что это ужасно. Дети у нас неидейные, ни патриотизм не развивается» (ДФГ, Москва).

«Потихонечку, но это надо делать. Очень аккуратно, но это надо обязательно делать, чтобы у детей появлялся какой-то стержень. Раньше — это у нас октябрята, пионеры... А сейчас? Для нравственности, я считаю, что это обязательно надо» (ДФГ, Санкт-Петербург).

Некоторые участники групповых дискуссий трактовали идею о воспитательной роли «религиозного просвещения» механистически:

«Если вас будут математике учить — вы будете уметь... будете считать? Конечно, будете. Если они преподают нравственность, то и дети будут нравственные» (ДФГ, Москва).

«Религия — это средство для выправления мозгов» (ДФГ, Воронеж).

Большинство респондентов, впрочем, рассуждают не столь прямолинейно, однако и они исходят из того, что преподавание истории религии (как и основ православной культуры) должно иметь определенный воспитательный эффект. Лишь изредка эта точка зрения встречала возражения:

«...вот здесь говорилось о воспитании, о духовности. Воспитывать надо в своих семьях своих детей, я считаю, это вот лично мое мнение. И не надо свое, как бы родительское переваливать на чьи-то плечи» (ДФГ, Москва).

«Вот сейчас, видите ли, они вот такие вот злые, а мы их вот в религию — и они сразу хорошие станут. Вот мне кажется, что добрыми можно и без религии воспитывать. Так что, дорогие родители, воспитывайте их добрыми, и не обязательно вот тут нужно, чтобы религия нам на помощь пришла. Религия — это немножко другое дело» (ДФГ, Москва).

Следует отметить, что участники фокус-групп готовы признать благотворное влияние на нравственность молодежи за всеми мировыми религиями, но при этом большинство из них не видели особого смысла в том, чтобы рассказывать школьникам о разных религиях. И в этом есть определенная логика: если цель соответствующего курса усматривается в том, чтобы внушить детям некие представления о добре и зле — общие, как полагают респонденты, для всех религий, то почему бы не ограничиться рассказом об одной религиозной традиции? Рассуждая примерно таким образом, респонденты зачастую говорят

о том, что русским незачем изучать ислам или буддизм, а татарам или калмыкам — православие. Соответственно, нередко предлагается организовать дело так, чтобы школьникам преподавались основы какой-либо одной религии, и чтобы у учеников и их родителей была возможность выбора (многих смущают «технические» сложности реализации такого подхода). И хотя на всех фокус-группах раздаются голоса тех, кто полагает, что целью учебного курса должно стать именно ознакомление учащихся с разными религиозными традициями, лишь в одной из этих дискуссий (в Санкт-Петербурге) такая позиция была представлена широко.

Правда, некоторые участники фокус-групп предлагали компромиссный вариант, предусматривающий относительно подробный рассказ о православии и гораздо более лаконичный, обзорный об иных религиозных традициях. С точки зрения пропорций в распределении учебного материала такой подход близок к тому, который планируется реализовать в курсе «История мировых религий».

Но главная проблема состоит все же не в этих пропорциях, а в том, как соотносятся задачи, возлагаемые на новый педагогический проект его инициаторами, с одной стороны, и ожидания граждан – с другой. Результаты исследования определенно свидетельствуют о том, что сравнительно немногие россияне, причем преимущественно имеющие высшее образование, видят в курсе ИМР сугубо светский предмет, призванный расширить кругозор учащихся, повысить их культурный уровень. Вместе с тем практически никто не рассматривает перспективу введения этого курса и с собственно религиозных позиций; никто не говорит, например, о том, что приобщение школьников к религии в рамках данной учебной дисциплины направит их на путь, ведущий к спасению души *. Подавляющее большинство россиян воспринимают новый педагогический проект как воспитательный и в значительной степени идеологический, т. е. как инструмент социального контроля.

Подобный сугубо функциональный подход к религиозному просвещению придает курсу ИМР особый статус, выводит этот предмет за пределы круга собственно образовательных дисциплин. Следовательно, с началом реализации данного проекта может возникнуть определенный диссонанс, обусловленный противоречием между изначальной интенцией и преобладающей в сознании россиян интерпретационной схемой **. И вполне вероятно, что, несмотря на позитивное отношение большинства опрошенных к самой идее преподавания ИМР, процесс «привыкания» к этому предмету, его легитимации как равноправной учебной дисциплины окажется непростым и длительным.

* Кстати, этот мотив ни разу не возник и тогда, когда речь шла о преподавании ОПК, — ни на групповых дискуссиях, ни в ответах респондентов на открытые вопросы.

** Этот диссонанс может проявляться, например, в том, что родители тех школьников, которые начнут приносить домой двойки по новому предмету, будут либо воспринимать их как «неуды» по поведению, либо возмущаться по поводу самой практики оценивания успехов и неудач в освоении данного курса по критериям, которые применяются на уроках по другим предметам.

ПОБЕДА: НАША ИЛИ СТАЛИНА?

.....

С.Г. Климова*

В нашей стране праздник 9 мая является важной составляющей культурной традиции и национальной идентичности. Опросы общественного мнения показывают, что память о войне подробна, ценностно нагружена, органична и хранит личные воспоминания людей, переживших войну, или сведения о судьбах родных — родителей, бабушек, дедушек и др. [2; 3]. В настоящей статье излагаются некоторые наблюдения о бытовании войны в современной жизни нашей страны и ее граждан на основе данных двух массовых опросов и фокус-групп, проведенных Фондом «Общественное мнение» накануне и сразу после празднования 60-й годовщины Победы.

Известный немецкий философ К. Хюбнер, размышляя о значимости истории для формирования национальной идентичности, подчеркивает, что факты и предметы из прошлого в этой своей роли становятся элементами современности. В частности, национальные праздники либо обеспечивают воспроизводство «архетипических» образцов прошлого, и тогда их доминирующая функция состоит в поддержании старого нормативного порядка, либо они лишь фиксируют связь времен, преемственность поколений, и тогда элемент нормативности уходит на второй план [4, с. 351-353].

Однако история, связанная с памятной датой, не может быть просто рассказом о состоявшемся событии. Памятная дата — всегда часть национального мифа, призванного оправдать прошлое, объяснить настоящее и дать надежду на будущее. Поэтому нормативность в празднике есть всегда, ибо объекты почитания и празднования, связанные с памятной датой, всегда в явной или неявной форме задают образцы мыслям, чувствам, поступкам. Но люди, обла-

* Климова Светлана Гавриловна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Электронный адрес: sklimova@orc.ru

** Общероссийские опросы населения проводились 23 апреля и 12 мая 2005 г., фокус-группы — 26 апреля в Москве, Новосибирске и Самаре, 11 мая — в Воронеже, Москве и Санкт-Петербурге.

дающие разным жизненным опытом и уровнем знаний, видят в одном и том же событии разные образцы.

Чтобы праздник Победы сохранил статус общенародного, объединяющего, а не разъединяющего людей (как это произошло с некоторыми старыми и новыми праздниками, например, с годовщиной Октябрьской революции или Днем России), нужно примирить его прежние смыслы с новыми знаниями. Присутствие Сталина в контексте празднования победы СССР в Великой Отечественной войне неизбежно. Однако именно эта фигура весьма неоднозначна, о чем свидетельствуют непрекращающиеся дискуссии о том, благодаря или вопреки Сталину была завоевана победа.

Идентификационная функция праздника Победы подвергается испытаниям постольку, поскольку требует совмещать непосредственный негативный опыт или негативное знание о войне с бесспорным фактом национального спасения. Конечно, негативный опыт всегда включается в национальную героическую мифологию, поскольку преодоление — один из необходимых элементов героики. И чем серьезнее препятствия, тем масштабнее подвиги. Проблема в том, что для одних людей героика преодоления бедствий, принесенных войной, связана не только с победой над внешним врагом, но и с преодолением внутренних препятствий, порожденных сталинским режимом, а для других Сталин по-прежнему остается фигурой, организовавшей коллективное героическое преодоление.

Попробуем понять, как негативное знание о войне и периоде правления Сталина в целом включается в систему актуальных смыслов Дня Победы и как знания о прошлом — о том времени — влияют на формирование отношения к настоящему.

Значимость Дня Победы

Представление о важности празднования Дня Победы разделяет абсолютное большинство россиян. Примечательно, что в последние 3 года эмоциональная связь с этим праздником не только не уменьшается, но и растет. Если в аналогичных опросах в 2003 г. 83 % респондентов назвали 9 Мая особенным значимым днем, в 2004 г. — 88, то в 2005 г. — уже 91 % наших сограждан. Правда, в текущем году с особым размахом отмечался юбилей Дня Победы, что придало празднику дополнительную значимость.

По поводу значимости этого праздника в обществе наблюдается редкое для нынешнего времени согласие. Конечно, чем старше люди, тем чаще они говорят о том, что для них 9 мая особенный день, но и подавляющее большинство молодых людей отмечают значимость Дня Победы (см. таблицу). В этом вопросе не обнаружилось даже различий между группами опрошенных, выделенными по идеологическим признакам.

Значимость Дня Победы для россиян *, %

Варианты ответов	Все респонденты	Возраст, лет		
		18–35	36–54	55 и старше
Значим	91	86	91	96
Незначим	7	10	7	4
Затрудняюсь ответить	2	4	2	0

Только 7 % россиян ответили, что для них этот день не является особенным; чаще это молодежь, чем пожилые люди. Можно предположить, что эти 7 %, с одной стороны, утратили (или никогда не имели) «органическую» связь с военным временем или с «сообществом опыта», сформированным войной, — с ветеранами, людьми, пережившими войну, а с другой стороны, не приобрели исторических знаний и не приняли события того периода как часть истории коллективного Мы.

Участники фокус-групп отмечали, что 9 мая — это день памяти о погибших, день благодарности ветеранам. Непосредственную личную связь с праздником подчеркивали респонденты, в семьях которых есть ветераны.

«У нас в семье этот праздник очень большой, потому что у нас бабушка — участник войны. Конечно, святое дело — это обед, вот, а потом мы уже пошли на салют» (ДФГ, Воронеж).

«Артистов старых показывали, они песни пели фронтовые и танцевали. Я бабушке звонила, и она плакала. Артисты тоже воевали — и вот эта вся энергетика теплая. Я тоже сидела у телевизора и плакала, глядя на них» (ДФГ, Санкт-Петербург).

1-й участник: *Вот сейчас 60-летие, надо всем поклониться глубоко.*

2-й участник: *Самим себе.*

1-й участник: *Нет, всем ветеранам, всем погибшим»* (ДФГ, Москва).

Обратим внимание на короткую реплику второго участника фокус-группы. Этот сорокалетний мужчина, конечно, не участвовал в войне. Он сказал «самим себе», имея в виду народ, всех и, несомненно, причисляя себя к этим «всем». Приведенный обмен репликами — не дискуссия, а уточнение того, кто такие «мы». Подобно персонажам героических мифов, ветераны — часть коллектива, целого. Имя этому целому — советский народ. Примечательно, что идентификация с «советским народом» актуальна до сих пор. Так, в ходе репрезентативного национального опроса в 2002 г. 44 % россиян выбрали идентификацию «мы — советский народ», при этом те, кто отнес себя к советскому народу, чаще выражал приверженность русским национальным традициям и местному патриотизму, что справедливо было расценено как свидетельство в

* Вопрос: «Для одних людей 9 мая — особый день, важный, значимый. Для других 9 мая не является особенным, важным, значимым днем. Если говорить о вас лично, какая позиция вам ближе — первая или вторая?».

пользу сходства символической природы этих объектов идентификации [1, с. 228].

На основании имеющихся данных мы не можем говорить о связи или отсутствии связи между национально-патриотическим идентификационным комплексом и склонностью безоговорочно возвеличивать Сталина *. Однако можно предположить, что фигура Сталина как элемент истории становится и элементом представлений о том, кто такие «мы».

Ожидание юбилейных торжеств в честь Дня Победы, видимо, сформировало у многих готовность особо отметить этот праздник. Лишь 13 % россиян заявляли, что не планируют празднований. Опрос, проведенный уже после торжеств, показал, что праздник действительно был общенародным. Только 7 % респондентов сказали, что там, где они живут, не было массовых мероприятий (митингов, встреч с ветеранами, гуляний), посвященных Дню Победы.

В юбилейном году, согласно данным опроса, в праздничных мероприятиях участвовало 26 % россиян, что на 7 % превысило показатель 2004 г.: *«участвовал в митингах деревень Егорьевского района»; «был на митинге у памятника воинам»; «кадетский класс города Батайска, в котором учится мой брат, маршировал просто превосходно»*. Кроме того, в 2005 г. впервые появились ответы, которые почти не встречались раньше: как особое праздничное действие отмечали ритуал поздравления ветеранов, как родственников и знакомых, так и незнакомых людей (3 %): *«ездил поздравлять родственника ветерана»; «в парке Орешково поздравляли ветеранов, они были довольные»*.

Некоторых заставили остаться дома телевизионные программы. По данным опроса, проведенного после праздника, только 9 % не смотрели телепередачи, посвященные Великой Отечественной войне.

Некоторые же ради участия в празднике даже пожертвовали дачно-огородными делами: в 2004 г. сказали, что работали в первые майские дни на даче или на огороде 19 %, в 2005 г. — 12 % россиян. Доли тех, кто посвятил праздничное время другим видам занятий (посещение церкви, кладбищ, хождение в гости или прием гостей), не отличались от прошлогодних. Как и в 2004 г., примерно 10 % россиян работали в праздничные дни, обеспечивая остальных свет, тепло, свежие булочки и порядок.

Согласно высказываниям участников фокус-групп, многие предприятия, организации по своей инициативе делали ветеранам подарки, и эти акции вызвали одобрение участников.

«1-й участник: Мы от организации развозили холодильники и плиты ветеранам до полдвенадцатого. Два дня мы этим занимались».

2-й участник: Я работаю в аптеке в системе «Фармакор». Наши аптеки с 1 апреля до 15 мая бесплатно выдают всем ветеранам и инвалидам пласти-

* Эту склонность респонденты могли выразить, в частности, выбирая клише «победа достигнута только благодаря Сталину».

ковые карточки для скидок в социальных отделах – бесплатно. И до 15 мая будем выдавать бесплатно.

Модератор: *То есть это частная инициатива вашей организации?*

2-й участник: *Да. Мы выдаем эту карточку бесплатно, а так она стоит 40 рублей. Скидка по карточке достигает 10 % круглый год в специальных отделах» (ДФГ, Санкт-Петербург).*

Ни в ответах на открытые вопросы, ни на фокус-группах имя Сталина в связи с праздником Победы спонтанно ни разу не упоминалось. Его роли в войне было посвящено особое исследование.

Роль Сталина в войне

Благодаря юбилейным передачам, книгам, фильмам о войне люди приобрели новые знания и освоили новые интерпретационные схемы. Как показали дискуссии на фокус-группах, эти знания, как правило, весьма детальны, осмысленны и встроены в общую картину мира. Безусловно, чаще всего за последнее время переоценке подвергалась роль Сталина в войне. Часто обнаруживались полярные отношения к этой фигуре: от полного неприятия до поистине эпического возвеличивания. Между полюсами делались попытки рядового гражданина непротиворечиво интегрировать негативную информацию о Сталине в систему мировоззрения таким образом, чтобы сохранить общую оценку значения победы над фашизмом. Попытки отделить Сталина от истории войны на уровне обыденного сознания приводят к тому, что разрушается целостность истории этой войны. Когда участники фокус-групп приводили многочисленные, сейчас уже широко известные сведения об ошибках и преступлениях Сталина в предвоенные годы и в первый период войны и говорили, что война была бы выиграна народом и военачальниками, даже если бы место Сталина занимал кто-то другой, картина получалась не очень убедительной. Размышления о роли Сталина в войне нередко приводили участников дискуссии к выводу, что каким бы одиозным ни был этот политик, он возглавлял государство и армию, и именно он принимал ключевые решения. Например, об отсутствии альтернативы Сталину говорил человек, настроенный по отношению к нему резко критически.

«1-й участник: *Ведущих полководцев под кошу свел, уничтожил... Он действительно боялся этих людей, он их уничтожил...*

2-й участник: *И ученых тоже.*

1-й участник: *Его вот эта трусость...*

3-й участник: *Всю интеллигенцию — под корень.*

1-й участник: *Война была освободительная, мы освобождали себя из-под ига фашистского гнета. Действительно народ выиграл войну.*

3-й участник: *Конечно, народ выиграл войну, это бесспорно.*

1-й участник: *А кто бы руководил, то есть, может быть...*

3-й участник: *Да, да.*

1-й участник: *Было бы лучше, было бы хуже, но не было альтернативы Сталину в то время.*

2-й участник: *Тухачевского Сталин уничтожил, и если бы пришел к власти Тухачевский, как повернулись бы события, предположить сложно.*

4-й участник: *Я думаю, что вектор развития не изменился бы кардинально. А для той эпохи, когда была страна в кольце врагов, нужна была воля Сталина. Диктаторы строили государство, не считаясь с потерями народа.*

1-й участник: *Это была старая реклама презервативов марки «Адидас». Показывали фотографии: Муссолини, Гитлер, Сталин, Пиночет, Ленин и говорили: мир мог бы быть совсем другим, если бы их родители пользовались нашей продукцией...» (ДФГ, Москва).*

«1-й участник: *То, что выигрывали, это заслуга полководцев, за счет народа была одержана победа, но не за счет Сталина. У него не мудрое руководство было.*

2-й участник: *И как военачальник — тоже.*

1-й участник: *Да. А Жуков — вот это сильная личность.*

2-й участник: *Сталин не разрабатывал военных операций, этим занимался генштаб.*

1-й участник: *Он не был стратегом.*

3-й участник: *Мне кажется, его роль была большая, потому что он сумел опереться на нужных людей, он их назначал.*

4-й участник: *Я считаю, что не было бы Сталина, был бы другой военный тактик. Сталин выиграл войну, он был просто руководителем, он попал в это время. И другой бы тактик, вполне возможно, выиграл бы эту войну. Победить русский народ действительно было сложно» (ДФГ, Самара).*

Солидарны с мнением, что Сталин сыграл значительную роль в победе, 58 % участников массового опроса; чаще это люди старше 55 лет (68 %) и жители сел (65 %). Убеждение в значительной роли Сталина приверженцы КПРФ разделяют существенно чаще, чем другие граждане (85 %). Здесь стоит отметить, что электорат КПРФ — это преимущественно пожилые люди. Для них Сталин, так же, как и компартия, — часть их жизни, молодости. Отделить Сталина от всей совокупности их представлений о мире, о стране, о себе им труднее, чем более молодым, для которых эпоха Сталина представляется почти такой же далекой, как эпоха Ивана Грозного. Кроме того, можно предположить, что признание заслуг Сталина — это отчасти проявление оппозиционности.

Противоположной точки зрения — что роль Сталина в победе была незначительной — придерживается в три с лишним раза меньшая доля опрошенных (18 %), чаще это жители больших городов и люди с высшим образованием.

Положительно оценили деятельность Сталина во время Великой Отечественной войны 40 % опрошенных, неоднозначно — отчасти положи-

тельно, отчасти отрицательно — 31 %, однозначно отрицательно — только 11 %. Однозначные положительные оценки чаще давали сторонники КПРФ (64 %), люди старше 55 лет (50 %), с образованием ниже среднего (46 %) и жители мегаполисов (48 %).

Позицию частичного осуждения Сталина чаще других разделяли те, кто доверяет В. Путину, люди с доходами более 3 тыс. р. на члена семьи в месяц (по 37 %) и жители больших городов (40 %). Полностью отрицательные оценки деятельности Сталина в Великой Отечественной войне чаще, чем в среднем, давали люди с высшим образованием (18 %).

Почему так много наших современников, несмотря на неоднократные развенчания культа личности, продолжают считать Сталина великим полководцем? Этому есть много причин. Об одной из них мы уже говорили, когда цитировали критические высказывания участников фокус-групп в адрес Сталина. Сверхконцентрация власти в его руках оказалась в годы войны была символически значимой и привела к практическому эффекту — к победе. Миф о Сталине великом полководце, как показали ответы участников массового опроса и высказывания на фокус-группах, имеет много компонентов. Попробуем их классифицировать.

На вопрос «*Что Вы поставили бы в заслугу И. Сталину в его деятельности во время Великой Отечественной войны?*» всего ответили 59 % опрошенных. Чаще всего говорилось об организаторском таланте, о способности обеспечить порядок и дисциплину в экстремальных условиях (около 20 %): «*дисциплину, если бы ее не было, то мы не победили <бы>*»; «*централизация власти*»; «*умение вести людей за собой*»; «*все его боялись и слушались*».

Близки по содержанию ответы, в которых речь идет не столько об организаторных способностях, сколько о характере Сталина, о его личностных качествах: жестокости (со знаком плюс!), целеустремленности, решительности, умении брать на себя ответственность (12%): «*в строгости вел страну к победе*»; «*его боялись все военные, маршалы, этим он брал и победу*»; «*его железная рука помогла стране выиграть войну*»; «*только его твердость и настойчивость*». Эти качества, собственно, и проявляются при организаторском таланте.

Около 5 % респондентов убеждены, что Сталин разрабатывал стратегические планы военных операций, руководил войсками, организовывал работу тыла, правильно подбирал и расставлял руководителей в промышленности и военачальников: «*разрабатывал планы наступления, руководящие кадры подбирал хорошие*»; «*созданную систему обороны, наступления, работы в тылу*»; «*в том, что Жукову позволили руководить фронтом*»; «*он смог признать свои ошибки, вернул в строй полководцев, которые смогли повернуть ход военных действий*»; «*он сумел собрать людей профессиональных и значительных вокруг себя для достижения победы*».

Довольно много россиян уверены в том, что без Сталина победа в этой войне была бы вообще невозможна (8 %): *«если бы не Сталин, нас Германия захватила <бы>»; «саму победу, без него было бы труднее победить».*

В части суждений акцент смещается на характеристики советского народа — умение мобилизоваться, сплоченность, патриотизме (12 %). Сталину в этих ответах отводится роль лидера, который смог мобилизовать эти качества для победы: *«объединил народ, сплотил для победы»; «патриотизм людей — они шли на смерть во имя Родины».*

Некоторые участники опроса возражали против самой постановки вопроса о заслугах Сталина в войне и основную роль в победе отводили талантливым военачальникам и народу: *«его заслуги не знаю — в основном воевали маршалы и народ»; «Жуков выиграл войну благодаря хорошим полководцам и народу; он [Сталин] не понимал, что делает».*

Материалы фокус-групп показывают, что за упоминанием заслуг Сталина практически всегда следуют оговорки, почти всегда отмечается оборотная сторона этих заслуг. В ходе обсуждений эта оборотная сторона едва ли не сводила все заслуги на нет. Вот как на фокус-группах обсуждался наиболее популярный в массовом опросе сюжет «организационные таланты Сталина».

«1-й участник: *Сталин был личность, конечно же. Это и организаторские способности, и харизма, о которой все говорят, и влияние на массы. Но личность отрицательная: была уничтожена вера православная — корень, все это было в русском народе, и за все это была расплата.*

2-й участник: *Я считаю, что он тиран. При нем был порядок, но достигал он это как: ссылая в концлагеря, погубил больше, чем Гитлер. Больше плохого он сделал для народа, он за счет народа одержал победу над врагом. Народ его возвысил» (ДФГ, Самара).*

«1-й участник: *Да, огромная роль его в победе. Нужно было завтра какой-нибудь город отбить от немцев — все, эта задача выполнялась. Какими жертвами — это уже его не волновало. Просто ему нужно было, чтобы завтра город был очищен от фашистов, и все. Люди, боясь его, выполняли эту задачу...*

2-й участник: *Победителей не судят. Кто-то все-таки руководил — Сталин руководил» (ДФГ, Москва).*

А вот как на фокус-группах выглядела тема «Сталин — военный стратег».

«1-й участник: *Я полностью согласен... с характеристикой политических ошибок в предвоенный период Сталина, с той характеристикой, которую дала Света. И нечего здесь добавить. А вот что касается военных, то там все по-другому. Мне кажется, там со стороны Сталина минимальные ошибки. В основном он все правильно делал. Организация, централизованная организация обороны страны. Когда был организован Совет обороны, он встал во главе его, взял в руки правительство, стал председателем Совета министров, то есть сосредоточил всю власть. Для военного времени это главное.*

2-й участник: *Во время войны он прислушивался к мнению полководцев. То есть были талантливые полководцы, которые руководили армией...*

1-й участник: *Но это не значит, что если бы не было Сталина, война пошла бы, ну, характер ее бы изменился. Нет, в тяжелые моменты истории российской у русского народа или у российского, точнее, народа всегда выдвигался какой-то лидер выдающийся.*

3-й участник: *Я еще раз повторяю: грамотный политик бы не допустил войну, война, пардон, была не с 41-го года... Можно было подготовиться с 38-го года» (ДФГ, Москва).*

Присутствовала в дискуссиях и тема «Сталин — организатор военной промышленности»:

«1-й участник: *На авиационном заводе, когда началась война, выпускали по 10 самолетов в месяц, Сталин, когда узнал, вызвал директора и сказал: по 100 самолетов надо, и начали делать по 100 самолетов. Люди боялись уходить от станка, делали 100 самолетов. Он без суда и следствия мог расстрелять, держал всех в страхе. Может, поэтому и выиграли войну. Сменное задание увеличили в 10 раз, и не уходили до тех пор, пока не сделают задание. Может, он и тиран был, но войну выиграли. Плохо то, что он столько людей загубил. Сколько погибло, никто не считал. ИГЭС строили, и рудники, и никто не учитывал, сколько там гибло, это плохо. Люди работали на износ, гибли, жили в землянках. Это говорит о том, что плохая подготовка, хотя ему говорили, что будет война, но это он не принимал к сведению.*

2-й участник: *И все успехи — на костях. Человек был ничто, заключенные строили... Какие здесь организаторские способности, когда он перед войной все развалил?! Мы не были к ней готовы, и поэтому она так долго длилась. Он в этом виноват!*

3-й участник: *Я согласна» (ДФГ, Самара).*

Звучала также фраза «Победителей не судят». Сталин возглавлял страну, победившую фашизм в страшной войне, и эта его роль несомненна.

Материалы фокус-групп обнаруживают явный конфликт между символической ролью Сталина (в этой роли он — знак, персонификация Победы) и представлением о фактической реальности, об ошибках и преступлениях Сталина, о том, какой ценой была достигнута победа.

В каждой из трех фокус-групп оказался свой апологет Сталина, но один из них выделялся особо: 43-летний пенсионер из Самары, во-первых, не повторялся, во-вторых, проявлял большую активность, высказывался при каждой возможности и, в-третьих, последовательно изложил всю систему апологии вождя. Мы собрали все его реплики, чтобы полностью воссоздать систему его взглядов на эту тему.

Аргумент первый: власть должна быть сильной; другие лидеры мировых держав вели себя так же, как Сталин:

«Сталину приписали всяческие грехи, но хорошего было больше. Президент должен иметь твердую руку, должен подавлять в корне, что сейчас и происходит, и газеты нынешние не сильно отличаются от газет времен Сталина. Адэнауэр, который Германию поднимал после войны, тоже был жестким человеком, ему тоже было очень тяжело».

Аргумент второй: Сталин действовал по законам времени.

«Он правильно делал, потому что по-другому нельзя было тогда».

Аргумент третий: Сталин любил русский народ.

«Я его все равно защищать буду, он по сути для нас иностранец, пришел грузин и стал президентом России. Он ведь никаких репрессивных мер к русскому народу не предпринял, своих грузин он не так уж и много оставил около себя».

Аргументы четвертый и пятый: люди любили Сталина, любили даже те, кто сидел в тюрьме; в тюрьме же они сидели за дело:

«Все сидели в тюрьме, но все были счастливы. Я не хочу говорить про фильмы о Сталине, я вот смотрю бабушкины фотографии. Родители у меня всю войну прошли. На этих фотографиях счастливые люди, нельзя притворяться для фотографа».

«Я не согласен, что кого коснулись репрессии, — против [Сталина]. У меня знакомый недавно умер, его дочка рассказывала, что он работал в Киевском зоопарке и воровал у животных мясо, за это его посадили. А потом сделали жертвой сталинских репрессий, и он получал хорошую пенсию, и был благодарен Сталину».

Аргумент шестой: при Сталине был порядок.

«Он приучил народ, как сказал Папанов, тебя посадят, а ты не воруй. Достаточно было себя вести по правилам — и жил бы хорошо».

Седьмой аргумент: без Сталина мы бы не выиграли войну; Сталин был символом Родины, которую нужно защищать ценой собственной жизни.

«Было все подготовлено к тому, чтобы Сталин уехал из Москвы. Если бы он уехал, Москва была бы сдана, потому что у народа ассоциировалось: за Родину, за Сталина. А если часть Родины Москву покинула, то что ее защищать. Он не сдавался — и народ не сдавался, в него верили».

И восьмой аргумент, пожалуй, самый главный: при Сталине и при социализме вообще людям жилось хорошо, а сейчас живется плохо, хуже, чем при Сталине: господствует апатия, люди деморализованы и бедны, страна не развивается.

«До перестройки никто не голодал. Строились дома, людям давали квартиры, было бесплатное лечение, не был объявлен курс на приватизацию. Это все благодаря Сталину. Я в андроповское время работал грузчиком в универсаме — хорошее было время: появились на прилавке джинсы, кроссовки».

«Если бы сейчас напали, и сопротивляться бы не стали. Со времени перестройки прошло 20 лет. Это примерно столько, сколько Сталин правил. Если сравнить, что было сделано советским народом в те годы и что сделано сейчас, то за последние 20 лет таких результатов, как при Сталине, мы при Горбачеве, Ельцине и Путине не добились бы».

Нынешние проблемы довольно часто становились фоном для оценок сталинского периода. Как видно из некоторых реплик на фокус-группах, нынешняя ситуация в стране выглядит проигрышной по сравнению со временем правления Сталина по нескольким важным основаниям. В настоящее время, во-первых, отсутствует порядок, процветают злоупотребления чиновников и коррупция; во-вторых, «маленький человек», рядовой гражданин не защищен от произвола, а потому бесправен; в-третьих, на фоне деидеологизации люди ощущают себя разобщенными, одинокими в обществе; в-четвертых, большинство населения живет в бедности и не имеет перспектив на улучшение своего материального положения. При этом люди вовсе не думают, что при Сталине подобных проблем не было. Здесь важно понимать, что рассуждения о цене сталинского «порядка», сталинской «стабильности», сталинской «сплоченности» и т. п. наталкиваются подчас на контраргумент: а что, сейчас лучше?

«Модератор: А можно из времени его правления извлечь какие-то исторические уроки? Если да, то какие?»

1-й участник: У нас пусть не сталинская дисциплина, но какой-то порядок в стране должен быть: поменьше брали взятки, поменьше коррупции.

2-й участник: У человека должен быть какой-то идеал, во что-то должны верить. Тогда верили.

1-й участник: Дисциплина была. Может быть, такой преданности не надо было, но если сравнивать с тем, что у нас сейчас, слов нет.

3-й участник: Ни в какое сравнение не идет.

1-й участник: Люди бесправные, люди безвольные, могут уволить, зарплату не выплачивать» (ДФГ, Самара).

Вместе с тем в утверждении «даже при Сталине было лучше, чем сейчас» нередко присутствует некое нарочитое демонстративное преувеличение. Это видно при обращении к ставшей в последнее время популярной теме установки памятников Сталину. Обсуждение этой темы приводило участников фокус-групп к необходимости отделять критику существующих порядков от оценки исторической роли Сталина.

«Модератор: В последнее время в СМИ обсуждается вопрос об установке памятника Сталину. Как вы к этому относитесь?»

1-й участник: Ну вот, мы к этому и пришли.

2-й участник: Нет, что деньги-то переводить? Такая отрицательная личность — зачем его увековечивать в памятнике? Совершенно это не нужно.

3-й участник: *Памятник по-разному можно поставить: можно как вождю, а можно как тирану — как скульптор спроектирует. Ему памятник надо поставить как тирану. За гибель невинных людей нет никакой пощады.*

4-й участник: *Если поставят памятник, это будет так, что мы согласны, что нам нужен тиран.*

Модератор: *А как вы считаете?*

4-й участник: *Я считаю, что не надо ставить памятник. За что? Вот поставим, старшее поколение все перемрут, а молодежь останется, вот стоит памятник. Что она будет думать про него?» (ДФГ, Самара).*

Указали на вину Сталина перед страной в военный период 53 % участников массового опроса. Чаще всего, поясняя свою позицию, респонденты говорили о репрессиях, массовых арестах, характерных для периода правления Сталина в целом. Многие называли эти репрессии геноцидом против собственного народа: *«репрессии, много невинных людей пострадало, гонения <на> верующих»; «террор против своего народа» (24 %).*

Отрицательные личностные качества Сталина (жестокость, грубость, подозрительность) упомянули 11 % опрошенных россиян: *«безразличное отношение к своему народу — как к рабам»; «тиран жестокий»; «мания преследования».*

Упрекали Сталина в том, что он допустил много ошибок и даже преступлений при подготовке войны и в ходе ее ведения (20 %). Респонденты припоминали аресты военных специалистов, нежелание беречь солдат, ошибки в ходе конкретных военных операций, жестокое отношение к советским воинам, попавшим в немецкий плен: *«в начале войны офицеры сидели в тюрьмах»; «развалил армию перед войной»; «бесмысленные жертвы»; «сколько народа зря положил»; «допустил окружение наших солдат, доверил командование малоопытным командирам»; «сам не специалист в военном деле»; «харьковское наступление — не надо было идти наступать, а надо было обороняться»; «без разбора принимал бывших пленных за шпионов, потом их расстреливали или в лагерь отправляли».*

Обсуждения этой темы на фокус-группах показывает, что память о сталинском терроре жива:

«1-й участник: *Он все развалил перед войной, полководцев всех уничтожил. Он не был готов к войне, и до последнего не верил. Хотя ему и дату сказали, и все — а он не верил.*

2-й участник: *Когда с Украины беженцы в Москву ехали, их не выпускали с вокзалов, они там и умирали — это вот как?!*

3-й участник: *У меня сразу ассоциации со страхом, зомбирование какое-то.*

2-й участник: *С войной — я вообще не понимаю, в чем его заслуга.*

4-й участник: *Деспот, однозначно, ничего святого не было. Когда хотели поменять сына на генерала Паулюса, он сказал: «Я генералов на рядовых не меняю». Он больше сделал плохого, потому что очень много людей погубил: и*

ученых, и военных генералов перед самой войной, это же все с его молчаливого слова делалось. Крестьянина за человека не считали.

4-й участник: *Цвет нации, да.*

Модератор: *Какова его роль в истории?*

5-й участник: *Огромная.*

2-й участник: *В истреблении народа» (ДФГ, Самара).*

На наш взгляд, одна из причин (хотя и не главная) живучести представления «Сталин — великий полководец» состоит в том, что до сих пор многие герои, самоотверженно воевавшие, побеждавшие в битвах, поднимавшие оборонную промышленность, остаются непризнанными и неоцененными. При этом участники фокус-групп сообщали о том, что в праздничные дни они смотрели телепередачи, новые документальные и художественные фильмы о войне, а это свидетельствует о живом интересе к героям Великой Отечественной войны.

«Модератор: *Кто какие передачи смотрел в эти выходные, посвященные Дню Победы, и какие вам запомнились?*

1-й участник: *Хороших документальных фильмов не хватает. Песни, пляски — это хорошо, но могли бы хотя бы по одному каналу пустить только документальные фильмы, потому что много людей интересуются этими фильмами.*

2-й участник: *Потому сейчас всплывает очень много фактов, которые раньше мы не знали. А сейчас документы поднимаются, сейчас можно об этом говорить, сейчас нужно об этом говорить.*

3-й участник: *Очень хороший был фильм про Маринеско: про его подвиги, как он потопил знаменитый немецкий непотопляемый корабль. Документальный фильм, очень хороший.*

4-й участник: *«Ленинградский фронт», была передача такая. Сорокина даже сделала. Интересен был момент, что наша танковая рота в районе Гатчины раздолбала в общей сложности 43 немецких танка. Я знал об этом ранее, я не знал о том, что человек, который возглавлял, Колабанов его фамилия, был репрессирован и даже сидел. Участвуя в Финской войне, он уже тогда был капитаном, после заключения перемирия с финнами его танкисты обменялись сигаретами с финнами, и за это его лишили звания и посадили. И дали ему роту, хотя он мог и батальоном командовать. Немцы как раз находились под Лугой. Рядом была болотистая местность, и он разбил сначала одну колону немцев, а потом другую. Я об этом знал и раньше, лет 15 назад, но такие детали были для меня сейчас интересны. И он умер, по-моему, в 1989 году. Он дошел до Берлина, а потом из его батальона какой-то солдат, водитель перебежал в английскую зону, и его опять отправили в Белоруссию служить. А героя в итоге ему так и не дали — дали орден Красного знамени. Маринеско дали героя, все-таки добились, а ему нет. Он в одном бою уничтожил сам 22 танка. А остальные 21 танк — его рота. Такие подвиги, конечно, не забываются. У него в роте было всего 5 танков» (ДФГ, Санкт-Петербург).*

Выводы

1. Новое знание об эмоционально- и ценностно-значимых событиях, фактах прошлого зачастую отторгается не потому, что человек не верит ему, а потому, что он не знает, как примирить новое знание и с прежними смыслами, как вписать новую информацию в сложившиеся представления о себе, своей стране и ее истории. Это утверждение напрямую касается темы «роль Сталина в войне».

Процесс привнесения нового негативного знания о войне в сложившуюся систему значений ставит ряд вопросов, требующих дальнейшего изучения. Во-первых, в какой мере негативное знание о военном прошлом страны разрушает личностную и социальную идентичность человека, как сделать так, чтобы эта идентичность, если она ценна, с одной стороны, не препятствовала развитию социума, а с другой стороны, в ней сохранялась преемственность с прошлым. Во-вторых, как негативное знание о прошлом может сосуществовать со сложившимися нормативно-ценностными представлениями; какие здесь могут быть противоречия и как их можно разрешить. В-третьих, как сегодняшний день, сегодняшние проблемы могут исказить представления о прошлом.

2. Связь военного прошлого с настоящим амбивалентна: с одной стороны, она, несомненно, питает национальную гордость, вызывает у большинства искреннее чувство благодарности к ветеранам, а с другой — порождает чувство горечи из-за того, что жертвы часто были неоправданно большими. И вина за это «злое и ненужное» уничтожение людей приписывается Сталину.

Однако встречают сопротивление и попытки реинтерпретировать историю Второй мировой войны (в частности, связанные с послевоенной судьбой стран Восточной Европы и Прибалтики). Это ущемленное чувство национальной гордости, помноженное на состояние депривации значительной части населения в пореформенной России, подчас приводило к демонстративным выкрикам, что «даже при Сталине» жилось лучше, чем сейчас.

3. Причины живучести представлений о том, что «при Сталине простым людям жилось лучше», много раз описаны публицистами и историками. Здесь мы отметим лишь одно обстоятельство, зафиксированное в анализируемом исследовании. Материалы дискуссий на фокус-группах создают впечатление, что дело не в том, что люди не помнят тяготы сталинского периода. Дело в том, что они помнят (или знают от родителей), что тогда у людей была надежда на лучшее будущее. Сегодняшняя жизнь не только обманула прежние надежды, но и не дала новых. Спустя двадцать лет после начала перестройки люди по-прежнему не знают ответов на два главных вопроса: как в новых условиях законными способами добиться успеха в жизни; как личный успех каждого человека может быть связан с успехом всех граждан и России в целом.

4. Как показали высказывания участников фокус-групп, новое прочтение военной героики — без апологетики Сталина, без пафоса, более правдивое и человеческое — принимается слушателями и зрителями. Более того, люди об-

ращают внимание и на новые факты о прежних, известных героях, и на неизвестных героев. Судя по тому, насколько детально пересказы документальных фильмов и передач, этот интерес не симитирован для демонстрации включенности в тему.

5. Через полвека после смерти Сталина и разоблачения культа личности общество снова вынуждено решать проблему десталинизации. Как вирусы в ослабленном организме, проблема настойчиво дает о себе знать всегда, когда общество нравственно нездорово. Серьезные социально-экономические проблемы постперестроечного периода — унижительная нищета значительной части населения, нескорый и неправый суд, старые порядки в новой российской армии, отсутствие ясных и доступных многим алгоритмов жизненного успеха — все это порождает благоприятные условия для возрождения ностальгии по Сталину.

Библиографический список

1. Данилова Е. Через призму социальных идентификаций // Россия реформирующаяся. Ежегодник—2004. М.: Институт социологии РАН, 2004.
2. Климов И. День Победы. Как он был от нас далек... // <http://bd.fom.ru/report/map/d031724>
3. Климов И. Фашизм и современность // <http://www.fom.ru/survey/dominant/168/413/1521.html>
4. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М.: Канон+; Реабилитация, 2001.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ИНВАЛИДОВ В ПОЛИТИКЕ НЕЗАВИСИМОЙ ЖИЗНИ

.....

П.В. Романов*

Социальная политика — это, с одной стороны, государственные и корпоративные стратегии управления ресурсами для создания более пригодных для жизни людей условий, с другой — идеологически и рационально обоснованные стратегии деятельности объединенных в общественные движения и организации людей, нацеленной на достижение позитивных изменений. Именно во втором случае решение многих жизненно важных вопросов оказывается в руках самих граждан, которые, объединяясь в организацию, могут добиться гораздо большего, чем если бы они действовали в одиночку. Момент объединения важен для развития демократии: здесь личное становится политическим, в том числе благодаря социальным движениям. Социальные движения рождаются из совместных действий, которые делают людей активно действующими социальными субъектами, не только изменяющими условия жизни, но и переопределяющими самих себя.

Развитие институтов гражданского общества — длительный, сложный и противоречивый процесс. В современном урбанизированном обществе множество условий препятствует формированию местных сообществ, объединению людей в инициативные группы и общественные организации. Частная собственность и рыночная экономика порождают новые формы организационной жизни и новые социальные интересы. Там, где рыночные идеологии доминируют, люди в значительной мере утрачивают способность к коллективному политическому действию. Благотворительность, являясь одним из атрибутов

* Романов Павел Васильевич — доктор социологических наук, профессор кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета. Электронная почта: p_rom@mail.ru

Статья подготовлена в рамках проекта «Политика инвалидности: стратегии социального гражданства инвалидов в современной России» при поддержке фонда Джона Д. и Кэтрин К. Макартуров (грант № 04-81332-000-GSS, руководитель — П.В. Романов)

такого общества, вносит свой вклад в индивидуализацию личной ответственности: индивиды рассматривают себя как потребителей услуг, а не как участников коллективного действия, что в свою очередь ведет к индивидуализации интересов в ущерб коллективным целям. Люди ищут индивидуального спасения от коллективных бед, персонального выхода из системных противоречий [8, р. 3, 144]. Это приводит к производству новых и воспроизводству старых причин незащищенности индивидов в обществе [11].

Однако сейчас можно говорить об усилении общественной активности граждан в рамках добровольных объединений — негосударственных организаций (НГО), направленной на отстаивание политических, профессиональных и других групповых интересов, а не на увеличение прибыли. И хотя предпринимательская деятельность может осуществляться некоторыми НГО, она не является для них основной. В качестве основных заявляются цели по оказанию социальной помощи, социально-психологической поддержки наиболее уязвимым и депривированным социальным группам, решению общих для территориальных сообществ проблем и т.п. Исследования последних лет показали рост числа таких организаций по всему миру.

В период экономических реформ и структурных преобразований в России актуализируются вопросы, связанные с участием граждан в самоуправлении и усилением развития демократических институтов. От того, как взаимодействуют, дополняют и поддерживают друг друга государственные институты, частное предпринимательство и волонтерские организации, во многом зависят целостность, сбалансированность и стабильность современного государства и гражданского общества.

В Россию одна из версий гражданского общества была привнесена иностранными донорскими агентствами, поэтому некоторые формы негосударственных организаций выстроены в соответствии с западным дизайном третьего сектора. Несмотря на то что во всем мире общественные движения развивались снизу, и на такой же путь были ориентированы многие российские активисты гражданского общества, сегмент третьего сектора — это профессионализируемые НГО, нередко отгороженные от местных сообществ и находящиеся в идеологическом компромиссе с неолиберальным взглядом на социальное развитие [10]. Однако свою легитимность, свой социальный капитал эти новые образования могут формировать лишь с опорой на местное сообщество, а не на зарубежных спонсоров [9].

Становление НГО, в которых решение многих жизненно важных вопросов оказывается в руках самих инвалидов, является ключевым поворотом в определении взаимоотношений между государством, благотворителями и индивидами. Инвалиды становятся активно действующими социальными субъектами, не только изменяя условия жизни, но и переопределяя себя [7].

Понятие «независимая жизнь» подразумевает два взаимосвязанных момента. В социально-политическом значении независимая жизнь — это право чело-

века быть неотъемлемой частью жизни общества и принимать активное участие в социальных, политических и экономических процессах, это свобода выбора и свобода доступа к жилым и общественным зданиям, транспорту, средствам коммуникации, страхованию, труду и образованию. Независимая жизнь — это возможность самому определять и выбирать, принимать решения и управлять жизненными ситуациями. В социально-политическом значении независимая жизнь не зависит от вынужденности человека прибегать к посторонней помощи или вспомогательным средствам, необходимым для его физического функционирования. Это понятие включает контроль над собственными делами, участие в повседневной жизни общества, исполнение целого ряда социальных ролей и принятие решений, ведущих к самоопределению и уменьшению психологической или физической зависимости от других. Независимость — понятие относительное, которое каждый человек определяет по-своему.

Включение в инфраструктуру общества системы социальных служб, которым человек, имеющий инвалидность, мог бы делегировать свои ограниченные возможности, сделало бы его равноправным членом общества, самостоятельно принимающим решения и ответственность за свои поступки, приносящим пользу государству. Именно такие службы освободили бы человека, имеющего инвалидность, от унижающей человеческое достоинство зависимости от окружающей среды и высвободили бы бесценные человеческие ресурсы (родителей и родственников) для свободного труда на благо общества. Это могут быть государственные социальные службы. Но с 1960-х гг. на Западе, а с 1990-х гг. и в России все большую роль начинают играть общественные организации, причем именно последние зачастую более адекватны нуждам и интересам инвалидов, чем государственные учреждения или сервисы.

Очевидно, способность инвалидов быть независимыми экономическими субъектами, участвовать в политической, культурной и социальной жизни общества отражает степень реализации их социального гражданства. Коллективные действия, по определению Е.А. Здравомысловой, — это «рациональная совместная деятельность, цель которой заключается в улучшении жизненной ситуации участников». Общественное движение — «ряд повторяющихся коллективных действий, направленных на достижение заранее сформулированной цели» [3, с. 67–69].

Инвалиды сегодня включены в общественную деятельность, отстаивают свои интересы, организуют культурные и спортивные мероприятия, выступают от имени инвалидов за признание и реализацию своих гражданских прав. Обеспечение участия людей в принятии решений, которые непосредственно затрагивают их интересы, — важнейший принцип демократии. В этом отношении организации инвалидов являются выразителями нужд своих членов.

В России общественные организации имеют многолетнюю историю. Однако следует отметить, что до 1990-х гг. деятельность организаций инвалидов была строго регламентирована, и в этой сфере не поощрялось никакой самодеятель-

ности. Участники таких обществ по сути были членами больших корпораций, монополизировавших право инвалидов на участие в общественной жизни. В функции советских общественных организаций входило сохранение *status quo* и контроль над индивидами для обеспечения их лояльности политическому режиму. Так, книга В.А. Фефелова «В СССР инвалидов нет», изданная на русском языке в Лондоне в 1986 г., повествует о попытке автора создать в России организацию взаимопомощи инвалидов в 1978 г. и о преследованиях, которым он подвергся со стороны силовых структур и государственных чиновников. После 1990 г. начался расцвет НГО, объединяющих не только самих инвалидов, которые могут дифференцироваться, например, по группам заболеваний и интересам (спортивные и другие организации), но и членов семей инвалидов, например родителей детей инвалидов.

Представители общественных организаций сегодня входят в Межведомственную комиссию по реабилитации инвалидов, подчиненную заместителю Председателя Правительства, где обсуждаются ключевые решения в отношении инвалидов. Всероссийское общество инвалидов (ВОИ), Всероссийское общество слепых (ВОС), Всероссийское общество глухих (ВОГ) активно участвуют в подготовке законов. ВОИ было создано в 1988 г. как единственная всероссийская общественная организация для инвалидов с нарушением опорно-двигательного аппарата. ВОИ, ВОС и ВОГ осуществляют защиту законных прав инвалидов на местном и федеральном уровнях, активно взаимодействуют с государственными органами по реализации Закона о социальной защите инвалидов, а также тесно сотрудничают с российскими и зарубежными организациями инвалидов, собирают и распространяют информацию по всем вопросам, касающимся инвалидов. ВОИ насчитывает 2,454 млн членов, объединенных в 79 региональных, 2 140 районных и городских и свыше 25 000 первичных организаций. Каждая региональная или районная организация ВОИ имеет свой устав и правление. Помимо перечисленных организаций инвалидов в регионах России сложилась сеть общественных организаций, цель деятельности которых — защищать права и интересы инвалидов и способствовать их интеграции в общество. При поддержке западных благотворительных фондов создана и действует Организация «Перспектива», известная своими публичными акциями, призванными создать позитивный социальный контекст, в рамках которого общественное движение инвалидов может развиваться* (например, ежегодные международные фестивали документального и игрового кино об инвалидах).

Все эти достаточно разные по своим интересам группы имеют общие характеристики: все члены группы равны в статусе; каждый вступает в группу из-за своих собственных проблем; все, что происходит в группе, конфиденциально; членство свободное [1]. Деятельность таких групп может иметь терапевтическую, социальную, образовательную или исследовательскую направленность.

* См.: <http://perspektiva-inva.ru>

Самопомощь является альтернативой или дополнением существующим службам здравоохранения и социальной сферы, необходимым звеном, достраивающим систему социальной помощи человеку. Так, ассоциации родителей детей-инвалидов сегодня существенным образом дополняют работу государственных учреждений, оказывающих помощь детям с ограниченными возможностями и их семьям. Тем самым расширяются возможности социальной работы, которая осуществляется уже не только государственными социальными службами, но и с привлечением инициативы некоммерческих и волонтерских организаций.

Следует отметить важную деталь, которая отличает членские организации взаимопомощи от сервисных организаций: НГО в настоящем случае объединяет не функционеров, обеспечивающих поступление разнообразной помощи, координирующих и контролирующих ее распределение, а самих инвалидов, ветеранов и представителей других социальных групп. Основной фактор жизни таких организаций — непосредственные и неформальные отношения между членами группы, объединенной по ка-ким-то общим признакам. Эти отношения ставят членов ассоциации в особое положение или требуют коллективных действий в свою защиту. Предполагается, что проблемы, переживаемые определенным сообществом, лучше понимают люди, поставленные в такие же условия, и эти проблемы можно преодолеть посредством коллективных действий. Такие группы стремятся в сообщество для того, чтобы сохранить свою идентичность, объединить интересы, а также для группового давления на органы власти. Иногда это объясняется тем, что людям, отличающимся от других, не только легче общаться, но и ожидать взаимопонимания, помощи и солидарности в кругу своих, например, потому, что общественное устройство стигматизировало и маргинализировало их, как это происходит, скажем, с инвалидами. Одной из характеристик НГО является то, что они малочисленны по своему составу и опираются в значительной степени на добровольную помощь со стороны своих членов (в случае ассоциации) и поддержку активистов-волонтеров.

Хотя общественные организации инвалидов и не обладают властной и ресурсной мощью государства, его социально-экономическим и организационным потенциалом, у них имеется ряд преимуществ, которыми не обладает государственный аппарат, но без которых невозможно обойтись в практическом решении проблем инвалидов. Среди этих преимуществ выделяются следующие [2]: объединения инвалидов могут полнее учесть в своей работе ценности и приоритеты своих членов, чем государственные или созданные сверху структуры; информация, которую получают такие организации, более полна и релевантна для участия в законотворческой деятельности; собственная инициатива инвалидов позволяет найти новые формы социальной интеграции, разработка которых была бы затруднительна без учета мнений самих инвалидов; высокая мотивированность и организованность таких ассоциаций создает почву для формирования разветвленной инфраструктуры, способной более эффективно

администрировать как государственные ресурсы, так и средства, поступающие от благотворителей.

В России действует Совет по делам инвалидов при Президенте Российской Федерации. Совет представляет собой совещательный орган, но его решения обязательны для всех участников. Одной из форм координации усилий различных министерств, ведомств, общественных организаций по оперативным направлениям деятельности является Межведомственная комиссия по реабилитации инвалидов. В общегосударственном процессе решения проблем инвалидов их организации могут и должны выполнять специфические функции, которые государственные институты либо просто не в состоянии выполнять, либо будут выполнять с гораздо меньшим эффектом. Именно на этом разделении и взаимном дополнении функций и должно основываться социальное партнерство государства и организаций инвалидов в решении социальных проблем инвалидов.

Министерством труда, образовательными учреждениями, деловыми кругами и организациями третьего сектора успешно реализуются такие направления социального партнерства, как занятость инвалидов, образование взрослых, профессиональная подготовка и переподготовка населения. Обсуждаются новые методы и технологии социального партнерства в профессиональной переподготовке безработных; проблемы обеспечения профессионального и дополнительного образования в условиях социального партнерства; социальное партнерство в социальной сфере и образовании инвалидов; социальное партнерство в организации исследований в сфере образования взрослых. Один из примеров активизации инвалидов в сфере социального обслуживания — проект «Мосты социального партнерства», который в 2002–2003 гг. реализовала Ростовская городская общественная организация инвалидов «Феникс» при поддержке американской программы АЙРЕКС. Задачами проекта были: оказание эффективной социально-правовой защиты интересов инвалидов силами коалиции НКО социальной сферы; продвижение прогрессивного механизма оказания качественных комплексных социальных услуг инвалидам малых, средних городов и сельских районов Ростовской области; развитие сети социального партнерства и тиражирование инновационной модели оказания качественных комплексных социальных услуг незащищенным слоям населения Ростовской области.

К сожалению, довольно часто некоторые общие и специализированные властные структуры настойчиво уклоняются от регулярного взаимодействия с организациями инвалидов. Государство пока еще не признало общественные организации инвалидов в качестве равноправного, независимого социального партнера. Процесс создания органов управления, обеспечивающих регулярную связь властных структур и организации инвалидов, носит пока крайне ограниченный характер. В свою очередь, руководители организации инвалидов высказывают озабоченность тем фактом, что многие члены их объединений ориентированы на потребление услуг и не проявляют интереса к его шагам в

области защиты прав и интересов инвалидов, срабатывает «заботливо выращенная государством на протяжении многих десятилетий психология социального иждивенчества. В руководящих органах объединений инвалидов явно не хватает способной молодежи с ее активными социальными установками, потенциалом к быстрому профессиональному обучению и эффективной работе» [2]. Социальные работники могут инициировать своевременные проекты подготовки компетентных менеджеров некоммерческих и бизнес-организаций инвалидов, в первую очередь из числа молодых инвалидов.

Важной причиной недостаточно эффективного выполнения организациями инвалидов их социальных функций является откровенная слабость финансово-экономического положения этих организаций. Экономически слабые организации инвалидов не могут эффективно выполнять свои функции и вынуждены направлять основные усилия на финансовое выживание. Практика финансовой поддержки государством организаций инвалидов в той ли иной форме широко распространена в зарубежных странах. Некоторые из национальных организаций инвалидов зарубежных стран все свои финансовые средства получают в форме дотаций от государства. Организации инвалидов в России в этом смысле находятся в значительно более сложном положении. Принцип государственной, в том числе экономической, поддержки организаций инвалидов декларирован в Стандартных правилах ООН. Однако такая поддержка должна осуществляться в формах, которая бы не создавала угрозу для независимого, автономного статуса организаций инвалидов.

Активное участие общественных организаций инвалидов в общественно-политической жизни страны, тесное сотрудничество с органами государственной власти на федеральном и региональном уровнях в формировании законодательной базы, необходимой для решения жизненно важных проблем граждан с ограниченными физическими возможностями, — гарантия того, что проблемы инвалидов будут решаться. Социальное партнерство при этом выступает ресурсом независимой жизни и важным условием эффективности социальной работы. Предприниматели, бизнесмены могут стать участниками партнерских отношений, оказывая содействие в трудоустройстве, реабилитации и лечении инвалидов, используя для этого различные способы: шефство над семьями и одинокими инвалидами, помощь домам инвалидов и престарелых, больницам, клиникам. Все религиозные конфессии, в том числе Русская православная церковь, которая приняла концепцию социального служения, следуя своим давним традициям, постепенно будут все шире выполнять благотворительную миссию, помогая инвалидам. В проектах социального партнерства необходимо задействовать возможности неправительственных правозащитных организаций, других негосударственных объединений, не только ассоциаций и обществ инвалидов, но и ветеранских, молодежных, женских организаций, клубов по интересам и других структур. Только так возможно сдвинуть с места решение назревшей проблемы.

Центром гуманитарных исследований и проектов «Восток Запад» осуществлялся проект «Местный центр поддержки добровольческих инициатив» в одном из малых городов Подмосковья. Проекту предшествовало исследование проблем добровольного участия населения в общественно значимой деятельности, гражданских инициативах и общественных организациях в четырех регионах России. Исследование показало, что включению граждан в решение проблем местной жизни препятствуют отсутствие заслуживающих доверия организаций, слабость, разрозненность и некомпетентность в организационно-финансовых вопросах действующих общественных объединений и групп, привычка населения ждать от властей решения социальных проблем, часть которых в принципе может решаться на основе самоорганизации граждан. Особенно слабым российский «третий сектор» (т.е. негосударственный и некоммерческий) оказался в малых городах, где проживает почти треть населения страны [4, с. 150–151]. Однако подобные проблемы фиксируются исследователями и в крупных индустриальных центрах.

По данным исследования волонтерских объединений в Самаре (1998 г.) показало, что членские организации, построенные на принципах взаимопомощи, составляли лишь 23 % от всех объединений, зафиксированных на тот момент в Базе данных Самарской областной администрации [5].

Ассоциации инвалидов в российских городах, в отличие, скажем, от экологических организаций, имеют пока еще довольно замкнутый круг добровольных помощников, пополняя свои ряды в основном за счет родственников и самих инвалидов. Возможно, для этого отсутствуют благоприятные условия или недостаточно активных и инициативных людей.

Для выяснения мнений людей с ограниченными возможностями о роли в их жизни общественных организаций, мы провели опрос 398 инвалидов трудоспособного возраста в г. Саратове и рабочем поселке Лысье горы Саратовской области в марте 2004 г. методом формализованного интервью. Исследование «Проблемы и перспективы создания безбарьерной среды жизнедеятельности инвалидов» проводилось в марте 2004 г. по заказу Министерства труда и социального развития Саратовской области*.

Членами хотя бы одной общественной организации были 34 % опрошенных. В число перечисленных организаций вошли Всероссийское общество инвалидов, Всероссийское общество глухих, Всероссийское общество слепых,

* Автор благодарен Е.В. Кулагиной (ИСЭПН РАН, Москва) за предоставленные материалы для подготовки инструментария, Е.В. Белозеровой, И.В. Сурковой (Саратов, СГТУ) за помощь в сборе данных.

Опрос проводился по районированной выборке, построенной с учетом квот, отражающих основные демографические характеристики группы инвалидов трудоспособного возраста (18–60 лет) (предельная ошибка выборки — 5 %). В выборке представлены 19 % инвалидов I группы, 50 % — II группы, 31 % — III группы, в том числе, 43 % — инвалиды детства, 37 % инвалидов по общему заболеванию, 15 % — вследствие несчастного случая, 5 % — из-за профессионального заболевания.

ДОСААФ, физкультурно-спортивное общество «Спартак», спортивный клуб «Special Olympics», Общество больных рассеянным склерозом, городская ассоциация инвалидов, Союз Афганцев, Союз «Чернобыль», клуб молодых инвалидов и др.

Состоявших в общественных организациях респондентов просили оценить их деятельность. Деятельностью общественных организаций по улучшению отношения общества к инвалидам были удовлетворены 48 % опрошенных, с точки зрения 24 % респондентов, эта функция абсолютно не выполнялась. Высоко оценили содействие защите прав 47 %, низко — 23 %. Почти никто не удовлетворен оказанием материальной поддержки, помощью в нахождении работы удовлетворены лишь около 20 % инвалидов. Практически никому из инвалидов общественная организация не помогает с отдыхом и лечением. Пункт, связанный с помощью в обучении, вызвал самые большие затруднения, что отметили 26 % респондентов; около 51 % относительно этой сферы деятельности своей организации высказались неудовлетворительно. Высоко оценили только одну функцию — предоставление возможности для более широкого общения (76 %).

В мире существуют организации инвалидов, специально занимающиеся продвижением идеологии и практики независимой жизни. Такие организации, называемые центрами независимой жизни (ЦНЖ), появляются и в России. *Центр независимой жизни* – это комплексная инновационная система социальных служб, создающая для инвалидов режим равных возможностей в условиях дискриминирующего законодательства, недоступной архитектурной среды и консервативности общественного сознания. Это общественные некоммерческие организации, которыми руководят инвалиды. Благодаря активному привлечению самих инвалидов к поиску личных и общественных ресурсов, а также к управлению этими ресурсами, ЦНЖ помогают им получить и сохранить возможность управлять своей жизнью.

ЦНЖ осуществляют четыре основных типа программ.

1. Информирование и предоставление справочной информации: эта программа базируется на убеждении, что доступ к информации укрепляет способность человека управлять своей жизненной ситуацией.

2. Консультирование «равными» (обмен опытом): подталкивает инвалида к тому, чтобы удовлетворять свои потребности, принимая на себя ответственность за собственную жизнь. Консультантом также выступает инвалид, который делится своим опытом и навыками независимой жизни. Опытный консультант выступает в качестве ролевой модели инвалида, который сумел преодолеть преграды, чтобы жить полноценной жизнью наравне с другими членами общества.

3. Индивидуальные консультации по защите прав и интересов инвалидов: Канадские ЦНЖ работают с отдельными людьми, чтобы помочь им осуществить их личные цели. Координатор обучает человека говорить от своего имени,

выступать в свою защиту, самому отстаивать свои права. В основе такого подхода лежит убеждение, что сам человек лучше знает, в каких услугах он нуждается.

4. Предоставление услуг: совершенствование услуг и возможностей ЦНЖ оказывать услуги клиентам происходит путем исследований и планирования, через демонстрационные программы, использование сети контактов, посредством контроля за предоставляемыми услугами (помощь по дому и услуги персональных ассистентов, транспортные услуги, помощь инвалидам во время отсутствия (отпуска) людей, осуществляющих уход за ними, ссуды для приобретения вспомогательных приспособлений).

В России 1990-е гг. стали временем настоящего расцвета НГО инвалидов — от политических движений до организаций взаимопомощи. Какова же социальная роль, и в чем состоят условия развития волонтерского движения и негосударственных организаций? Социальная роль этих организаций состоит в следующем.

1. *Уменьшение социального неравенства.* НГО инвалидов во многом позволяют удовлетворить потребности тех, кто оказался в социальной изоляции, вытеснен на периферию общества, чьи права дискриминируются.

2. *Диверсификация социальных услуг, посредничество во взаимодействии индивидов, социальных групп, частных и государственных институтов.* Не случайно около трети НГО инвалидов в нашем исследовании составляют организации по оказанию услуг образовательного, исследовательского, консультационного характера. Ассоциации также выполняют сервисную функцию, когда обеспечивают своих участников уникальной возможностью общения по интересам, выступают в защиту прав, помогают объединиться и достичь желаемой цели посредством коллективного действия.

3. *Участие в организации занятости и мобильности населения.* НГО инвалидов не только порой создают рабочие места, но и способствуют расширению выбора жизненных стратегий, предлагая уникальные возможности специального, профессионального или гражданского образования, творчества.

4. *Активизация гражданского участия,* вовлечение людей в решение проблем района, социальной группы, становление и развитие политической культуры.

Возможно, определяющей причиной стремительного роста институтов гражданского общества, в том числе общественных объединений инвалидов, является совпадение благоприятных политических и культурных факторов среды обитания. Обсуждая предпосылки социальной мобилизации, нашедшей отражение в развитии движения инвалидов к независимой жизни, рассмотрим особенности внешней среды, или социальные условия развития НГО, представленные тремя компонентами.

1. *Социально-политические и социально-экономические возможности.* Этот структурный фактор определяет роль более широкой социальной системы (об-

щества, государства, области, города), а также неформальных властных отношений в создании условий для благотворительной деятельности, коллективного действия инвалидов. Этот фактор влияет также на направления деятельности и организационные типы ассоциации, формы и эффективность коллективного действия. В настоящее время возникновение какого-либо социального движения, НГО или гражданской инициативы не ограничивается отечественным законодательством федерального и регионального уровня. Однако определенные экономические и структурные ограничения, неформальные властные отношения на уровне местного и центрального управления препятствуют институционализации политических и социальных интересов инвалидов. Эти административные практики затрудняют эффективное взаимодействие государства и добровольных ассоциаций, выражающих интересы представителей групп граждан с особыми нуждами.

Таким образом, если политические факторы можно в целом определить как позитивные, то экономические условия следует признать сдерживающим обстоятельством. Это типично для НГО, поскольку они по своей природе лишь осваивают денежные ресурсы, но практически не создают прибыль. Впрочем, в ряде случаев конкурентная экономическая среда может стимулировать развитие организации. Это связано, например, с созданием новых рабочих мест для инвалидов, или ученых, не получающих поддержку от государства. Вместе с тем для существования и развития НГО необходимо не только государственное дозволение. Вторым важным фактором являются мобилизующие структуры.

2. *Мобилизующие структуры* — коллективные формальные или неформальные механизмы, посредством которых инвалиды мобилизуются и включаются в коллективное действие. Речь идет о социальном устройстве и неформальных социальных сетях, организационных государственных инфраструктурах, конкретных отношениях между организационной формой и типом организации или движения в данном социально-историческом контексте. Характер многих социальных институтов изменился, а формы и направления деятельности организаций умножились и претерпели содержательную реконструкцию. Меняются и приобретают большее разнообразие формы управления, организационная культура, принципы взаимодействия между организациями. Однако, если сочетание социально-политических и социально-экономических возможностей, мобилизующих структур и предоставляет организациям определенный потенциал для развития, им нужен еще один фактор, необходимый для объяснения их задач, миссии или философии коллективного действия.

3. *Социокультурные рамки организации*. Инвалиды, объединяясь для совместной работы в ассоциации или сотрудничая с благотворительными сервисными организациями, предпринимают осознанные стратегические усилия для того, чтобы прийти к совместному пониманию мира и самих себя, оправдывать и мотивировать задачи своей организации, собственной работы, цели и возможности коллективного действия. Эти совместно выработанные опреде-

ления связаны с уставом, названием, характером, направлением и адресатом деятельности организации и ее членов. Данный аспект деятельности организации напрямую выходит на исследование внутренней среды НГО инвалидов, важное для выявления их острых проблем и эффективности деятельности. В то же время эти определения отражают процессы, происходящие в более широком социокультурном контексте: признание обществом прав и достоинства человека, а также множественности стилей и культур, переоформление социальных и политических отношений индивида, общества и государства.

Остановимся на эффективности менеджмента некоммерческой, волонтерской организации. Теория и практика эффективного управления организациями государственного сектора и частного бизнеса включают вопросы развития операциональных, коммуникативных и концептуальных навыков менеджеров, их разносторонней компетентности. Аналогичные проблемы встают и перед неправительственными организациями во всем мире. Факультеты менеджмента стремятся учитывать подобные запросы со стороны руководителей бизнес-организаций. Но насколько адекватно потребностям растущего некоммерческого сектора сегодняшнее образование менеджеров? Несмотря на рост числа изданий и расширение сети электронных ресурсов, руководители филантропических и сервис-организаций третьего сектора в России испытывают дефицит информации и не находят решения своих задач, когда обращаются к пособиям, подготовленным для коммерческих организаций.

Анализ результатов российских и зарубежных исследований некоммерческих структур позволяет очертить специфические потребности высшего и среднего менеджмента таких организаций. Как известно, важную роль в осуществлении социальной поддержки в США играют негосударственные организации. В многообразных программах и проектах, финансируемых частными фондами, принимают участие выпускники факультетов социальной работы, психологи, экономисты, педагоги, многие включены в управление НКО. Тем самым реализуется их профессиональный потенциал. Менеджмент социальной сферы, организация социальных служб — относительно новые понятия отечественного образования и профессиональной практики в области социальной работы, и здесь внимание в основном концентрируется на проблемах администрирования государственных агентств.

Российская и американская ситуации, в которых функционируют НГО инвалидов, отличаются в социально-экономическом и социокультурном отношении. Однако для нас в данном случае важнее специфика некоммерческого сектора, поскольку именно она определяет содержание образовательных программ, исследований и самой практики управления. Прежде всего, современным НГО инвалидов приходится действовать в «пространстве соревнующихся ценностей», на фоне меняющихся приоритетов общества и организации, вновь возникающих или, напротив, исчезающих ресурсов, противоречивых критериев эффективной деятельности. Менеджеры оказываются в таких условиях, когда постоянно ставятся все новые требования к услугам, предоставляемым ор-

ганизацией, растут социальные ожидания и ужесточается конкуренция за финансирование. Тем самым актуализируются такие навыки менеджеров третьего сектора, которые не во всем совпадают с теми, что применяются их коллегами в государственных и бизнес-организациях. Возможно, наиболее существенное отличие относится к тому, как определять успех работы, поскольку в НГО основным критерием оценки управления будет качество предоставляемых услуг.

Существует популярное мнение, что это люди без материальных трудностей, молодые, сильные и здоровые, обладающие высокой социальной ответственностью, готовые посвятить свое время и энергию участию в деятельности филантропической организации, руководствуясь гражданскими или религиозными чувствами. Однако важная помощь подчас может исходить от людей, которые сами традиционно рассматриваются как объект социальной защиты, благотворительности и волонтерской помощи. Так, в ассоциациях родителей детей-инвалидов люди объединяются для помощи друг другу и принимают участие в организованных акциях помощи и поддержки. Другой пример — ассоциации взрослых инвалидов. Известны случаи, когда члены таких ассоциаций объединялись для помощи людям с более тяжелой инвалидностью или другими серьезными проблемами, депрессией, психологическим дискомфортом. В западной литературе о развитии волонтерского движения используются соответствующие термины для данного феномена: *peer support* (поддержка среди своих), *self-help* (группы самопомощи), *natural networks* (естественные сети поддержки). Кстати, такие группы далеко не всегда однородны, объединяя женщин и мужчин, людей с разным уровнем образования и профессиональной квалификации, инвалидов и неинвалидов, родителей, имеющие сходные и отличающиеся проблемы воспитания своих детей.

Мотивы для вступления в ряды добровольцев могут быть самыми разными: убеждения нравственного и религиозного характера; потребность в общении, активности, реализации своих способностей, общественном и государственном признании; желание приобрести новую работу или профессию, добиться лучшей работы социального учреждения. Волонтерами могут стать студенты во время прохождения практики. Их мотивы — самореализация, профессиональная подготовка, написание диплома или научной работы. Зачастую добровольными помощниками становятся те, кто уже получил помощь и поддержку от организации и теперь хотел бы передать собственный опыт преодоления критической ситуации тем, кто в этом нуждается. Примером могут служить добровольные ассоциации родителей, дети которых страдают хроническими заболеваниями. Среди добровольцев таких ассоциаций — сами родители, педагоги, психологи, просто люди, имеющие желание и возможность помочь. В центрах лечения и реабилитации добровольцами нередко являются специалисты, которые бесплатно консультируют, хотя и не состоят в штате. Без волонтерской работы невозможно представить, например, экологическое движение по охране окружающей среды и контролю над ядерным оружием. Есть среди волонтеров журналисты, ученые, депутаты. Как правило, они помогают

в организации благотворительных мероприятий гораздо чаще, чем в повседневной работе.

Деятельность волонтеров во всем мире переплетена с профессиональной активностью специально подготовленных социальных работников. Происхождение социальной работы в качестве профессии связано в странах Запада с деятельностью волонтерских организаций в конце XIX – начале XX в. Успешность современной социальной работы также во многом зависит от добровольного участия многих людей в деятельности по изменению социальной ситуации. Для выполнения некоторых задач социальному работнику просто необходимо привлечение волонтеров: при организации групп самопомощи, в работе с общиной, органами местного самоуправления. Основы добровольческой деятельности и подготовка к использованию волонтеров на практике становятся неотъемлемой частью профессиональной подготовки социальных работников.

Отметим, что взаимосвязь между благотворительностью и гражданским обществом неоднозначна. Филантропия XIX в. — религиозная, аристократическая и частная — в основном поддерживалась идеологией, которая в центр акта благотворения помещала фигуру филантропа. Желание делать добро, оказывать помощь тем, кто в ней нуждается, проистекало от осознания индивидуальной миссии в контексте религиозного чувства или ответственности отдельной группы (аристократов) перед обществом. Получатели блага традиционно рассматривались как пассивные клиенты, персональные бенефициарии. Вместе с тем социальная работа возникла как профессиональная деятельность, для которой стремление передать кому-то благо впервые стало не целью, а лишь инструментом для социальной интеграции и нормализации [6]. Роли благотворителей и получателей помощи в этих условиях трансформируются, о чем говорит развитие НГО, действующих в целях нуждающихся в поддержке групп населения. Из перераспределителей ресурсов такие организации превращаются в активных участников социальной работы. Важно понимать, что такая идеология возникла именно в недрах общественного движения инвалидов — снизу вверх — и оказывает влияние на профессиональную социальную работу. Становление коллективных стратегий, влияющих на государственную политику и жизнь отдельных граждан, является важным шагом эволюции новых форм демократии, гражданского общества, способных представлять голоса таких групп, которые в традиционных демократических государствах наименее слышны и образование сообществ которых затруднено в силу сложившихся физических и культурных барьеров.

Библиографический список

1. Барябина Е., Романов П., Шатылко Е., Ярская-Смирнова Е. Теория и практика волонтерского движения. Саратов: РЦКСОДМ, 2000.
2. Государство и общественные организации инвалидов // Невидимые люди. Газета Дагестанской ассоциации инвалидов. 2000. № 1. <http://www.nl.dgu.ru/gov.htm>

3. *Здравомыслова Е.А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993.
4. *Луков В.А.* Социальное проектирование. М.: МГСА; Флинта, 2003.
5. Современное состояние и динамика развития некоммерческого сектора Самарской области. Самара: ИЭКА «Поволжье», 1998.
6. *Шанин Т.* Социальная работа: идеология профессионализма // Журнал исследований социальной политики. 2004. №3. С. 303-329.
7. *Ярская-Смирнова Е.Р., Наберушкина Э.К.* Социальная работа с инвалидами. СПб.: Питер, 2004.
8. *Beck U.* Living your life in a runaway world: individualization, globalization and politics // Hutton W., Giddens A. (eds.) On The Edge. Living with global capitalism. L.: Vintage, 2001.
9. *Domrin A.N.* What Do NGOs Have to Do with Development of Civil Society in Russia? Untimely Thoughts August 3, 2004 <http://www.untimely-thoughts.com>
10. *Hemment J.* The Riddle of the Third Sector: Civil Society, International Aid, and NGOs in Russia // Anthropological Quarterly. 2004. Vol. 77. № 2. P. 215-241.
11. *Smith M.* Community // Encyclopedia of informal education, 2001 <http://www.infed.org/community/community.htm>

ИНТЕРНЕТ-ОПРОС ЭКСПЕРТОВ: ОПЫТ ОЦЕНКИ ПАРТИЙНЫХ САЙТОВ

.....

А.А. Киселев*

Применение информационных и телекоммуникационных технологий в гуманитарных науках открывает возможности для создания новых техник работы, предназначенных для оперативного контакта с носителями нужной информации. Особенно это актуально при проведении эмпирических социальных исследований, где очень важно адекватно и своевременно прореагировать на текущие изменения. Интернет открывает широкие возможности для быстрой организации и проведения различных опросов [7]. Несмотря на скептические оценки теоретической обоснованности и процедурной надежности, *web*-исследования получили широкое распространение в маркетинге [1, с. 116].

Сомнения скептиков вполне оправданны особенно в том, что касается репрезентативности выборки. Интернет доступен не всем слоям населения в одинаковой степени, поэтому организаторы *web*-опросов рискуют повторить вошедший в учебники по методологии исследований конфуз журнала «Литерэри дайджест» с предсказанием итогов выборов Президента США в 1936 г. Было опрошено огромное количество людей (2 376 523 чел.), что не спасло от ошибки, поскольку при составлении выборки организаторы опроса пользовались телефонными справочниками и списками автовладельцев и в нее попали в основном обеспеченные слои населения [2, с. 159–160].

Опасность подобных смещений уменьшается, если мы обращаемся к Интернет-аудитории и просим ее оценить продукты, размещенные в «российской паутине», в данном случае сайты российских политических партий.

* Киселев Алексей Александрович — выпускник отделения политологии Кубанского государственного университета. Электронная почта: Kiselev.A.A@mail.ru

В основу статьи положена дипломная работа, выполненная на кафедре государственной политики и государственного управления КубГУ под руководством кандидата политических наук, доцента И.В. Самаркиной.

Все же при организации экспертного опроса с применением Интернета необходимо учитывать двойную специфику этого метода: особенности электронной коммуникации и традиционного экспертного опроса.

Специфика традиционного экспертного опроса как метода сбора данных определяется тем, что в качестве респондентов выступают компетентные специалисты по изучаемой проблеме. Это, в свою очередь, обуславливает особенности программы, инструментария и техники проведения опроса [3; 11, с. 79–82; 12, с. 276–280].

При планировании экспертного опроса некоторые технические и методические приемы, широко используемые в массовых опросах, теряют свое значение [6, с. 261–275]. Например, нет нужды применять в экспертной анкете косвенные или контрольные вопросы, тесты или какие-либо другие приемы, имеющие своей целью выявить скрытые позиции респондента. Более того, использование подобных приемов может существенно снизить качество экспертной оценки. Эксперт в полном смысле этого слова — активный участник научного исследования. Попытка скрыть от него цель проекта и превратить в пассивный источник информации чревато потерей его доверия ко всему предприятию и его организаторам [5, с. 112–166].

Экспертный опрос применяется в тех случаях, когда другие способы сбора данных неприменимы или неэффективны, в частности, когда объект обладает специфическими характеристиками, о которых знают только профессионалы [4, с. 114–136]. Как правило, экспертный опрос нацелен на уточнение гипотез, на разработку прогноза или поиск новых интерпретаций определенных социальных явлений и процессов.

Главными критериями отбора экспертов являются их компетентность и авторитетность; численность и представительность респондентов оценивается не столько количественными, сколько качественными показателями.

При общении с экспертом, важно сохранять деликатность и вежливость. Чтобы снизить преждевременное завершение коммуникации, необходимо акцентировать внимание на важности для исследования мнений каждого эксперта [13].

Исследователь должен обладать достаточной компетентностью в изучаемом предмете, а также знать терминологию, используемую профессионалами при обсуждении вопросов по теме исследования.

Предлагаемая эксперту анкета, или вопросник, должна иметь простую структуру. Простота и понятность рабочего документа показывает профессионализм организаторов экспертного опроса, а также их уважение к экспертам, заботу, чтобы эксперт потратил как можно меньше времени на заполнение ответов, чтобы ему было просто приятно работать.

Письмо для эксперта должно содержать личное обращение, указание на источник — сайт, персону и т.п., из которого исследователь получил информацию об эксперте. Немаловажную роль играет личное знакомство «источника» или

самого исследователя с экспертами; личное знакомство значительно увеличивает шансы получить качественно заполненную анкету.

Каждый контакт с экспертом — согласие участвовать в опросе, уточнение сроков высылки заполненной анкеты, получение экспертных оценок и мнений (независимо от того, полностью заполнена анкета или частично, адекватно или нет, нравится исследователю то, что он получил или нет) — следует сопровождать благодарностью и поощряющими к продолжению коммуникации словами.

Потенциальный эксперт должен владеть компьютерной грамотностью, возможностью (а также желанием и привычкой) периодически пользоваться электронной почтой и сетью Интернет в целом.

Специфика Интернет-общения заключается в том, что единственным средством общения выступают печатные знаки, выражающие короткие цепочки слов. Такие знаки однозначно интерпретировать гораздо сложнее [1, с. 128], поскольку они не сопровождаются ни интонацией, ни мимикой, ни другими паралингвистическими знаками, уточняющими смысл высказываний. Кроме того, традиционные техники проведения опросов не учитывают в полной мере активный характер коммуникации между социологом и респондентом, а проблемы, возникающие в процессе их информационного взаимодействия, остаются открытыми [15].

Следует также учитывать и некоторые технические нюансы. Поскольку анкету, или вопросник, целесообразнее высылать в приложении, а не в самом письме, рекомендуется прилагаемый файл называть латинскими буквами, поскольку некоторые почтовые сервера кириллицу не распознают и в итоге адресат не сможет открыть полученный файл. Также, нужно добавить после названия файла опроса «xls» или «doc» (в зависимости от оригинального расширения файла) для правильного сохранения опроса на компьютере эксперта. Крайне важно наличие качественного канала Интернета у исследователя [8]. В ходе проведения исследования выяснилось, что 80% полезной информации от экспертов приходит в первые 3 дня после отправления партии писем. Гораздо чаще и охотнее шли на контакт и отвечали по существу эксперты из «глубинки» и дальних регионов России, чем из мегаполисов (таких, например, как Москва, Санкт-Петербург)

Если в почтовых опросах часто встречается невозврат опросных листов и некачественное их заполнение [9, с. 141], то при использовании электронной коммуникации указанные эффекты еще больше усиливаются следующими факторами:

- плохое качество канала Интернет у исследователя или эксперта;
- компьютерная безграмотность потенциального эксперта, незнание компьютерных программ, необходимых для заполнения бланка, или их отсутствие;

— технические проблемы при передаче письма (выход из строя почтового сервера эксперта) или того сайта, который предлагается эксперту для анализа;

— размещение на странице контактной информации общего почтового адреса отделения, факультета или даже вуза, а не конкретного преподавателя-эксперта, отсутствие или неправильное написание адреса электронной почты на странице контактной информации при наличии всех остальных сведений о нем;

— переполнение почтового ящика эксперта (недостаточно свободного места, новые письма игнорируются и автоматически удаляются), защита от вирусов в письмах на сервере эксперта (письмо с бланком или автоматически удаляется, или приходит к эксперту без бланка исследования) [14];

— эффект «одной гребенки», способен вызвать «обиду» эксперта на отношение к нему как к «одному из...», а не как к уникальной личности, если сначала обратились не к эксперту, а к его/ее коллеге/знакомому и т.д.; это особенно опасно, если рассылать письма в организации/учреждения, где сотрудники повседневно общаются друг с другом и обмениваются информацией, в том числе и об актуальном исследовании;

— неизбежное устаревание информации об эксперте на домашней странице и в других источниках; в итоге конкретного почтового адреса эксперта может уже не существовать (причин много: долгосрочный выход из строя почтового сервера, переход на другую работу эксперта и, соответственно, смена корпоративного электронного адреса от учреждения и т.д., даже смерть эксперта);

— ограниченность свободного времени у эксперта на заполнение бланка [16, p. 324]*.

Далее обратимся к опыту организации экспертной оценки сайтов семи политических партий РФ (см. таблицу). В роли экспертов выступали политологи, социологи, философы, психологи, имеющие научные степени и владеющие навыками работы в сети Интернет. По роду своей деятельности это — преподаватели вузов (МГУ, СПбГУ, ГУ ВШЭ, МГТУ им. Н.Э. Баумана, РАГС при Президенте РФ), председатели региональных отделений Российской ассоциации политической науки, журналисты, политически обозреватели; эксперты и руководители исследовательских центров, PR-агентств, информационных агентств; политтехнологи (Санкт-Петербург, Москва, Пермь).

На поиск, обработку и анализ информации об экспертах в Интернет было потрачено не менее 50 часов. Поиск экспертов осуществлялся на образовательных порталах по социальным и гуманитарным наукам, информационно-аналитических сайтах, сайтах общественно-политических фондов, организаций, научных журналов, вузов и экспертные порталы.

Опрос проводился с 1 февраля по 1 апреля 2005 г. в сети Интернет путем рассылки потенциальным экспертам бланка опроса, который включал просьбу

* Особенности коммуникации в web-исследованиях систематизированы в работе [10].

выразить общее мнение о каждом сайте (стартовой странице) и таблицу со шкалами для балльной оценки отдельных элементов сайтов.

После формирования списка потенциальных экспертов началась поэтапная рассылка бланков опроса. Было отправлено 750 электронных сообщений, получено 30 заполненных анкет. Таким образом, возврат составил 4,0 %.

Из-за разнообразных технических проблем на почтовых серверах экспертов не удалось отправить 107 писем (14,3 %). По разным причинам ответили отказом 85 потенциальных экспертов (11,3 %). Не поступило ответа от 528 экспертов (70,4 %).

Анализ выставленных сайтам оценок

По данным опроса для каждого сайта был рассчитан средний балл экспертных оценок (см. таблицу).

Партии	Сайты	Средний балл
Яблоко	www.yabloko.ru	7,18
Единая Россия	www.edros.ru	7,03
Родина	www.rodina.ru	6,95
КПРФ	www.kprf.ru	6,94
СПС	www.sps.ru	6,90
ЛДПР	www.ldpr.ru	6,19
Аграрная партия	www.agroparty.ru	6,07

«Яблоко». Максимальные оценки сайт получил за удобство навигации (7,60) и полноту информации о лидере партии (7,67). Минимальные оценки эксперты выставили за наличие и количество контактной информации (6,10).

Среди недостатков указывалось, что сайт — очень старый и из-за этого сильно перегружен отвлекающей информацией и неактуальными ссылками, а многие документы представлены ссылками на родственные сайты. Кроме того, слишком много сведений посвящено личной активности Г. Явлинского.

Сайт не предоставляет возможности для оперативного контакта с представителями партии, что дало одному из экспертов повод назвать его «сайтом политического бездействия».

«Единая Россия». Максимальные оценки сайт получил за удобство навигации (7,87) и наличие большого количества контактной информации (7,50). Он мог бы уверенно занять первое место в рейтинге, если бы создатели сайта были заинтересованы в развитии дискуссий на своем форуме. Именно за слабость форума сайт «Единой России» получил абсолютно минимальную среднюю оценку — 4,90.

Полагаем, что форум сайта мог быть оценен выше, если бы более соответствовал протестным настроениям посетителей. Однако совершенно очевидно, что членам *правлящей* партии вряд ли уместно вести критический диалог де-

тельности партии, а противники «Единой России» могут игнорировать этот форум, не надеясь быть услышанными.

Как написал один эксперт, «сайт официальный во всех смыслах, традиционный, без изысков». В этом, по мнению некоторых экспертов, таится существенный недостаток: сайт «излишне канцеляризированный», «настолько официозен, что пропадает желание его читать», «скулы сводит от скуки».

«Родина». Максимальную оценку эксперты поставили за размещенные на сайте публикации (7,90) и удобство навигации (7,60). Сайт признан одним из лучших по удобству навигации, легкости в обращении и неумоляемости дизайна. Размещенная информация может удовлетворить требования и простого обывателя, и специалиста.

В числе изъянов были названы: недостаток контактной информации (5,77), особенно о лидере партии; «перебор со стандартизацией», что связано с характеристиками «серый, скучный», «провинциальный» сайт, в содержании которого «редко находится что-то оригинальное».

КПРФ. Максимальные оценки сайт получил за размещенные публикации, насыщенную новостную ленту и наличие большого количества контактной информации (7,60). Наименее качественным элементом сайта был признан дизайн (5,90).

Многие эксперты отмечали «коммунистический» дизайн (что вполне естественно), вызвавший негативные эмоции.

(1) *«Этот красный оттенок убивает наповал».*

(2) *«Строгая выдержанность сайта в символике КПРФ (как визуальной, так и риторической), вероятно, отпугивает сторонние аудитории».*

Именно из-за низкой оценки дизайна сайт КПРФ уступил 2-3 позиции в итоговом рейтинге сайтов.

Разумеется, результаты экспертного опроса не отражают отношение всей Интернет-аудитории к символике КПРФ. В частности, приведенную цитату 1 вообще едва ли можно отнести к категории экспертных высказываний, поскольку она выражает скорее эмоциональную реакцию, а не результат размышлений. Более информативна цитата 2, из которой следует, что сайт КПРФ рассчитан на строго определенный сегмент стойких сторонников и не нацелен на расширение социальной базы партии.

Тем не менее эксперты отметили достаточно высокую активность форума и посоветовали ссылку на него сделать более заметной:

«Поскольку информационных ресурсов у КПРФ немного, то они максимально используют потенциал виртуальной сети для представления своего мнения о происходящих событиях».

Впечатлили экспертов и информационные особенности сайта КПРФ: много нестандартных идей, перспективных проектов, ориентированных на долгосрочный контакт (проекты «Агитатору», «Рассылка»), а также уникальная в

данный момент для сайтов партий WAP-поддержка, обеспечивающая возможность получать информацию с сайта на мобильный телефон.

СПС. Высоко было оценено удобство навигации (8,10), низкий балл получил раздел о лидере (лидерах) партии (4,93).

Как и сайт «Яблока», сайт СПС перегружен информацией (особенно на стартовой странице), что создает впечатление явного организационного кризиса в партии. Выгодно отличает его от сайта «Яблока» динамизм и насыщенность новостями (новостная лента).

Эксперты указали на скудость контактной информации и отсутствие сведений о (бывших) лидерах партии (которое, впрочем, восполняется ссылками на их личные Интернет-страницы).

Форум стал площадкой не только для единомышленников, но и для политических оппонентов, что говорит о действенности сайта. Один из экспертов охарактеризовал эту особенность сайта СПС как «Интернет-демократию в действии». Перспективными («могут дать эффект в будущем») и необычными были названы проекты «Молодежная страница» и «СПС для региональных парламентов».

ЛДПР подтвердила репутацию партии вождистского типа: ее сайт сравнивали с домашней страничкой Жириновского, максимальная оценка (8,03) дана за большое количество информации о руководителе партии.

Структура сайта и дизайн были оценены экспертами невысоко, но при этом отмечалось, что сайт грамотно сориентирован на потенциальную аудиторию.

Сайт мог бы войти в тройку лучших, если бы его создатели уделили больше внимания форуму (оценка 3,90). Многие эксперты отметили труднодоступность ссылки или вовсе ее не нашли, а те, которые все-таки нашли форум, отметили, что общение не происходит достаточно активно.

Интересными названы были проекты «Игры от ЛДПР», «ПолитАзбука ЛДПР» и Интернет-магазин.

Аграрная партия России. Хорошо представлена контактная информация (7,10), но фактически отсутствует информация о лидере партии (3,80).

Почти все эксперты выразили негативное отношение к структуре сайта и его цветовой гамме. Стартовая страница скучна, небрежна и выглядит по-дилетантски:

«сайт местами оставляет впечатление попытки начинающего веб-дизайнера потренироваться»;

«такое впечатление, что никто не следит за чистотой»

«безличный середнячок с угнетающим посредственностью дизайном».

Форум сайта замер несколько месяцев назад. Форум и доска объявлений часто дублируют друг друга, безвкусно располагается реклама.

Можно сказать, что сайт слабо обозначает присутствие партии в виртуальном пространстве — дает минимум информации. Даже о лидере сказано не

более пары сухих строк. Лишь контакты с центральным органом партии «сделаны более-менее удовлетворительно».

Выводы

Сайты оппозиционных партий более информативны, содержат много разнообразных публикаций, сделаны более качественно, и их форумы посещаются активнее. Первое место в рейтинге сайтов заняла партия, не прошедшая в состав Государственной Думы. Несмотря на некоторые недостатки, сайт легко доступен для посетителей. Можно предположить, что оппозиционные партии максимально используют потенциал виртуальной сети для презентации своего видения и оценки происходящих событий, поскольку у них мало каналов коммуникации с избирателями.

Информации о лидере больше на тех сайтах, где партия строится, в основном, на его личности (КПРФ, ЛДПР, «Яблоко»).

Внутренней и контактной информации больше всего на сайтах двух наиболее массовых партий: «Единой России» и КПРФ.

Общие недостатки сайтов политических партий:

- информационная перегруженность стартовой страницы сайта, что рассеивает внимание посетителя;
- недостаточная структурированность информации при ее избытке;
- частое отсутствие качественной информации о лидере партии;
- отсутствие быстрого доступа к контактной информации (или ее полное отсутствие);
- нехватка региональной информации (и ее отсутствие);
- низкая активность на форумах из-за непривлекательности для посетителя;
- отсутствие действенной обратной связи с посетителями сайта.

Библиографический список

1. Авдьян Е.Г. Асинхронная on-line фокус-группа: технологии и процедуры проведения // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 1.
2. Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект Пресс, 1994.
3. Бешелев С.Д., Гурвич Ф.Г. Экспертные оценки. М.: Наука, 1973.
4. Боришполец К.П. Методы политических исследований. М.: Аспект Пресс, 2005.
5. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. М.: Университет, 2002.
6. Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология. Т.3. Методика и техника исследования. М.: Инфра-М, 2004.
7. Докторов Б. Онлайн-опросы: обыденность наступившего столетия // <http://www.socio.ru/public/doktorov/Edit.doc>
8. Жичкина А.Е. Теория, практика и методология опросов в Интернет // <http://www.isn.ru/info/seminar-doc/Wsurvey.doc>

9. Тургунюк С.Г. Политический анализ. М.: Дело, 2005.
10. Филиппова Т.В. Интернет как инструмент социологического исследования // URL: <http://www.isn.ru/info/seminar-doc/soc.doc>
11. Хеллевик О. Социологический метод. М.: Весь мир, 2002.
12. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 2001.
13. Dillman D.A. Mail and Other Self-Administered Surveys in the 21st Century: The Beginning of a New Era // <http://survey.sesrc.wsu.edu/dillman/papers/svys21st.pdf&e=9781>
14. Dillman D.A. Structural Determinants of Mail Survey Response Rates // http://www.amstat.org/sections/srms/Proceedings/papers/2000_063.pdf&e=9781
15. Harvey A. What researchers think about online research // <http://www.rockresearch.com/Articles/mr06/mr06.html>
16. Turkle Sh. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. N.Y.: A Touchstone Book, 1995.

СЕПАРАТИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПОЛИТИКО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

.....

А.В. Баранов*

Сепаратизм — территориальное политическое движение, цель которого — отделить от государства часть его пространства и создать своё независимое государство. Под сепаратизмом понимают и политические программы, и действия по достижению независимости [29, с. 3; 46, с. 197–216, 231–237; 55]. Его аргументация обычно сводится к радикально понимаемому принципу самоопределения. Как отмечает В.А. Тишков, международные правовые акты истолковывают право народов на самоопределение как право территориальных сообществ (а не этнических групп!) создавать систему управления согласно демократически выраженной воле и не в ущерб остальному населению [45, с. 343]. Самоопределение — это право на участие в важном для общества политическом процессе. Сепаратизм же означает выход территории проживания сторонников отделения из состава государства, разделение более широкого культурного и политического сообщества.

Важнейшая черта любого государства — его *суверенитет*, т.е. верховенство публичной власти на своей территории и независимость во внешнеполитических отношениях. Принцип неотчуждаемости государственной территории означает, что никакая часть пространства страны не может быть отчуждена, передана другому государству или объявлена независимой, кроме как вследствие собственного свободного решения самого государства [4, с. 45].

С другой стороны, международное право обеспечивает *принцип равноправия и самоопределения народов*. Он сформулирован в Декларации о принципах

* Баранов Андрей Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: politics@kubsu.ru.

Публикация представляет собой фрагмент из подготовленного к изданию пособия: Баранов А.В., Варгумян А.А. Политическая регионалистика: Курс лекций. М.: РГСУ «Союз», 2005. Вып. 4.

пах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г. Способы реализации данного права: «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним или установление любого другого политического статуса» [33, с. 10]. Позже этот принцип много раз подтверждался в международных правозащитных пактах.

Ясно, что принципы неотчуждаемости территории и самоопределения диалектически противоположны. В советских общественных науках господствовала идеологическая пристрастность. Если дробление государств (например, колониальных империй Запада) было выгодно для СССР, то такой территориальный процесс называли «национально-освободительным движением». И напротив, идеологически враждебные движения именовались «сепаратистскими» [12; 25; 29]. Ничем не лучше трактовки права самоопределения тех зарубежных политологов, которые утверждают, что глобализация делает крайне условными суверенитет и сам институт национального государства, и потому настаивают на том, что надо юридически и политически поддерживать право народов на самоопределение, включая сецессию (отделение) от «неудавшихся» государств (failed-states). Такова точка зрения А. Бьюкенена, Г. Грос Эсприела, К. Рупесинге, а в России Г.В. Старовойтовой, А.Г. Осипова и других «защитников» прав меньшинств [8; 42; 44, с. 57–58].

Противники безоговорочного права на самоопределение выдвигают следующие аргументы.

1. Чем больше государств, тем больше этнических меньшинств, недовольных своим положением. Идеал этнически однородного государства недостижим, противоречит демократии (В.А. Тишков).

2. В Декларация ООН 1970 г. речь идет о колониальных народах, подчинённых «иностранным игу, господству и эксплуатации». Д.В. Доленко приводит цитату из того же текста: ничто, сказанное о самоопределении народов, «не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов ... и вследствие этого имеющих правительства, представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания и цвета кожи» [17, с. 61]. Из этого пояснения следует, что современные демократические государства не подпадают под действие права на самоопределение, хотя в большинстве независимых государств мира население состоит из многих народов, религиозных сообществ, лингвистических групп и т.д. Как быть с ними? И главный вопрос для политолога: кто будет определять «законность» и «прогрессивность» («реакционность») притязаний заинтересованных групп?

Некоторые авторитетные политологи полагают, что идея самоопределения народов юридически неопределённая, а также провоцирует разрушительные этнические конфликты и сепаратизм [53, с. 4]. А. Этциони считает, что самоопределение нельзя трактовать как абсолютную ценность во всех случаях. Необходимо ограничить применение этого права в рамках принципа целостности государства. С точки зрения М. Померанса, главная опасность — в поощрении односторонних неконтролируемых действий [53, с. 5]. А.Я. Йонгман и А.П. Шмид разделяют самоопределение на внешнее (самостоятельное определение международно-правового статуса) и внутреннее [53, с. 4]. По мнению многих исследователей, внешнее самоопределение может быть рекомендовано только народам, терпящим колониальную зависимость или иностранную оккупацию. В иных случаях сецессия оправдана только там, где власти допускают массовые нарушения прав человека и постоянно угнетают некое сообщество. Гораздо более продуктивным считается «внутреннее» самоопределение, предполагающее создание демократических институтов и механизмов группового представительства в рамках единого государства. Таковы федерация, так называемое регионалистское государство, различные формы автономии.

Механизмы реализации права на самоопределение по сути консенсусны. Данное право не признаётся за этническими диаспорами и малочисленными сообществами. Российские государственоведы И.А. Конюхова и Л.Ф. Болтенкова подчеркивают, что российская Конституция определяет термин «народ» как политико-территориальное сообщество жителей некоего региона (местности), а не как этнос [7; 28]. Народ — общность лиц разной национальности, исторически объединённых проживанием в регионе. Дополнительные признаки, такие, как этничность, религия, язык, не обязательны с юридической точки зрения. Речь должна идти не о неких титульных этносах, а обо *всём полиэтничном населении региона*.

Принцип самоопределения народов предполагает различные способы политико-территориальной организации общности во внутригосударственных отношениях: создание субъекта федерации, организацию местного самоуправления, экстерриториальные формы национально-культурной автономии и т. п. И только высшую форму самоопределения составляет право образовать государство. Если все же территориальное сообщество настаивает на сецессии, должны соблюдаться четкие правовые условия: конституционные нормы о праве сецессии, законы о порядке выхода из состава государства. В них должны определяться гарантии и механизмы защиты граждан, автономных территорий, субъектов федерации и всего государства, а также устанавливаться переходный период, во время которого решаются все вопросы защиты прав и интересов сторон., Согласно международному праву, решение об отделении принимается на референдуме в условиях мира и демократии, обеспечиваемых легитимными властями. Самоопределение должно происходить только на основе полного равноправия всех граждан, приоритета прав человека без преимуществ для коренных (титульных) этносов, без малейшей дискриминации

населения другой этничности [28, с. 177–179]. На практике сецессия в большинстве случаев разрушительна и убыточна, влечёт за собой массовые нарушения прав человека. Как полагает В.Е. Чиркин, к сецессии можно прибегать только на конституционных основаниях и только в том случае, если все другие способы решения противоречий исчерпаны [51].

Таким образом, декларируемая идейная основа сепаратизма – право на самоопределение: 1) имеет правовые ограничения; 2) выражается во множестве форм, в т.ч. не соответствующих сепаратизму; 3) противоречиво истолковывается в различных науках. Сепаратизм как тип территориального движения — высший предел вектора дезинтеграции общества.

Причины сепаратизма многообразны. Рассмотрим их подробнее.

1. Экономико-географические факторы. Стремление более развитых регионов отделиться от отсталых. Например, Лига Севера в Италии, радикальные партии Каталонии. Часто бедствующие регионы тоже охвачены сепаратизмом. Их сообщества надеются, что в отдельном государстве будут жить лучше (Косово в Югославии, тамильские районы в Шри-Ланка, южные провинции Судана и многие другие).

2. Расовые факторы. Например, сепаратизм белого меньшинства в ЮАР, движения индейцев в Перу и Колумбии.

3. Этнические факторы. Стремление получить автономию или расширить её, добиться статуса независимого государства. Это самая распространённая группа причин. Примеры: Страна Басков в Испании, северо-восточные штаты Индии, Ачех в Индонезии, Абхазия и Южная Осетия в Грузии, восточные районы Демократической Республики Конго и др. Разновидность этносепаратизма — *ирредентизм*, т.е. стремление этноса воссоединиться, разрушая бывшие государственные границы либо перейдя в состав соседнего государства. Например, проект «Великой Албании» посягает на земли Югославии, Македонии и Греции. Независимость Курдистана потребовала бы перекройки границ Турции, Ирака, Ирана и Сирии. В 1973–1974 гг. южная часть Кипра пыталась воссоединиться с Грецией, а северная — с Турцией.

4. Религиозные факторы. Классический пример — Ливан, где доминирующее арабское население расколото на массу территориально замкнутых общин. В Югославии, как и в Таджикистане, религиозный фактор преобладал над языковым.

5. Религиозно-этнические факторы порождают борьбу разных идентичностей, в результате чего может усиливаться непринятие субъективно «чужого» государства. Так, в Ольстере ирландцы-католики стремятся воссоединиться с Ирландской Республикой, а мусульмане Кашмира — с Пакистаном. Религиозный и этнический факторы неразрывно сплетены во многих странах Африки: в кровопролитных войнах за раздел Судана, Сомали, Конго, Анголы, Либерии и др.

6. Внутривнутриполитические факторы. Стремление региональных элит к власти, партийный и идеологический раскол страны (КНР и Тайвань, Северная и Южная Корея, ГДР и ФРГ).

7. Внешнеполитические факторы. Поддержка сепаратистов со стороны «сверхдержав» и более сильных соседних стран. Мотивы поддержки разнообразны — ослабить конкурента, овладеть геополитически важными районами и экономикой отделяемых местностей, нажиться на торговле оружием и наёмниками с участниками конфликта. Распад Югославии, Чехословакии, СССР был бы крайне затруднён без поддержки извне. Примеры внешнего контроля над зонами сепаратизма: Панама в начале XX в., ныне — Косово.

8. Фактор родоплеменной обособленности в традиционных обществах Тропической Африки и Океании (трайбализм). Подчас затруднительно само государственное строительство, так как архаичные сообщества стремятся монополизировать власть и распределять её по родоплеменному, земляческому принципу. Таковы конфликты на Фиджи, Соломоновых островах, в Папуа Новой Гвинее, Коморских островах, Сомали.

9. Идеологический фактор. Ставшая нормой международного права в 1919 г. по Версальской дипломатической системе доктрина самоопределения народов дала важные аргументы сепаратистам и их покровителям. Зададим простой вопрос: почему стремление разделить СССР, Китай или Судан — это «борьба народов за самоопределение», а подобные движения мексиканцев в США или ирландцев в Великобритании — абсолютное зло? Ответ понятен: политическая выгода нынешней сверхдержавы — США. «Что позволено Юпитеру, не позволено быку» [34, с. 143–180, 249–255; 55, с. 472].

На деле факторы сепаратизма неразрывно взаимосвязаны. Как показал на основе социологических методик А. Лейпхарт, взаимодействие факторов может «приглушить» их общий эффект (в Малайзии, карибских странах, Мьянме) или усилить разрушительные последствия (Ливан, Кипр) [31]. С точки зрения регионалистики все факторы сепаратизма преломляются и агрегируются в виде *центр-периферийных отношений*.

Развитию сепаратизма могут благоприятствовать *географические условия*:

- неравномерность развития территорий страны;
- слабая территориальная интегрированность: затруднённые транспортные и информационные коммуникации, анклавность, притяжение соседних стран;
- компактное размещение сторонников сепаратизма;
- «реликтовые» внутренние границы: сепаратисты сознательно культивируют чувство ненависти к «оккупантам» и желание территориального реванша, создают картографию своих притязаний к соседям, которая служит важным средством политической мобилизации.

С.Н. Бабурин выделил несколько видов сепаратистских конфликтов по характеру претензий:

- 1) на основе исторического спора о принадлежности территорий (Косово);

- 2) в связи с претензиями на территорию соседнего народа (Абхазия);
- 3) вызванные прошлыми депортациями, а затем возвращением на уже заселённую территорию исхода (Чечня, Крым);
- 4) между господствующим в государстве этносом и меньшинствами (Корсика, Эритрея);
- 5) на основе незаконных административных преобразований (Южная Осетия, Судан, Кашмир);
- 6) вызванные желанием сообщества обрести свою государственность, дабы уравнивать свой политический статус с соседями (Нигерия, Карачаево-Черкесия, северо-восток Индии);
- 7) обусловленные стремлением сохранить хотя бы ядро своей территории в условиях смены режима или иностранной экспансии (Приднестровье в Молдавии, Южная и Северная Корея, Республика Сербская в Боснии и Герцеговине);
- 8) вследствие борьбы за обладание природными и геополитическими ресурсами (Конго, Чад, курды);
- 9) вызванные стремлением получить территориальный выход к морю (агрессия сепаратистского режима Чечни в Дагестане (1999 г.), движение берберов в Алжире);
- 10) связанные с неурегулированностью вопроса о границах, отсутствием чёткой демаркации и делимитации (в странах Африки) [4, с. 339–340].

Цикл развития сепаратистских движений подчинен логике этнополитической мобилизации. Они начинают в роли культурно-исторических обществ, затем становятся группами интересов, а потом разделяются на террористическое крыло и легальные партии («группы проникновения», *entryist groups*). Это деление, как отмечает А.И. Тэвдой-Бурмули [49, с. 31–35], не препятствует общему антицентрализму. Уровень неоднородности сепаратистского «потока» зависит от того, насколько его субкультура включена в региональную культуру. Например, «Шинн Фейн» в Северной Ирландии и «Эрри Батасуна» в Стране Басков достаточно популярны, как и Лига Севера в Италии. Напротив, движения бретонцев и савояров против Франции, Баварская армия освобождения в ФРГ — маргинальные, хотя и крикливые группировки. Обычно между террористическим и легально-политическим «крыльями» движения устанавливается разделение труда: обмен кадрами, идеями, организационными связями. Политическое крыло обеспечивает представительство интересов в парламентах, получает финансовую помощь от подконтрольного бизнеса, влияет на официальную систему образования и культуры.

Рассмотрим наиболее известные случаи очагов современного сепаратизма.

В Канаде сепаратизм имеет прочные корни в провинции Квебек. Истоки конфликта: этнические, языковые и религиозные различия между основной частью Канады (англоязычной и протестантской) и провинцией Квебек (80% её жителей — франкоканадцы, католики) [1, с. 33–65; 19; 35, с. 148–176; 39].

Регионы отличаются политической культурой: в Квебеке господствует коммуитаризм, в остальной Канаде — либерализм. Сепаратизм подпитывается неэффективной работой институтов федерализма и экономико-социальными диспропорциями, что позволило Квебекскому блоку на последних выборах в Палату общин Канады (июнь 2004 г.) увеличить свою фракцию с 37 до 54 мест из 308. Кроме того, квебекское движение стимулирует импульсы центробежности и в других провинциях, особенно на западе Канады [6].

В странах **Западной Европы** сепаратизм имеет долгосрочную политическую традицию и чаще всего унаследован от эпохи создания централизованных национальных государств XV–XVIII вв., он находит себе опору в этнических, религиозных, историко-культурных меньшинствах. М. Хёхтер создал модель «внутреннего колониализма» для интерпретации территориальных движений такого рода [57]. Таковы Ирландская республиканская армия и «Шинн Фейн» в Ольстере, Шотландская национальная партия, сепаратисты в Стране Басков – ЭТА («Эускади та Аскасун») и «Эрри Батасуна», Фронт национального освобождения Корсики и др. Смешанный, религиозно-этнический характер имеют движения католиков и их противников юнионистов-протестантов в Северной Ирландии, фламандцев и валлонов в Бельгии [37; 59]. Экономико-социальные диспропорции между регионами стали ведущим фактором создания Лиги Севера в Италии.

Сепаратизм католиков в **Северной Ирландии** проявлялся в течение всего времени английского колониального господства (с XII в.). Ещё во второй половине XIX в. сформировалась подпольная Ирландская республиканская армия (ИРА) и её политическое крыло — партия «Шинн Фейн». Война за независимость Ирландии (1919–1921 гг.) привела к разделу острова на независимое Ирландское Свободное Государство (Эйре) и Северную Ирландию, оставшуюся автономной частью Соединенного Королевства [5; 13; 18; 36; 43].

В шести северных графствах католики-ирландцы составляли сплочённое меньшинство (40 %). Непрестанная борьба между сепаратистами и юнионистами приняла особый размах в 1969 г., перейдя в формы «городской партизанской войны». В 1972 г. кабинет Великобритании распустил ассамблею Северной Ирландии и её правительство, ввёл прямое правление общегосударственных структур власти. В 1973 г. проведён референдум жителей региона, подавляющее большинство его участников поддержало сохранение Северной Ирландии в составе Соединенного Королевства. В апреле 1998 г. конфликтующие стороны подписали соглашение Страстной пятницы. Основной вклад в примирение внесли лидер ведущей юнионистской партии Д. Тримбл и лидер умеренных католиков-националистов Дж. Хьюм при посредничестве международной комиссии во главе с бывшим сенатором США Дж. Митчелом. Соглашение означало разоружение ИРА и протестантских боевиков — «Ордена оранжистов», «Борцов за свободу Ольстера» и т.д. Однако ряд экстремистских группировок — «истинная» ИРА, Ирландская народно-освободительная армия и др. — бойкотирует процесс примирения. За 1998–2004 гг. деятельность парламента

Северной Ирландии четырежды прерывалась из-за актов террора, и вновь вводилось временное прямое правление Лондона.

По мнению многих экспертов, перелом в ольстерском примирении наступил после терактов 11 сентября 2001 г. в США. Ирландская диаспора в Америке охладела к поддержке терроризма. Великобритания и США являются наиболее близкими союзниками по антитеррористической коалиции. Интеграция Ирландской Республики в ЕС также разрушает многовековую идеологию насильственного воссоединения страны. Как справедливо считает М.Е. Орлова, разоружение и наказание террористов недостижимо только карательными мерами. «Другую сторону проблемы составляет целенаправленное преодоление пережитков традиционализма во всех сторонах ирландской жизни, неотъемлемой частью которых является постоянное воспроизводство террористических идей, стремление реализовать средствами вооружённой борьбы политические цели, сформулированные многими поколениями» [36, с. 144]. Новый аспект проблемы — вырождение сепаратизма в уголовные формы наркоторговли и бандитизма. Потребуется долгий путь взаимного примирения и смены базовых ценностей общин католиков и протестантов.

В Шотландии сепаратизм имеет мирные формы. Национальная партия признаёт, что полную независимость Шотландии поддерживают не более 1/3 жителей региона. По словам координатора ШНП А. Салмонда, «Шотландия может идти к независимости более умеренным путём через создание национального парламента и заключение федеративного договора с Великобританией». ШНП стремится достичь независимости благодаря трансграничному сотрудничеству в рамках «Европы регионов». Её аргументы — обещания повысить уровень жизни, уменьшить бюрократизм управления [40]. Один из лидеров ШНП Дж. Рид в 2001 г. открыто признавал, что создание шотландского парламента — лишь шаг к независимости. По свидетельству Л.А. Фадеевой, Рид воскликнул: «А зачем тогда вообще нужна деволуция»? Однако настроения избирателей гораздо более умеренны. По данным опросов, после создания парламента доля сторонников независимости сократилась с 70 до 25 %, а доля сторонников автономии выросла до 65 % [50, с. 31, 33].

Сепаратизм в Стране Басков (Испания). Баски проживают в автономных областях Испании (в Стране Басков и Наварре) и французском департаменте Нижние Пиренеи. Испанская часть культурно-исторического ареала составляет 85 % населения и территории (2,5 млн чел. против 260 тыс. во Франции). Только 42 % жителей Страны Басков понимают язык басков, 1/4 говорит на нём повседневно [2, с. 21; 22, с. 111; 54, с. 67]. Баски имеют прочную этнокультурную идентичность и традиции государственности (средневековое королевство Наварра, широкая автономия в 1936–1939 гг. и с 1978 г.). Регион, который называют «атлантическими воротами» Испании, развивался как центр горной промышленности, судостроения, финансов и торговли. Традиционно баски получали привилегии от испанской монархии. Запоздалая модернизация страны в последней четверти XIX в. ввергла земли басков в затяжной кризис.

Аллергическая реакция на стирание национальных различий породила идеологию басконского сепаратизма [10; 29, с. 27–31]. Её творцы, братья Арана заявляли, что Испания — вечный враг басков, которые должны сохранить в чистоте католическую веру и патриархальные нравы. Ради этого С. Арана в 1901 г. изобрел символику: литературный язык, название страны (Эускади), флаг, политические ритуалы. По мнению Араны, именно язык — главное препятствие на пути «испанских колонизаторов». Современные опросы показывают, что языковой фактор (вместе с этническим — 62 и 61 % соответственно) формирует региональную идентичность Страны Басков, обгоняя исторический (49 %), политический (16 %) и экономический (4 %) факторы [11, с. 401–402].

Основная сепаратистская организация региона ЭТА (сокращение от «Эускади та Аскатасуна», Страна Басков и свобода) создана в 1959 г. Она объявила себя патриотической и революционной организацией по образцу антиколониальных движений «третьего мира» [30; 41]. Религиозные лозунги были вытеснены социалистическими. С 1968 г. группировка вела террор против военных и чиновников франкистского режима. Именно в 1970–1980-х гг. ЭТА удалось организовать массовую поддержку идей независимости в басконском обществе. С началом демократизации Испании требования ЭТА ужесточились. Она перешла к тактике «войны на истощение», требуя вывести из Страны Басков войска и силовые структуры, признать суверенитет региона и включить в его состав соседнюю Наварру. Действия ЭТА с 1978 г. по сей день сводятся к жестоким акциям террора, причем не только против властей, но и против мирного населения. С 1994 г. используется тактика уличных беспорядков по примеру палестинской интифады.

Успешные антитеррористические действия государства привели к бессрочному перемирию 1998 г. Посредницей выступила умеренная Басконская националистическая партия. Однако этаровцы надеются создать единый фронт партий Страны Басков против общеиспанских сил. Но подобная тактика нереалистична. На региональных парламентских выборах 1998 и 2001 гг. политическое крыло сепаратистов «Эрри Батасуна» потерпело неудачу, победила умеренная БНП. Провал тактики конституционного пути к независимости заставил ЭТА возобновить в конце 1999 г. террор. Сепаратисты добиваются проведения референдума по вопросу независимости с участием одних басков. Они надеются использовать евроинтеграцию для прямого вхождения в ЕС (подобную тактику применяют сепаратисты в Шотландии и в Каталонии).

Басконский сепаратизм демонстрирует ряд важных закономерностей территориальных движений. Он появился во вполне экономически и социально благополучном регионе. Отсутствует прямая зависимость сепаратизма с неграмотностью и низкой образованностью. Напротив, Страна Басков в 1990-х гг. занимала первое место среди испанских регионов по доле молодежи с высшим образованием [10, с. 167, 173]. Вопреки своей марксистской риторике, ЭТА никогда на деле не устанавливала союз с рабочими, фермерскими организациями, профсоюзами и т.д. Большинство нынешних активистов ЭТА — молодежь

из городских семей среднего класса, пренебрегающая традиционной моралью. Они резко отличаются от поколения сепаратистов 1960-х гг., которые воспринимались в Европе как борцы против франкизма.

Цели и лозунги ЭТА показывают, что она стремится к власти любой ценой. Конституция Испании и Устав Страны Басков (Статут Герники) категорически отвергают возможность сецессии, тем более что сепаратистов поддерживает не более 15 % жителей региона. По закону Испании «О политических партиях» 2002 г. запрещены экстремистские организации, в том числе «Эрри Батасуна».

Как же воспринимают испанское и басконское общество проблему сепаратизма? Она считается самой значимой для региона. В самой Стране Басков желают иметь независимое государство 20–40% опрошенных [24]. Но басконцы выступают против терроризма (89 %), считают оправданным насилие ЭТА лишь 5 % жителей области [10, с. 169]. В остальной Испании террор единодушно осуждают. Вместе с тем 26 % респондентов не возражают против независимости Басконии (60 % категорически отвергают этот путь).

Итак, басконский сепаратизм является устойчивым территориальным движением, обретшим инерцию развития. Он поощряется отсутствием институционального выхода из конфликта, нетерпимостью сепаратистов. В отличие от Северной Ирландии, сепаратизм в Стране Басков проявляет завидные ресурсы прочности и тактическую гибкость. Он делает ставку на расширение своей социальной базы, на разнообразие полулегальных и легальных «форм прикрытия», довольно успешно оказывает давление на умеренных регионалистов БНП. Представляется, что силовые методы подавления сепаратизма должны быть дополнены легитимным референдумом и изоляцией ЭТА от легальных политических сил. В целом же ЭТА — опасный анахронизм ушедшей в прошлое эпохи. Увы, сепаратизм способен мутировать и в условиях глобализации, находя новую питательную почву в обществе.

В **Каталонии**, другой автономной области Испании, сепаратизм не нашёл серьёзной поддержки. Незначительное влияние имеют «Терра Льюре» (Свободная земля), Национальный фронт и Фронт освобождения Каталонии. По данным опросов, идею независимости Каталонии поддерживают 15 % респондентов, но они категорически противятся насильственным методам борьбы [16, с. 86–93]. Преобладает тактика овладения парламентом и использования трансграничных контактов в ЕС.

Во **Франции** сепаратизм устойчиво проявляется на **острове Корсика**, получившем в 1991 г. статус автономного региона. С середины 1970-х гг. действует Фронт национального освобождения Корсики. Как полагает Г.В. Казанская, бурный рост центробежных настроений стал реакцией на запоздалую модернизацию. Массовый терроризм, приток беженцев из Алжира и иностранцев, утечка с острова прибылей от хищнического использования природных богатств, пониженный уровень жизни — все это вызвало изоляционистские настроения корсиканцев. Как и баски, они испытывают страх перед ассимиляцией (82 % жителей вступают в брак с французами; только 10 % школьников

изучают корсиканский язык в дополнение к основному французскому) [23]. На острове сохраняются средневековые традиции кровной мести и клановая организованная преступность.

Движение за независимость с начала 1990-х гг. раскололо на 13 группировок. Часть из них подписывает время от времени перемирие с властями, другие группировки отличаются непримиримостью. Согласно результатам опросов населения, за независимость выступают только 13 % корсиканцев, 80 % хотят остаться в составе Франции, причем 67 % даже не требуют автономии. Однако по некоторым данным, сочувствие националистам растёт. Политическое крыло ФНОК «Кункольта нациунале» требует на первых порах придать Корсике статус заморского департамента (по аналогии с бывшими колониями Франции – Мартиникой, Реюньоном и др.). В 1998 г. сепаратисты убили префекта Корсики, высшего представителя центральных властей в регионе. Не утихает и внутренняя вооруженная борьба между течениями сепаратистов. За 1994–2003 гг. в терактах на Корсике погибли 3 тыс. чел. — больше, чем в Стране Басков [21].

Во Франции сепаратистские движения помимо Бретани, где уже совершались террористические акты, вызревают и в других регионах. В 1994 г. создана Савойская лига со штаб-квартирой в Женеве, требующая независимости «государства Савоя» в Альпах, поглощенного Францией в 1860 г. [26; 56; 58]. Социологические опросы фиксируют сепаратистские настроения в регионе Рона (центр – второй по размерам город Франции Лион).

В **Италии** сепаратизм проявляется в действиях и идеологии **Лиги Севера**, хотя ныне этот блок областных лиг, скорее, выступает за широкий регионализм. Как подметил Л. Зидентоп, Италия более других унитарных стран Европы подвержена угрозе распада, так как поздно создала своё национальное государство. Отсутствие правовой системы баланса интересов между Севером и Югом позволило Лиге Севера «с легкостью призывать к полной независимости... Такой сплав популистской аргументации и экономического упрощенчества подчеркивает настоятельную необходимость тщательного конституционного оформления принципа субсидиарности» [20, с. 220].

Особенно опасны в этой связи действия Лиги Севера во второй половине 1990-х гг., когда она пребывала в оппозиции левоцентристскому правительству. Лидер северян У. Босси провозгласил в Венеции 15 сентября 1996 г. свободу и независимость и призвал граждан «сбросить колониальное ярмо ненавистного латинского империализма и порвать с Римом, символом угнетения» [32, с. 107]. Социальной опорой Лиги Севера являются протестные слои общества — малый бизнес, безработные, фермеры, однако за кулисами Лиги стоят влиятельные бизнес-группы и муниципальные элиты Севера.

Протестная мобилизация быстро проходит, если цели утопичны. Прокуратура Италии возбудила дела о преследовании за нарушение государственного единства, что вынудило У. Босси летом 1998 г. резко изменить партийную стратегию. Теперь Лига взяла курс на перераспределение власти

в рамках федерации, стремясь увеличить свои фракции в общенациональных органах власти.

В некоторых случаях сепаратистские движения достигают «полууспеха», т.е. провозглашают независимость своих регионов де-факто. Это явление весьма распространено в современном мире (Турецкая Республика Северного Кипра, Тайвань, Республика Сербская и Косово в период войны за раздел Югославии, Южный Ливан, враждующие регионы Сомали, Конго, Коморских островов). Феномен *непризнанных государств* ярко проявился и на постсоветском пространстве (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах). В политической географии применяется также термин *повстанческое государство*, т.е. часть территории страны, устойчиво контролируемая противниками правящего режима (в Колумбии, Афганистане 1990-х гг., Судане, Сомали, Заире и др.). Иногда сепаратистское движение сохраняется только благодаря контролю соседнего государства, признающего сепаратистов независимыми (Азад Кашмир под оккупацией Пакистана; Северный Кипр, захваченный Турцией в 1974 г. и др.) [48, с. 102–103; 47, с. 153–154].

В начале 1990-х гг. 27 государств не контролировали всецело свою территорию, в том числе 14 — в течение десятилетий (Судан, Мьянма, Сомали, Афганистан и др.). Неконтролируемые территории возникают из-за острых этнических конфликтов, гражданских войн, поддержки зарубежных стран [27, с. 368–371]. Подобные «черные дыры» живут за счет потребительского натурального хозяйства, но чаще за счет доходов от криминальной экономики, работающей на мировой рынок. Большинство неконтролируемых территорий возникает вдоль геополитических разломов и контактных зон между цивилизациями, в условиях этнической и религиозной мозаичности общества.

Особо полезен синтез подходов геополитики, этнополитологии, исследований региональных культур в осмыслении территориальных движений. В.А. Тишков утверждает: «Сепаратизм не стал бы глобальной проблемой, если бы не служил орудием соперничества государств и средством геополитической инженерии... Теперь настала пора победителей в холодной войне навязывать свою волю внешнему миру через очередные этнические самоопределения» [45, с. 359].

Если сепаратизм в высокоразвитых странах Европы и Северной Америки развивается в основном благодаря внутренним факторам, то в «третьем мире» и на постсоциалистическом пространстве нарастает роль международного вмешательства, поощрения сепаратизма в интересах более сильных государств и транснациональных структур. Наиболее ярко роль геополитического фактора в разжигании сепаратизма видна на примере бывшей *Югославии*. Ещё в 1968–1970 гг. были организованы первые сепаратистские выступления: в автономном крае Косово и Метохии при поддержке Албании местных соплеменников, в Хорватии — при поддержке усташей-эмигрантов в странах Запада*.

* Литература о сепаратизме в бывшей Югославии необъятна. См. обобщающие работы [3; 9; 15; 38; 52].

Тогда же сложилась тактика сочетания подпольной деятельности террористов («Красный фронт», Освободительная армия Косова) с захватом органов региональной власти. Федеральные структуры Югославии были вынуждены в 1970 г. подавить сепаратизм. С 1981 г. террористические выступления в Косово повторялись с нарастающей силой.

В Косово и Метохии сепаратизм имеет глубокие внутренние корни:

- разрушение старой патриархальной системы ценностей и образа жизни;
- чрезмерный демографический рост, поглощавший все инвестиции;
- растущее экономическое и социальное отставание от других республик и автономий Югославии;
- многовековые расколы общества по религиозному, этническому и культурно-историческому основаниям, причем эти расколы взаимно усиливали друг друга;
- традиции нетерпимости и этнократии, царившие в стане обеих противоборствующих сторон;
- взрывоопасная конструкция институтов югославского федерализма, которая дополнила советскую исходную модель своими «отягощениями» [3, с. 21–24].

Общая дезинтеграция СФРЮ в 1981–1991 гг. привела в Косове к формированию двух изолированных и взаимно непримиримых сербского и албанского сообществ. В 1990 г. легализовались сепаратистские партии, которые избрали тактику мирного бойкота выборов и официальных институтов автономии. В сентябре 1991 г. албанская община провела незаконный референдум о независимости края, единодушно провозгласив суверенную республику. В мае 1992 г. были организованы незаконные выборы президента и парламента Косова при поддержке ряда стран и международных организаций. И. Ругова и ОАК победили почти с 100 % результатом. В 1993 г. И. Ругова с другими албанскими лидерами выдвинул идею разместить в Косове военные силы ООН и НАТО [14, с. 30–31], а позже — ввести «гражданский протекторат» стран блока в крае. Предъявлялись претензии на районы проживания албанцев в Черногории и Македонии, а после установления контроля над ними замышлялось создание «Великой Албании».

Иностранное вмешательство в дела автономии резко возросло с принятием Дейтонских соглашений 1995 г., увязавших снятие санкций с Югославии с решением «проблемы Косова». Весной 1997 г. Международный фонд Карнеги выдвинул на сербо-албанских переговорах посреднический план. Он означал превращение СРЮ в федерацию 4 республик, в том числе Косова и Воеводины; вывод армии и полиции из края. После переговоров и двухлетнего переходного периода надлежало провести референдум о будущем республики Косова. Будущий президент Югославии В. Коштуница назвал план «неприкрытой поддержкой сепаратизма косовских албанцев» (цит. по [14, с. 32]).

После кровавых столкновений Североатлантический блок предупредил в августе 1997 г. Президента СРЮ С. Милошевича о возможности вооруженного вмешательства. В январе 1998 г. резолюции по косовскому вопросу приняли Парламентская ассамблея Совета Европы, Совет министров ЕС, министерства иностранных дел стран Европы. Все документы настойчиво требовали «расширения» автономии Косова, а на деле — превращения края в субъект рыхлой федерации с правом сецессии.

Получив мощную дипломатическую и информационную поддержку, боевики Освободительной армии Косова начали в феврале 1998 г. хорошо спланированный мятеж и спровоцировали власти СРЮ на ответные меры. По мере затягивания в полномасштабную войну происходила радикализация албанского движения. Лидеры ОАК 12 раз срывали переговоры с властями Югославии. СРЮ неоднократно доказывала свою готовность решать косовскую проблему дипломатическими и внутривластными мирными средствами, но руководители НАТО осенью 1998 г. определили курс на интервенцию. Албанцы стали поводом для расчленения Югославии, выполняя роль «детонатора» военного конфликта.

24 марта 1999 г. НАТО начало войну против Югославии под предлогом невыполнения СРЮ ультиматума. В итоге агрессии власти Югославии вынуждены были принять соглашение с НАТО о выводе сил безопасности СРЮ из Косова и о размещении в крае «миротворческих сил». Вопреки соглашениям НАТО и ОАК, после вывода югославских сил албанские сепаратисты сохранили свои военизированные структуры и беспрепятственно занялись террором против сербского и других этнических меньшинств.

В итоге парламентских выборов 2001 г. в автономном крае Косово сформированы законодательный орган (Скупщина) и правительство, которые действуют на основе «Конституционных рамок временного самоуправления в Косове», принятых Миссией ООН по делам временной администрации края [3, с. 54–73]. По сути, край Косово, выведенный из правовой и политической системы Сербии, стал независимым государственным образованием под опекой стран Запада.

Косовская ситуация — пример крайне опасной легитимации права международного вмешательства во внутренний конфликт, отработки сценария и технологий расчленения стран, неудобных мировым «центрам силы». Аналогичные приемы попрания государственного суверенитета под предлогом права наций на самоопределение уже повторены в Восточном Тиморе, отделённом от Индонезии (1998–1999 гг.). Но цель вмешательства извне — конечно, не интересы обманутых сепаратистами этносов, а геополитический контроль над территорией враждебных государств. Ради выгоды риторика может меняться на противоположную и выражаться в требованиях единства Грузии, Молдавии, Филиппин.

Библиографический список

1. Ажаева В.С. Канада: тенденции социально-политического развития. М.: ИНИОН РАН, 2001.
2. Аккос П., Альгаларрондо Э. Самобытность, не признающая границы // Гео. 2000. №1.
3. Албанский фактор кризиса на Балканах / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: ИНИОН РАН, 2003.
4. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М.: МГУ, 1997.
5. Бирюков И.Д. Ольстер: Кризис британской империалистической политики. М.: Мысль, 1985.
6. Боголепов Ю. Пиррова победа Пола Мартина // Независимая газета. 2004. 30 июня.
7. Болтенкова Л.Ф. Российская государственность: состояние и перспективы развития. М.: Республика, 1995.
8. Бьюкенен А. Сецессия: Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. М.: Рудомино, 2001.
9. Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик? Историческая судьба Югославии в XX веке. М.: Гея Итэрум, 2000.
10. Волкова Г.И. Истоки и современные реальности баскского терроризма // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы / Отв. ред. В.В. Витюк, Э.А. Паин. М.: Ин-т социологии РАН, 2003.
11. Волкова Г.И. Этнолингвистический фактор как социально обусловленный символ баскского национализма // Мир и Россия на пороге XXI века: Вторые Горчаковские чтения. М.: РОССПЭН, 2001. С. 400–405.
12. Волова Л.И. Нерушимость границ — новый принцип международного права. Ростов н/Д: РГУ, 1987.
13. Громько А.А. Усмирение терроризма: опыт Северной Ирландии // Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов / Ин-т полит. и воен. анализа; Отв. ред. А.А. Шаравин, С.М. Маркедонов. М.: б.и., 2002. С. 37–45.
14. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право; Русский национальный фонд, 2001.
15. Джуретич В. Развал Югославии: Основные течения 1918–2003 гг. М.: Кобекс интернешнл и др., 2003.
16. Диес Медрано Х. Разделенные нации. Классы, политика и национализм в Стране Басков и Каталонии // Современная Испания: Реферативный сборник. М.: ИНИОН РАН, 2003.
17. Доленко Д.В. Политика и территория: Основы политического регионоведения. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2000.
18. Жоаннон П. Атаки 11 сентября и конец терроризма в Северной Ирландии // Современная Великобритания: Реф. сб. М.: ИНИОН РАН, 2003.
19. Захаров А.А. Федеративное государство и сепаратизм: канадский вариант // Полис. 2002. № 3. С. 129–141.
20. Зидентоп А. Демократия в Европе. М.: Логос, 2004.
21. Зимин Е. Конец перемирия // Независимая газета. 2003. 22 июля.
22. Iberica: Культура народов Пиренейского полуострова / Отв. ред. Г.В. Степанов. Л.: Наука, 1983.

23. *Казанская Г.В.* «Особый случай» корсиканской автономии // *Полис*. 1995. № 5. С. 136–140.
24. *Келнер Х.–Г.* Децентрализация в Испании приносит успехи // *Национальные отношения в полиэтнических государствах*. 2001. № 1. С. 90–93.
25. *Кива А.В.* Национально-освободительное движение: теория и практика. М.: Наука, 1989.
26. *Коваленко Ю.* В Альпах зреет «Савойская республика» // *Известия*. 1996. 23 мая.
27. *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001.
28. *Конюхова И.А.* Право народов на самоопределение как принцип федерализма // *Политическая наука*. 2003. № 3. С. 167–186.
29. *Крылов А.Б.* Сепаратизм: истоки и тенденции развития. М.: Знание, 1990.
30. *Ландабасо Ангуло А.И., Коновалов А.М.* Терроризм и этнополитические конфликты. М.: Огни, 2004. Кн. 1.
31. *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспект Пресс, 1997.
32. *Международная жизнь*. 1996. № 11–12.
33. *Международное право в документах*. М.: Международные отношения, 1982.
34. *Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока* / Отв. ред. А.А. Прусаускас. М.: Наука, 1991.
35. *Морозова Е.В.* Региональная политическая культура. Краснодар: КубГУ, 1998.
36. *Орлова М.Е.* Ирландский терроризм и уроки борьбы с ним // *Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы*. М.: Ин-т социологии РАН, 2003. С. 144–164.
37. *Петрелла Р.* Националистические и региональные движения в Западной Европе // *Этнос и политика*. М.: УРАО, 2000. С. 234–244.
38. *Романенко С.А.* Югославия: кризис, распад, война. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.
39. *Роше Ф.* Внутренние противоречия канадского федерализма // *Полития*. 2002. № 4(27). С. 42–48.
40. *Салмонд А.* «Мы – не англичане, мы – шотландцы» // *Независимая газета*. 1994. 9 февр.
41. *Санчес-Куэнка И.* ЭТА против государства. Стратегии терроризма // *Современная Испания: Реф. сб.* М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 104–107.
42. *Старовойтова Г.В.* Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев. СПб.: Лимбус Пресс, 1999.
43. *Стивенсон Дж.* Нерушимый мир в Северной Ирландии? // *Современная Великобритания: Реф. сб.* М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 109–117.
44. *Тарасов А.* Право народов на самоопределение как фундаментальный демократический принцип // *Свободная мысль*. 2002. № 9.
45. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
46. *Тощенко Ж.Т.* Этнокрафия. М.: РОССПЭН, 2003.
47. *Туровский Р.Ф.* Основы и перспективы региональных политических исследований // *Полис*. 2001. № 1.
48. *Туровский Р.Ф.* Политическая география. М.; Смоленск: СГУ, 1999.

49. *Тэвдой-Бурмули А.И.* Особенности развития политической культуры региона проживания коренных этнических меньшинств // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России: Матер. семинара / Под ред. М.В. Ильина, И.М. Бусыгиной. М.: МОНФ; ИЦНиУП, 1999.
50. *Фадеева Л.А.* Деволюция Шотландии в контексте европейской регионализации // Политический альманах Прикамья. Пермь: ПГУ, 2002. Вып. 2.
51. *Чиркин В.Е.* Современное федеративное государство: Учебное пособие. М.: МНИМП, 1997.
52. Югославия в огне: Сб. документов: В 2 т. / Ред.-сост. Е.Ю. Гуськова. М.: ИНИОН РАН, 1992–1993.
53. *Явкин Н.В.* Проблема обеспечения единства и территориальной целостности государства в условиях борьбы народов за самоопределение: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2004.
54. *Яшлавский А.Э.* Баскская проблема // Федерализм: Энциклопедия / Отв. ред. К.С. Гаджиев. М.: МГУ, 2000.
55. *Яшлавский А.Э.* Сепаратизм // Федерализм: Энциклопедия / Отв. ред. К.С. Гаджиев. М.: МГУ, 2000. С. 472–475.
56. *Brustein W.* The Social Origin of Political Regionalism, France. Berkeley etc.: Univ. of California press, 1988.
57. *Hechter M.* Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966. Berkeley: Routledge & Kegan Paul, 1975.
58. *Lannou M.* La Bretagne et les Bretons. P.: UF, 1992.
59. *Winter L.* A Comparative Analysis of the Electoral, Office and Policy Success of the Ethnoregionalist Parties // Regionalist Parties in Western Europe. L.; N.Y.: Routledge, 1998. P. 204–247.

ФОРМЫ ВЛАСТНОГО БЫТИЯ ОБЩЕСТВА

.....

В.В. Меньшиков*

Власть может приобретать различные формы выражения, что во многом зависит от сферы проявления, назначения, целей, которые она реализует. Дифференциация социальной власти на экономическую и политическую связана с эволюцией общества. В рабовладельческом и феодальном обществе экономические и политические отношения находятся преимущественно в тесно взаимосвязанном виде из-за того, что отношения к собственности определяют политическую значимость человека. С формированием капиталистических отношений происходит дифференциация социальной власти на относительно самостоятельные формы.

Экономическая власть

В марксистском понимании решение вопроса о соотношении сфер состояло в том, что приоритет отдавался экономическим отношениям как ведущей стороне общественного развития. Другие сферы рассматривались как зависимые от производственных отношений. На этом принципе строилось учение о базе и надстройке. Развитие способа производства, противоречия между производительными силами и производственными отношениями были положены в основу понимания процесса смены общественно-экономических формаций. «Марксистская концепция общества, в том числе капиталистического, — социологична, но социология тесно связана с философией. Из связей между философией и социологией, которые можно понимать по-разному, проистекает множество затруднений в интерпретации. Наряду с этим собственно марксистская социология допускает разные толкования в зависимости от более или менее догматических определений таких понятий, как производительные силы и производственные отношения, а также в зависимости от того, рассмат-

* Меньшиков Валерий Владимирович — кандидат философских наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: politics@kubsu.ru.

ривают ли общественную систему как детерминированную базисом. Понятия базиса и надстройки к тому же неясны и допускают бесконечные спекуляции. Наконец, дают повод к разным толкованиям и отношения между экономией и социологией. По Марксу, общество в целом можно понять, лишь отталкиваясь от экономической науки, но отношения между экономическими процессами и обществом в целом двусмысленны» [2, с. 176 177].

При всех недостатках марксистского подхода некоторые положения марксистской теории власти заслуживают внимания. Так, в «Капитале» К. Маркс одним из первых исследовал структуру экономической власти, которая в условиях капиталистических производственных отношений выступает в форме власти промышленного капитала, проходящего в своем развитии три стадии (фазы): стадию денежного капитала, товарного капитала, производительного капитала. Капитал он понимает как самовозрастающую стоимость, а власть капиталиста — как олицетворение в его лице власти капитала. Данные виды власти, качественно изменившись, в определенном смысле сохраняют свое значение и сегодня. В понимании экономической власти в марксизме в основном превалирует классовый подход.

Существенное внимание экономической власти уделял М. Вебер. Он рассматривал ее в тесной связи с политической властью. «Бои за *власть*, — писал он, — это в конечном счете еще и процессы экономического развития, а *властные* интересы нации там, где они поставлены под сомнение, суть последние и решающие интересы, на службу которым должна быть поставлена ее хозяйственная политика; наука о народнохозяйственной политике есть наука *политическая*» [3, с. 25]. Вебер считал, что экономическая власть и призвание к политическому руководству нацией не всегда совпадают друг с другом. Политическая зрелость нации проявляется в соответствующей способности ставить долговременные экономические и политические властные интересы нации выше всех прочих соображений. «Именно *достижение экономической власти* во все времена способствовало возникновению у добившегося ее класса представления о собственных *правах на политическое руководство*» [3, с. 31]. Стремление экономически господствующего класса к политическому господству — один из законов общественного развития, который, согласно Веберу, присущ всем классовым периодам общественного развития. Ученый отмечал тенденцию выхода экономического развития за рамки национальных границ и начавшийся процесс создания всеохватывающей хозяйственной общности наций. Применительно к экономической власти это можно понимать как выход ее за рамки национальных государств.

В отличие от К. Маркса, уделявшего большое внимание внутренней организации экономической власти промышленного капитала, М. Вебер в основном сосредоточивал внимание на вопросе взаимодействия экономической и политической власти. По мнению М. Вебера, капиталистическая организация производственной жизни по-разному влияет на политику. Это влияние может быть явным, а может носить скрытый характер. Примером может служить вли-

яние «босса» на деятельность политической партии. «Босс необходим для партийной организации. Он прибирает ее к своим рукам. Весьма существенным образом босс обеспечивает ее средствами... Типичный босс абсолютно прозаический человек. Он не стремится к социальному престижу; “профессионал” презираем в “приличном обществе”» [4, с. 682-683].

Л.О. Келсо и П.Х. Келсо исходят из того, что в условиях современного капитализма экономическая и политическая власть — это две основные формы власти современного демократического общества, которые в совокупности составляют содержание социальной власти. Экономическую власть они определяют как «правомочие и способность производить товары и услуги, получать доход от занятия производством товаров и услуг на рынок для покупки потребителями» [6, с. 312]. Авторы выделяют две сферы, в которых реализуется экономическая власть. Первая является видимой, она включает фабрики, административные здания, машины и оборудование, линии электропередачи, обрабатываемые поля и скот, нефте- и газохранилища, железные дороги, суда. Вторая сфера — невидимая, структура ее состоит из договорных отношений. В нее входят владельцы инвестиционных и коммерческих банков, юристы, консультанты акционерных корпораций, собственники сырья или капитала в других физических формах, менеджеры, профсоюзные лидеры, специалисты, формирующие конструкцию экономических институтов. «Именно они ткут во всех подробностях ткань прав, полномочий и привилегий, как и взаимных обязанностей, долгов и ограничений, связывающую работников труда и работников капитала с производством товаров и услуг в видимой экономике и попутно определяющую долю дохода, которую получит каждый соответственно его или ее личному вкладу в производство. Эта незримая структура по времени предшествует видимой, поскольку участники производства богатств отказываются связать себя с каким-либо предприятием, не удостоверившись в том, что должны вложить в дело и что оно им даст» [6, с. 99]. Заслуга авторов в том, что они нетрадиционно подходят к пониманию экономического властного взаимодействия в обществе. Обладание капиталом, собственностью вплетено в сложную систему экономического взаимодействия. Экономическая власть реализуется как на видимом, так и невидимом уровнях. При этом невидимая сфера выполняет не только обслуживающую, но и в определенном смысле регулирующую роль. Подчеркивая это, авторы отмечают: *«Невидимый сектор не производит богатства, но недостатки в нем могут позволять и часто позволяют обрести богатство тем, кто его не производит»* [6, с. 100]. Изменить положение можно. Для этого необходимо создать такую конфигурацию невидимой структуры, которая бы отражала отношения тождества между населением, состоящим из работников труда и работников капитала как производителей товаров и услуг и теми же самыми индивидами и их иждивенцами в качестве потребителей товаров и услуг.

Гарантию успешного решения данной проблемы авторы видят в демократизации отношений собственности в хозяйственной политике государства, ори-

ентированной на интересы и потребности большинства населения страны. Они считают, что при демократическом капитализме правительство должно взять на себя значительную финансовую ответственность за состояние хозяйства, разрабатывая политику демократизированной власти в экономике, трудовых отношениях и предпринимательстве и контролируя ее регуляцию. «По мере того как технический прогресс преобразует способ производства товаров и услуг из трудоемкого в капиталоемкий, экономическую демократию нельзя реализовать или поддерживать иначе, как через демократическую собственность на капитал. Обеспечивая ее, государство (т. е. федеральные власти) должно действовать в качестве суррогата, заместителя природы, которая демократически распределила между людьми трудовой потенциал» [6, с. 312]. Итак, экономическая власть реализуется не только через обладание и распределение средств бюджета, но и через деятельность правительства, осуществляющего демократическую экономическую политику. Работа «Демократия и экономическая власть» дает основание для следующих выводов:

1) основу экономической власти могут составлять различные виды собственности; критерием демократичности экономической власти служит наличие демократической собственности;

2) рычаги экономической власти могут находиться не только у непосредственных собственников, но и в структурах, регулирующих экономические отношения собственности;

3) экономическая власть в условиях демократического капитализма при всех свойственных рыночным отношениям коллизиях и перипетиях в конечном счете должна руководствоваться отчетливо сформулированными принципами, обеспечивающими социальное здоровье и благополучие общества;

4) государство, осуществляющее демократизацию собственности, должно способствовать созданию необходимой для этого институциональной среды.

Недооценка, игнорирование, а иногда и непонимание роли экономической власти в современном обществе, тем более в обществе, в котором происходят радикальные экономические перемены, чреват негативными последствиями. В таком случае правительству вряд ли удастся выработать правильную стратегию экономического развития. Поэтому правы те ученые, которые подчеркивают особое значение экономической власти: «В системе властных отношений в обществе экономическая власть играет ничуть не меньшую, а иногда даже большую роль, чем власть политическая» [10, с. 21].

Рассмотрим в общих чертах особенности властного взаимодействия в экономической сфере. Тот факт, что экономическая власть предполагает наличие отношений зависимости, не вызывает сомнений. Специфика в том, что эта зависимость проявляется в сфере экономических отношений. В капиталистическом обществе носителем (субъектом) экономической власти, как правило, являются те, кто обладает собственностью: промышленным или финансовым капиталом, заводами, корпорациями, энергетическими ресурсами, транспортом,

предприятиями сферы услуг и т.д. Субъекту собственности противостоят лица наемного труда (наемные работники), которые, чтобы существовать в условиях конкуренции на рынке труда, вынуждены наниматься за соответствующую плату на предприятие. В данном случае экономической властью обладает тот, кто диктует условия оплаты труда. Однако эта элементарная схема не исчерпывает всего многообразия форм и способов проявления экономической власти, которая может носить индивидуальный и коллективный характер, наряду с частным капиталом ею может обладать государственная власть; работники акционерных и других предприятий могут привлекаться к управлению производством, обладать акциями. Экономическая власть владельцев предприятия может использоваться и для улучшения условий труда, и для стимулирования инициативы, и для участия работников в производственном процессе.

Вместе с тем следует отметить, что чем сильнее экономическая зависимость работника, тем большей по отношению к нему является экономическая власть. Неравенство в сфере экономических отношений лежит в основе экономической власти. Дисциплинарная власть, о которой писал М. Фуко, является всего лишь частным случаем такой зависимости. В демократическом обществе произвол работодателя ограничивается государственным законодательством, защищающим права наемного работника, профсоюзами, другими ассоциациями, отстаивающими интересы трудящихся, и у наемных работников для отстаивания своих интересов имеются свои рычаги экономического властного воздействия: забастовки, протесты, обращение в суд и др.

В условиях конкурентной борьбы экономическая власть на рынке выступает как набор средств и методов, направленных на реализацию произведенной продукции потребителю, как сила, утверждающая свое место на данном пространстве, поэтому рыночная конкуренция является разновидностью экономического властного взаимодействия. В нем участвуют различные субъекты экономических отношений: чем большим могуществом обладает субъект хозяйственного производства, чем больше у него возможностей, тем легче ему вести борьбу со своими конкурентами.

Экономическая власть проявляется как навязывание наемным работникам капиталистом, руководством капиталистического предприятия воли с целью получения дохода. Тот факт, что получение дохода выступает главной целью субъекта экономической власти, делает зависимым положение наемного работника, вынужденного в процессе трудовой деятельности выполнять возложенные на него обязанности. Это не означает, что происходит полное обезволивание работника. В процессе трудовой деятельности работник проявляет интеллектуальные, физические, волевые усилия, которые носят подчиненный производственным целям характер.

Экономическая власть реализуется на различных уровнях: государственном, отраслевом, корпоративном, предпринимательском, в промышленности, в торговле, сфере услуг, на транспорте и т. д. На каждом из этих уровней, в каж-

дом подразделения она имеет свои организационные особенности. Поэтому для экономического пространства, в котором осуществляются властные отношения, характерны дискретность, количественное и качественное разнообразие, противоречивость во взаимоотношениях участвующих в сфере хозяйственной деятельности субъектов.

В отечественной литературе исследованию экономической власти посвящена работа А. Мовсисяна и А. Либмана «Фактор власти в экономике». Согласно их мнению, экономическое поведение человека обусловлено главным образом его волей и стремлением к увеличению экономической власти, расширению ее зоны. «Каждый экономический агент (индивид, организация или коалиция) стремится к максимизации собственной власти и нередко ведет себя при этом иррационально» [9, с. 50]. Авторы различают понятия «власть в сфере экономики» и «власть, достигающаяся с помощью экономических средств». «Однако четко определить, какие именно средства достижения власти являются экономическими, достаточно сложно. Кроме того, на практике любая форма власти основана на использовании всех ее ресурсов – вопрос лишь в пропорции их соотношения» [9, с. 51]. Например, государство как политический институт относится к политической сфере, тогда как принимаемые им решения в рамках осуществляемой экономической политики оказывают воздействие на экономическую эффективность. Аналогична и власть гражданских союзов, профсоюзов, политических партий в сфере экономики. Экономическую власть авторы определяют в двух значениях: широком и узком. В широком смысле под экономической властью понимается «специфическое отношение между экономическими институтами и организациями, а также социальными группами и отдельными лицами, деятельность которых связана с экономикой, в рамках которого один из них (субъект экономической власти), используя ряд ресурсов и инструментов власти, генерирует вокруг себя властное пространство, в пределах которого все остальные институты и группы вынуждены в большей или меньшей степени следовать воле и интересам субъекта экономической власти, поступаясь в определенной мере собственными интересами и целями» [9, с. 51–52]. В качестве основных зон экономического властного пространства выступают: организация, метакорпорация, рынок, внеэкономическая сфера. Критерием в этом случае служит «степень убывания власти». В работе достаточно подробно рассмотрены основные субъекты экономической власти. К таковым, по мнению авторов, относятся: 1) финансовые и нефинансовые корпорации; 2) метакорпорации, или группы, включающие множество компаний, банков и др.; 3) международные правительственные и неправительственные экономические и финансовые организации (МВФ, Мировой банк, ВТО и др.); 4) некоммерческие организации, воздействующие на экономические процессы (профсоюзы, организации борьбы за чистоту окружающей среды, объединения потребителей, гражданские союзы и др.); 5) государственные органы, воздействующие на экономику; 6) отдельные предприниматели и руководители корпораций, а также государственные чиновники; 7) формальные и неформальные

объединения предпринимателей. Власть каждого конкретного субъекта определяется ресурсами власти, которыми он обладает. «Ресурс власти — это некоторое свойство, черта, отличающая субъект власти от объекта власти и дающая субъекту доступ к инструменту власти... Владея ресурсом, субъект власти может предпринять определенные действия, которые, воздействуя на объекты власти, приводят к расширению его властного пространства» [9, с. 56].

В настоящее время в условиях глобализации особую актуальность приобретает вопрос о роли экономической власти в экономических межгосударственных отношениях. Между различными странами, отдельными корпорациями, финансовым капиталом идет борьба за рынки сбыта продукции, за обладание сырьем, за дешевую рабочую силу, сохранение собственной экологической среды. Неравные экономические условия существования государств позволяют экономически развитым странам навязывать свою волю слаборазвитым, диктовать выгодные условия для вложения своего капитала и получения прибыли. Ведущая роль в этом процессе принадлежит транснациональным корпорациям (ТНК), проводящим активную политику по обеспечению своих экономических и политических приоритетов в мире. Обладая значительной экономической мощностью, они используют экономические властные рычаги для регулирования процесса мирового экономического развития в своих интересах. От такой политики особенно страдают слаборазвитые страны, которые не в состоянии противостоять осуществляемой против них экономической экспансии. ТНК оказывают существенное экономическое воздействие не только на мировую хозяйственную систему, но и на политику отдельных государств и правительств, в случае необходимости принуждая их принимать выгодные для себя политические решения.

Политическая власть

Несмотря на общие признаки, свойственные власти как социологическому явлению, политическая власть в зависимости от политического режима имеет различную конструкцию, которая во многом определяет характер жизнедеятельности общества. Остановимся несколько подробнее на этом вопросе.

Политический режим понимается как способ организации и функционирования властных отношений. В обществе политический режим находит свое институциональное воплощение в политической системе. Главным субъектом властных отношений в политической системе выступает государство. Именно в государстве, прежде всего в организации государственной власти, воплощается ведущий принцип «режимного» властного регулирования.

Однако многообразие политического бытия свидетельствует, что один и тот же политический режим в разных странах, в различных общественных условиях, сохраняя в основном свои сущностные признаки, может варьировать в определенном диапазоне изменений, проявляться неодинаковым образом.

Рассмотрим наиболее существенные черты, свойственные организации и деятельности власти при тоталитаризме, авторитаризме и демократии.

Основные признаки тоталитаризма сформулированы З. Бжезинским и К. Фридрихом. К ним относятся: господство одной политической партии; опора на насильственные, принудительные методы осуществления власти; привлечение армии к осуществлению организованного насилия; наличие тотальной идеологии; монополия на средства массовой информации; подчинение экономики целям политики [14, р. 9-10]. Кроме того, тоталитарной организации политической власти могут быть свойственны и более частные признаки: главенство исполнительной власти над законодательной; совмещение в одном лице или органе высших законодательных и исполнительных функций; жесткая субординационная властная зависимость; наличие военно-административной бюрократической системы; примат тоталитарным образом понимаемых государственных интересов над личностными, групповыми, общественными; нетерпимость к инакомыслию, поиск врагов, подозрительность к людям; элитарность верхнего эшелона власти, его привилегированность; подчинение науки, культуры целям проводимой политики; консерватизм, догматизм, волюнтаризм и субъективизм в политике; властный контроль за благонадежностью граждан; отчуждение граждан от власти; создание соответствующих организационных структур, влияющих на формирование и воспитание молодежи; наличие отстоящей во времени привлекательной утопической или вероятно осуществимой цели общественного развития, якобы оправдывающей средства и приносимые жертвы на пути ее осуществления; формирование в сознании людей религиозно-фанатических установок в отношении к власти.

Названные признаки не исчерпывают всех возможных особенностей организации тоталитарной политической системы. К существенным признакам данного режима Х. Арндт относит вождизм: «Если рассматривать тоталитарное государство единственно как инструмент власти и оставить в стороне вопросы административной эффективности, индустриальных мощностей и экономической продуктивности, то его бесформенность окажется идеальным инструментом реализации так называемого принципа вождизма» [1, с. 527]. Вождь олицетворяет тотальность режима, так как сосредоточивает в своих руках всю полноту высшей власти.

При всех имеющихся недостатках тоталитарному режиму присущи свойства, которые делают его способным решать достаточно сложные задачи. Он обладает большой мобилизационной способностью. Сильная, опирающаяся на насилие и принуждение тоталитарная власть, может в короткие сроки мобилизовать массы на выполнение масштабных мероприятий. В рамках своей политической идеологической доктрины и целей данный режим может по-своему заботиться о развитии страны, о повышении жизненного уровня населения, о воспитании подрастающего поколения и молодежи, трудовой занятости, социальном обеспечении, здравоохранении, образовании, развитии культуры. По мере роста экономического могущества страны появляются возможности для

создания сравнительно обеспеченного существования населения. При тоталитаризме могут иметь место значительные достижения в развитии промышленности, науки и др.

В кризисных ситуациях возникновение тоталитарного режима может рассматриваться как способ разрешения социальных противоречий, как фактор, стабилизирующий общество. Он может служить также средством, обеспечивающим господство узкой группы лиц, выступать базой для насильственной реализации цели (утопической, реальной, вероятно осуществимой). Мера неизбежности тоталитаризма определяется уровнем остроты социальных противоречий. Чем они контрастней, резче, непримиримей, тем более велика вероятность установления тоталитарного режима. Избежать такого хода событий можно или путем своевременного разрешения возникших противоречий в обществе, или путем реформирования властно-управленческой системы на демократических началах. Но для этого нужны заинтересованные в демократических преобразованиях силы, ставящие своей целью не деструктивные (разрушительные) планы, реализация которых отбросила бы страну на десятки лет назад, а конструктивные, созидательно переходные, способные дать новый импульс общественному развитию. К сожалению, длительный период так называемых демократических преобразований в России осуществлялся по первому варианту.

Таким образом, тоталитаризм — это способ организации общественной жизни, основу которого составляет насильственное, принудительное навязывание воли со стороны наделенного высшей властью субъекта через систему специально созданных институтов с целью подчинения граждан, их деятельности политическому господству государственной власти. Тоталитаризм внутренне противоречив и недолговечен, чем он бесчеловечнее, тем более реально его ниспровержение. Но это зависит от уровня цивилизованности общества и других обстоятельств. Данный режим претерпевает изменения: он может быть властно жестким, репрессивным; в определенные периоды вмешательство власти в личную жизнь граждан может носить относительно ограниченный характер, репрессии не быть столь массовыми. Таковым является посттоталитаризм. Не исключена возможность постепенного преобразования посттоталитаризма в более мягкие формы властвования, а в отдельных случаях — выход на стадию демократических преобразований.

На первый взгляд может показаться, что авторитаризм имеет своей исторической предпосылкой монархический принцип организации власти. Однако это не так, имеются существенные различия между данными формами правления. Авторитаризм отличается от монархического правления тем, что верховная власть там носит не столько формальный, сколько активно действенный характер. Авторитарный лидер инициирует властную деятельность подчиненных структур, утверждая собственную волю или волю ближайшего окружения (властвующей элиты), интересы которого он представляет. Сам факт наличия «закрытости» политических интересов, целей и задач узкой группировки лиц,

причастных к высшим кругам власти, свидетельствует о противопоставлении данных интересов основной массе населения. Принудительная легитимность используется как фактор введения масс в заблуждение относительно подлинных интересов и устремлений власти. С этой целью, пытаясь придать привлекательность своей политике, власть спекулирует на использовании демократической терминологии, соответствующей интерпретации демократических ценностей. При доминирующей роли принудительной политики по отношению к основной массе населения авторитарная власть не в состоянии мобилизовать массы для активной поддержки своей политики. Гражданское общество сегментно разобщено, деятельность оппозиции сводится к минимуму. Плюрализм носит ограниченный характер, на политическом рынке господствующее положение занимают проправительственные СМИ. Все это делает авторитарный режим неустойчивым. Не находя серьезной внутренней поддержки, он вынужден иногда прибегать к помощи зарубежных стран, идя на значительные уступки их интересам. В обществе подспудно зреют силы, возникают группы интересов, стремящиеся к верховенству в структуре государственной власти. «Авторитарным режимам угрожает не подрыв их легитимности, а организация контрgegемонии: коллективные проекты альтернативного будущего. Только наличие коллективных альтернатив дает отдельной личности возможности политического выбора. Поэтому авторитарные режимы испытывают ненависть к независимым организациям и стараются или подчинить их контролю, или же подавить с помощью силы» [11, с. 95]. Авторитарная власть не заинтересована в осуществлении контроля над своей властью, поэтому делает все возможное, чтобы исключить таковой. Это делает авторитарный режим, если не по целям, то по характеру осуществляемых властных методов в большей или меньшей мере враждебным народу своей страны. Чем более олигархичен тоталитарный режим, тем более он враждебен собственному народу. В этой связи независимость авторитарного лидера от олигархических кругов, самостоятельность его политики, ориентированной на интересы нации, может рассматриваться на определенном историческом этапе развития страны как явление положительное.

Можно без преувеличения сказать, что роль и значение демократии для общественного мирового развития в условиях глобализации неизмеримо возрастает. Дело осложняют не только различия в демократическом устройстве государств, но и разногласия в понимании демократии.

Возьмем, например, известную работу С. Хантингтона «Третья волна. Демократизация в конце XX века». Ее автор полагает, что современное употребление понятия «демократия» берет начало от революционных переворотов в западном обществе конца XVIII в. «В середине XX в., — пишет он, — в ходе дебатов о смысле слова “демократия” выделились три основных подхода. Демократия как форма правления стала определяться исходя либо из источников власти правительства, либо из целей, которым правительство служит, либо из процедур его образования» [12, с. 16]. Первые два значения демократии не

совсем точны и двусмысленны. Наиболее правильным ученый считает процедурный подход, сформулированный в 1942 г. Й. Шумпетером, который подверг критике классические объяснения демократии с помощью абстрактных понятий, таких, как «воля народа», «благо народа» и др. Основанием для этого послужил факт возможности использования их в условиях недемократических режимов. Существенное внимание Шумпетер уделял лидерству, которому отводил ведущее место в процессе демократического взаимодействия. Суть его концепции заключается в следующем: «Демократический метод — это такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей» [13, с. 355]. Несмотря на краткость, определение в методологическом плане ценно следующим: 1) речь идет о демократическом методе организации властных отношений как сущностной процедуре, обуславливающей качество демократичности; 2) сам метод — производная соответствующего институционального устройства, предназначенного для принятия политических решений; 3) индивиды наделены властью, дающей возможность вести конкурентную борьбу за голоса избирателей. Достоинство данного подхода в том, что здесь по существу нет противопоставления институциональной и процессуальной (функциональной) сторон демократического процесса. Такая трактовка демократии, по мнению Хантингтона, позволило обеспечить аналитическую точность, эмпирическую референтность использования данного понятия, способствовало сокращению нормативных дискуссий, перенесла центр тяжести на проблемы, связанные с выяснением природы демократических институтов, механизмов их функционирования, выяснение причин их расцвета и гибели.

Основным механизмом процедурной демократии выступают честные периодические выборы, в ходе которых кандидаты свободно соревнуются за голоса избирателей, а голосовать имеет право практически все взрослое население. Важный показатель демократичности системы — отношение власти к оппозиции. Преследование, притеснение оппозиции — один из показателей недемократичности общества.

Наряду с этим Хантингтон считает нужным при определении демократии отметить следующие моменты.

1. Определение демократии на основе критерия выборов является минимальным (схватывающим главную суть данного явления). При этом ученый отмечает, что для некоторого понимания «подлинной демократии» связано с наличием свободы, равенства, братства, эффективного гражданского контроля над полицией, с ответственностью правительства перед населением, честностью и открытостью в политике, компетентной и рациональной совещательностью, равным участием в отправлении власти и другими гражданскими ценностями. Однако перечисленным признакам присущи такие же недостатки, как и пониманию демократии по критериям источника или цели. Поэтому автор

делает вывод: «Выборы, открытые, свободные и честные, — суть демократии, ее неизбежное *sine qua non*» [13, с. 20].

2. Понятие демократии подразумевает ограничение власти; выборные лица, принимающие решения, не должны обладать тотальной властью;

3. Жизнеспособность демократической политической системы зависит от ее стабильности и институализации.

4. При выработке методологического основания в понимании вопроса о соотношении демократичности и недемократичности как дихотомической или непрерывной величины дихотомический подход более соответствует цели исследования, так как предоставляет возможность понять процесс перехода от недемократического режима к демократическому.

5. При недемократических режимах нет избирательного соревнования и широкого участия в голосовании. К таким режимам относятся абсолютные монархии, бюрократические империи, олигархии, аристократии, конституционные режимы с ограниченным избирательным правом, личные деспотии, фашистские и коммунистические режимы, военные диктатуры и другие типы правления.

Таким образом, Хантингтон демократию понимает как властное взаимодействие в обществе, основу которого составляет механизм, обеспечивающий участие взрослого населения в выборах своих представителей в соответствующие властные структуры. Кандидаты ведут между собой конкурентную борьбу за голоса и, если правила данной процедуры отвечают демократическим требованиям, то данный режим является демократическим. Хантингтон ограничивает понимание сущности демократии процессуальным ракурсом, это позволяет ему быть в своих суждениях и выводах достаточно конкретным.

В зависимости от особенностей общества демократии может быть больше или меньше. Возможно существование полудемократических режимов. Существенное влияние на возможность демократических преобразований оказывает уровень экономического развития общества: «Демократия в какой-то мере предопределяется властью большинства, и ее трудно добиться в условиях концентрации неравенства, когда огромное, доведенное до обнищания большинство противостоит малочисленной богатой олигархии». В другой работе по этому поводу Хантингтон говорит: «Большинство бедных обществ останутся недемократическими до тех пор, пока будут оставаться бедными» [12, с. 79, 337].

По-своему понимает демократию Р. Даль, использующий понятие полиархии для характеристики современного состояния демократии в мире. В самом общем плане он рассматривает ее как набор политических институтов, необходимых для крупномасштабной демократии. Этому способствовали масштабные изменения в мире, следствием чего явилось представительное управление, большое многообразие, возрастание различий и конфликтов, обусловивших возникновение соответствующего набора современных институтов демокра-

тии. Для полиархии присуще значительное количество групп и организаций, «поразительное расширение индивидуальных прав». Как политическому строю ей свойственны две черты: «Гражданство распространено на сравнительно большую часть взрослого населения. Права гражданства включают возможность выступать против высших должностных лиц в правительстве и смещать их посредством голосования» [5, 340]. Полиархию следует понимать как политический порядок, определяемый наличием семи следующих институтов: 1) выборных властей; 2) свободных и справедливых выборов; 3) избирательного права, позволяющего принимать участие взрослому населению в голосовании; 4) права претендовать на избрание; 5) свободы выражения своего мнения; 6) альтернативных источников информации; 7) организационной самостоятельности (имеется в виду право граждан на формирование сравнительно самостоятельных организаций или ассоциаций).

«Полиархия обеспечивает широкий набор человеческих прав и свобод, которые не может гарантировать ни одна из реально существующих в современном мире альтернатив. Как отмечает Р. Даль, отношение к полиархии в разных странах различно. Там, где она существует длительное время, «пресыщены ее институтами и оскорблены недостатками», там, где нет полиархии, демократы, лишённые этих институтов, находят их весьма желательными и безупречными». «Полиархия обеспечивает широкий набор человеческих прав и свобод, которые не может гарантировать ни одна из реально существующих в современном мире альтернатив ей» [5, с. 343-344].

Полиархические страны различаются по степени соответствия их правительства критериям демократического процесса. Рассмотрим, какие критерии выделяет Р. Даль.

1. Контроль над правительственными решениями, касающимися политического курса, конституционно закреплён за выборными должностными лицами.
2. Выборные должностные лица определяются и мирно смещаются в ходе сравнительно частых, справедливых и свободных выборов, при этом принуждение вполне ограничено.
3. Практически всему взрослому населению дано право участвовать в этих выборах.
4. Большая часть взрослого населения также имеет право выступать в качестве кандидатов на официальные должности, за которые идет соревнование на этих выборах.
5. Граждане реально пользуются правом на свободное самовыражение, особенно политическое, включая критику должностных лиц, действий правительства, преобладающей политической, экономической, социальной системы и господствующей идеологии.
6. Они также имеют свободный доступ к альтернативным источникам информации, не находящейся под монопольным контролем правительства или любой другой единичной группы.

7. Наконец они имеют эффективно обеспечиваемое право образовывать самостоятельные ассоциации и вступать в них, включая политические объединения, такие, как политические партии и группы интересов, стремящиеся влиять на правительство, используя для этого конкуренцию на выборах и другие мирные средства.

В демократическом государстве военные и полиция должны быть поставлены под гражданский контроль. Общество, которое наиболее соответствует полиархии, Р. Даль называет современным динамическим плюралистическим обществом (СДП). Для него характерны следующие признаки: относительно высокий уровень доходов и богатства на душу населения; их возрастание на протяжении длительного времени; высокий уровень урбанизации; сокращение занятого в сельском хозяйстве населения; многообразие сфер профессиональной деятельности; широкое распространение грамотности; сравнительно большое число лиц, посещающих высшие учебные заведения; относительно автономные фирмы, играющие определяющую роль в производстве; высокий уровень «традиционных индикаторов благосостояния», таких, как количество врачей на 1000 жителей, покупательная способность семей и т.д. Все многообразие этих свойств, согласно Далю, можно свести к двум основным. «Во-первых, СДП общество рассредоточивает власть, влияние, авторитет и контроль, ранее концентрировавшиеся в едином центре, между различными индивидами, группами, ассоциациями и организациями. Во-вторых, оно способствует появлению установок и убеждений, подготавливающих почву для развития демократических идей. И хотя эти две черты СДП общества возникают независимо, зародившись, они подкрепляют друг друга» [5, 383].

Полиархию нельзя создать искусственным образом там, где для этого не созрели соответствующие условия. Поэтому автор далек от того, чтобы прогнозировать в ближайшее время бурное развитие полиархии в большинстве современных недемократических стран. Тенденция такова полиархия в мире постепенно прогрессирует, распространяется, но процесс этот сложный и противоречивый, для ряда стран он будет носить затяжной характер.

А. Лейпхарт не согласен с традиционно установившимся мнением, что в многосоставных обществах трудно создать и поддерживать стабильный политический режим, как это бывает в обществах, где налицо стабильность и политическое согласие. Он считает, что достичь и поддерживать стабильное демократическое правление в условиях многосоставного общества хотя и трудно, но возможно, Такую форму демократии Лейпхарт называет общественной демократией. «При общественной демократии центробежные тенденции, присущие многосоставному обществу, уравновешиваются установками на взаимодействие и соответствующим поведением лидеров различных сегментов общества. Сотрудничество элит — первая и основная отличительная черта общественной демократии» [7, с. 36].

Понятие демократии у А. Лейпхарта синонимично полиархии Р. Даля. Лейпхарт выделяет четыре элемента общественной демократии: 1) осуществление власти большой коалицией политических лидеров всех значительных элементов многосоставного общества; 2) взаимное вето; 3) пропорциональность как главный принцип политического представительства; 4) высокая степень автономности каждого сегмента в управлении своими внутренними делами. Он дает следующие разъяснения по данному поводу: «Важнейшую черту большой коалиции составляет не ее конкретное институциональное устройство, а участие лидеров всех крупнейших сегментов в управлении многосоставным обществом» [7, с. 66]. Стиль политического управления в общественной демократии основан на объединении интересов. Особенности большой коалиции зависят от размеров страны, численности сегментов, других факторов. Участие в этой коалиции дает важную политическую гарантию сегментам, составляющим меньшинство. Для надежности гарантии необходимо, чтобы меньшинство обладало правом вето, которое синонимично «совпадающему большинству» «Взаимное вето может быть и неформальной неписаной договоренностью, и официально оформленным правилом, и закрепленной в конституции нормой» [7, с. 74].

Согласно Лейпхарту, принцип пропорциональности применяется двояко: во-первых, он является методом, с помощью которого между представителями различных сегментов распределяются посты в системе государственной службы, а также ограниченные финансовые ресурсы в форме правительственных субсидий; во-вторых, он используется в делегировании права принятия наиболее трудных и важных решений признанным лидерам, представляющим все сегменты общества. Наконец, как уже говорилось, автономия сегментов предусматривает самоуправление меньшинств, в сфере своих исключительных интересов. Особой формой автономии выступает федерализм.

В отличие от С. Хантингтона и Р. Даля, А. Лейпхарт основное внимание сосредоточил на характере взаимоотношений сегментов многосоставного общества, обеспечивающем наличие общественной демократии. Данное направление исследования позволяет выявить наиболее важные составляющие, ориентируясь на которые можно разрабатывать и использовать соответствующие технологии.

В разных странах демократия как политический строй имеет свои особенности. В. Меркель и А. Круассон даже пришли к обоснованию существования «дефективной демократии», т.е. демократии, которая не по всем параметрам соответствует данному режиму. «Мы определяем “дефективную демократию” как систему господства, в которой доступ к власти регулируется посредством значимого и действенного универсального “выборного режима” (свободных, тайных, равных и всеобщих выборов), но при этом отсутствуют прочные гарантии базовых политических и гражданских прав и свобод, а горизонтальный властный контроль и эффективность демократически легитимной власти серьезно ограничены» [8, с. 7].

Авторы выделяют шесть параметров, на основании которых можно определить политические режимы различных типов: легитимация господства; доступ к господству; монополия на господство; притязание на господство; структура господства; способ осуществления господства. Это позволяет им сформулировать трехмерный концепт «дефективных демократий», основу которого составляют три измерения: 1) всеобщее избирательное право; 2) эффективная монополия на господство со стороны демократически легитимных правительств; 3) либеральное правовое и конституционное государство.

Особое внимание авторы уделяют третьему измерению. Либеральные демократы, по их мнению, ограничены конституционно-правовыми нормами и процедурами, имеют гарантии, обеспечивающие взаимный контроль ветвей власти, основные гражданские права и свободы. Когда выбранные народом представители отступают от данных основных принципов», действуют в обход парламента или судебной власти или когда правовое государство умышленно и хронически «повреждается», то такая демократия является «дефективной». Авторы называют ее подтипом «нелиберальной демократии». Наряду с ней в качестве подтипов «дефективной» демократии они выделяют «исключающую демократию» и «анклавную демократию». В первой ограничено всеобщее избирательное право, во второй — конституционно-правовые гарантированные границы отменены в функциональных и территориальных анклавах, монополия на господство выборных конституционных органов власти является неформальной или ограничена с помощью права вето.

Рассмотренные концепции свидетельствуют о том, что проблема демократии на сегодняшний день чрезвычайно актуальна. Как правило, главный акцент делается на исследовании механизма, обеспечивающего демократические свободы и права, благополучное существование граждан в обществе. Демократия рассматривается преимущественно в сравнительном политологическом плане, на основании чего выделяются критерии, признаки, характерные для данного явления, дается концептуальное обоснование своего видения происходящих в мире демократических процессов.

Исследователи не ограничивают понимание демократии сферой политических отношений, справедливо считая, что обществу в целом присуще качество демократичности. В заключение можно сделать следующие выводы:

- 1) создана относительно хорошо разработанная теоретическая база для фундаментальных исследований проблем современной демократии;
- 2) спектр понимания демократии широк, о чем свидетельствует наличие различных подходов к исследованию данного явления;
- 3) демократия в основном мыслится как развивающееся, изменяющееся явление, динамический процесс, носящий внутренне противоречивый характер, как результат институционального и процедурного властного взаимодействия между гражданским обществом и государством, между сегментами общества

по поводу формирования властных структур и демократического принятия политических решений.

Библиографический список

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.
2. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс-Универс, 1993.
3. *Вебер М.* Национальное государство и народнохозяйственная политика // Вебер М. Политические работы (1895–1919). М.: Праксис, 2003.
4. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
5. *Даль Р.* Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003.
6. *Келсо Л.О., Келсо П.Х.* Демократия и экономическая власть. Ростов н/Д: Феникс, 2000.
7. *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997.
8. *Меркель В., Круассан А.* Формальные и неформальные институты в дефективных демократиях // Полис. 2002. № 1.
9. *Мовсесян А., Либман А.* Фактор власти в экономике // Власть. 2002. № 3.
10. *Мивениерадзе В.В.* Размышления о власти // Власть: Очерки современной философии Запада. М.: Наука, 1989.
11. *Пшеворский А.* Демократия и рынок: Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 1999.
12. *Хантингтон С.* Третья волна: Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.
13. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм, демократия. М.: Экономика, 1995.
14. *Friedrich C.J., Brzezinski Z.K.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge (Mas.): Harvard Univ. Press, 1956.

О КОНЦЕПЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО БАЗИСА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

Д.А. Диденко, А.А. Шудренко, М.Н. Фефелов*

В предстоящие пять лет национальная инновационная деятельность должна пройти стадию серьезной модернизации. Необходимость модернизации определяется:

- полномасштабным вступлением России в международное экономическое сообщество, представленное ВТО;
- продолжающимся устареванием и массовым выбытием из оборота основных производственных фондов;
- надвигающимся экологическим и энергетическим кризисом.

Эти и другие глобальные проблемы в значительной мере коснутся и Краснодарского края. В данный период особенно остро встает вопрос о том, какие новые инфраструктуры, технологии и продукты лягут в основу обновленного национального хозяйства, поскольку от этого зависит динамика промышленного и экономического развития ближайших и последующих десятилетий и устойчивость социального состояния государства.

Проблема масштабного увеличения валового регионального продукта (ВРП) как источника бюджетных доходов для Краснодарского края сегодня более чем актуальна. Несмотря на чрезвычайные усилия, предпринимаемые краевой администрацией, наполняемость краевого бюджета является сегодня *проблемой номер один*. Попытки извлечь новые доходы только за счет усиления налоговой

* Диденко Дмитрий Андреевич — директор по развитию Некоммерческого партнерства «Инновационно-технологический центр «Кубань-Юг». Электронная почта: dmitrydi@itc.kubannet.ru.

Шудренко Алексей Алексеевич — генеральный директор Некоммерческого партнерства «Инновационно-технологический центр «Кубань-Юг». Электронная почта: shudrenko@kubsu.ru.

Фефелов Максим Николаевич — начальник финансово-экономического управления Законодательного Собрания Краснодарского края. Электронная почта: fmn@kubzsk.ru.

дисциплины не позволяют надеяться на двух трехкратное увеличение краевого бюджета.

Актуальная структура экономики края не обладает таким потенциалом даже в скрытой форме. Реально это возможно только при полномасштабном поэтапном переходе к интенсивному развитию инновационной составляющей краевой экономики. Для успешного перехода к инновационной экономике должны быть созданы и активизированы четыре главных механизма регионального базиса НИС:

- 1) выявление проблем развития на муниципальном и региональном уровне;
- 2) формирование стратегии развития и комплекса инновационно-инвестиционных проектов;
- 3) интеграция всех стратегических исполнителей инновационно-инвестиционных проектов в единую команду, способную эффективно осуществлять связанную со стратегией развития и проектами инновационную деятельность;
- 4) привлечение и интеграция финансовых ресурсов для проектов на основе частно-государственного партнерства [1].

Во второй половине XX в. США и страны Западной Европы смогли навязать ряду развивающихся стран стратегию догоняющего развития (догоняющей модернизации) [2]. Уже в 1990-е гг. негативные последствия названного типа глобализации для большинства развивающихся и новых индустриальных стран приобрели явный и системный характер. Кризис вызван рассогласованием как между *базовыми процессами* неоиндустриального развития с опорой на инновационный комплекс, так и между *ключевыми инфраструктурами*, обеспечивающими обращение мировых ресурсов. Ключевыми являются человеческие (физические и духовные), биосферные и организационные ресурсы. Доставшиеся нам в наследство от предыдущего этапа индустриального развития ключевые инфраструктуры не способны справиться с новыми геоэкономическими вызовами и резко возросшими темпами постиндустриального развития.

Поэтому *полномасштабный переход региона на инновационный путь развития через механическое копирование зарубежного опыта, как и надежда на широкомасштабную финансовую помощь сверху или из-за рубежа обречены на неудачу*. Причин тому много, но их исследование не имеет практического смысла.

К успеху может привести объективный анализ сложившегося состояния развития Кубани и разработка решений, соответствующих реальным возможностям региона.

В основе предлагаемого принципа организации инновационной инфраструктуры лежит взгляд, согласно которому уровень муниципальных образований является основным, первичным источником проблем развития общества. Локальные проблемы отдельных муниципальных образований, суммируясь,

превращаются в региональные проблемы. Последующая межрегиональная интеграция формирует проблемы национального уровня. Таким образом, именно на уровне муниципального общества формируются базовые потребности государства в целом. *Эти потребности носят объективный характер, и востребованность удовлетворяющих их товаров и услуг имеет абсолютный характер.*

Именно эти базовые потребности (потребности среды существования) отражены в федеральном и краевом законах об общих принципах организации местного самоуправления. Удовлетворять эти объективные потребности (особенно новые или модернизированные) целесообразно именно инновационными методами. Только на этом пути можно надеяться на успех в конкурентной борьбе с потоком импорта продуктов и услуг, который существует в России и неизбежно увеличится после вступления в ВТО.

Выбор конкретной формы инновационного развития должен учитывать критические и наиболее перспективные направления развития Кубани: снижение затрат производства и потребления (энергосбережение и ресурсосбережение), импортозамещение и др.

Разработанный Инновационно-технологическим центром «Кубань-Юг» региональный базис национальной инновационной системы содержит схему организации инновационной инфраструктуры Краснодарского края, выполняющую ряд функций.

Функция выявления проблем развития предполагает способность определять характер развития (устойчивый, стабильный, нестабильный, неустойчивый) региона и соответствующие реальные проблемы жизнедеятельности общества через выявление объективных (растущих, модернизированных или новых) потребностей, а также интеграцию локальных проблем и доступных ресурсов развития муниципальных образований в программы развития, выраженные в форме стратегий развития и инновационно-инвестиционных проектов.

Функция формирования стратегии и проектов развития включает в себя способность эффективно выбирать наиболее перспективные научные, инженерные, технологические, организационные инновационные решения актуальных проблем развития, а также способность привлекать и интегрировать финансовые ресурсы для проекта независимо от форм собственности на основе частно-государственного партнерства.

Функция интеграции стратегических исполнителей инновационно-инвестиционных проектов в единую команду, способную эффективно осуществлять инновационную деятельность, требует модернизации системы образования в направлении получения инновационных знаний и практических навыков.

Организационно-функциональная структура регионального базиса НИС как системы функциональных комплексов приведена в табл. 1. Так, например, блок 2А содержит функции региональной государственной власти на этапе вы-

явления и формирования новых и модернизированных общественных потребностей. Здесь основными функциями являются:

- интеграция локальных проблем в проблему регионального развития в форме региональной целевой программы;
- формирование региональных бизнес-запросов с указанием полной суммы доступных ресурсов (суммы локальных и региональных).

В блок 2Б входят функции региональной государственной власти, связанные с использованием имеющегося в Краснодарском крае интеллектуального потенциала и накопленного ранее интеллектуального капитала:

- выбор научного, инженерно-технического, технологического или иного инновационного решения региональной или локальной проблемы на конкурсной основе;
- организация, активизация и управление системой инновационного образования на Кубани.

Детализация функций входящих в каждый структурно-функциональный модуль является одной из важнейших задач построения регионального базиса НИС, которая должна решаться совместно с органами государственной власти и местного самоуправления.

Таблица 1

Функции и структура регионального базиса Национальной инновационной системы

Уровни и этапы инновационной деятельности	(А) Проблемы развития (выявление потребностей)	(Б) НИОКР	(В) Организация производства	(Г) Удовлетворение потребностей
1. Муниципальное образование	Блок 1. Комплекс функций контроля и управления инновационным развитием муниципального образования (районы, города поселения Краснодарского края)			
2. Регион	Блок 2. Комплекс функций контроля и управления инновационным развитием региона (Краснодарский край)			
3. Федеральный округ	Блок 3. Комплекс функций контроля и управления инновационным развитием федерального округа (Южный федеральный округ)			

Процессная часть регионального базиса НИС содержит полный цикл инновационной деятельности, включающий четыре основных этапа: выявление проблемы развития как новой потребности общества, поиск научно-технического решения проблемы, поиск коммерческого решения, удовлетворение потребности общества.

Укрупненные этапы и процессы полного цикла инновационной деятельности перечислены в табл. 2. Помимо собственно этапов и составляющих эти этапы процессов в таблице указаны основные (типичные) участники инновационного процесса в ходе формирования «инновационной команды» и исполнения инновационно – инвестиционного проекта. В табл. 2 приведены также основ-

ные ожидаемые результаты каждого этапа (для стратегического планирования конкретного инновационного проекта это будут основные цели этапов).

Т а б л и ц а 2

Основные процессы полного цикла инновационной деятельности

Этап	Процессы	Участники /результат	
1. Мониторинг проблем развития	Анализ тенденций развития	Автор	Постановка проблемы
2. НИОКР	Фундаментальные и поисковые исследования по актуальным проблемам развития Стратегический маркетинг рынка предполагаемого инновационного продукта (метарынок) Прикладные исследования по проблемам развития Опытно – конструкторское проектирование Разработка бизнес-запроса	Автор Инвестор	Неотъемлемое авторское право Разделяемое право на интеллектуальную собственность
3. Создание и активизация предприятия	Стратегический маркетинг рынка инновационного продукта, мета продукта и субпродуктов Разработка бизнес-предложения Разработка стратегии развития Решение о создании предприятия Разработка, согласование и утверждение бизнес-плана первого стратегического этапа развития	Автор Организатор	Бизнес-предложение Стратегия развития Договор о совместной деятельности Бизнес-план
4. Мониторинг бизнеса	Формирование модели мониторинга Мониторинг и принятие решений о развитии бизнеса	Инвестор Организатор	Модель и проект мониторинга Стратегические решения
5. Производство товаров и услуг для удовлетворения потребностей	Оперативный маркетинг рынка	Организатор	
6. Мониторинг потребностей	Разработка стратегии развития общества с целью наиболее полного удовлетворения новых индивидуальных и общественных потребностей Разработка бизнес-запроса по выявленной новой проблеме развития	Автор	Стратегия развития Бизнес-запрос

Здесь выделяются три ключевые группы системных процессов инновационной деятельности:

- 1) формирование проблемы развития как неудовлетворенной индивидуальной или общественной потребности (этапы 1 и 6);
- 2) научно-техническое, конструкторско-технологическое и организационное решение проблемы развития (этапы 2-4);
- 3) рыночное решение проблемы как процесс удовлетворения существующей потребности в новых товарах и услугах (этап 5).

Только качественное выполнение совокупности всех системных процессов инновационной деятельности позволяет обеспечить успешное достижение инновационных целей и целей развития.

Как видно из табл. 2, инновационная деятельность имеет циклический характер. Особенно отчетливо это наблюдается, если все этапы инновационной деятельности рассматривать с точки зрения возникновения и удовлетворения индивидуальных и общественных потребностей. Очевидно, что любой новый продукт создается не с какой-то абстрактной целью, а для удовлетворения новой или развившейся потребности. Однако каким бы совершенным новый продукт ни был, рано или поздно выяснится, что он не полностью удовлетворяет имеющуюся потребность, либо в процессе потребления продукт сформировал новую потребность (модифицировал имеющуюся). С каждым годом все чаще станут возникать также ситуации исчерпания тех или иных невосполнимых природных ресурсов, необходимых для производства продуктов.

Но как раз эти ситуации и лежат в основе выявления и формирования проблем развития общества, т. е. в основе инновационной деятельности. Главной задачей совершенствования региональной инновационной инфраструктуры является создание активно действующего механизма выявления и решения проблем развития региона, муниципального образования, предприятия.

Однако региональная (локальная) инновационная инфраструктура станет максимально эффективным инструментом инновационной деятельности только в рамках НИС. Одним из ключевых аспектов строительства НИС в форме федерального центра и разветвленного регионального базиса инновационной деятельности является правильное (адекватное реальным потребностям и проблемам развития) соотношение функций (прав и ответственности) каждого из уровней. В качестве основы строительства регионального базиса НИС может быть использована система принципов инновационного развития региона.

Как мы уже отмечали, ключевой функцией является выявление полной картины объективных индивидуальных и общественных потребности развития в местном сообществе. Эта функция далеко не так проста, как кажется на первый взгляд. Остановимся на ней подробнее, так как качество определения объективной потребности развития и полнота картины обуславливает успех инновационной деятельности. Объективное определение индивидуальной или общественной потребности развития требует ответа на три основных вопроса.

1. В чем собственно состоит проблема развития, что лежит в основе индивидуальной или общественной неудовлетворенности, какие предыдущие процессы жизнедеятельности привели к появлению новой проблемы развития, является ли новая потребность устойчивой или носит однократный характер. Эти и другие аспекты понимания возникшей потребности должны в конечном итоге осветить первопричины новой проблемы развития, ее корни. Это очень важный момент в инновационной деятельности, так как только устранение коренных причин позволяет надеяться на решение проблемы. Устранение причин только на время устраняет проблему, в новых обстоятельствах или в другое время проблема, вероятно, проявится снова. Методика систематического анализа потребностей развития и формирования аргументированной системы неудовлетворенных индивидуальных и общественных потребностей должна обеспечивать формирование базы данных основных потребностей развития муниципального образования с детальным описанием причины возникновения каждой потребности, истории ее развития (в том числе истории попыток удовлетворения). Должны быть также указаны объем (текущий и перспективный) потребности, первичная схема ее удовлетворения потребности и другие данные.

2. Какими ресурсами, временными, трудовыми, материальными и иными располагает местное общество для кардинального решения новой проблемы развития; достаточно ли этих ресурсов для решения проблем; может ли местное сообщество самостоятельно удовлетворить возникшую потребность или потребуются объединение усилий с другими местными сообществами? Какая-то часть проблем потребует привлечения региональных и федеральных ресурсов. Методика (ресурсная) должна содержать принципы объективного учета всех видов доступных ресурсов муниципального образования, включая их описание, состояние и перспективы использования.

3. Далее, необходимо формировать ясное понимание ожидаемого результата от решения новой проблемы развития. Каковы критерии успешного удовлетворения новой потребности общества?

4. Ответы на эти и другие подобные вопросы должны сформировать для органов местного самоуправления конкретную реальную платформу для принятия решения о путях развития, в том числе и инновационных. Методика альтернатив развития позволит разрабатывать оптимистичную, наиболее вероятную и пессимистичную последовательность событий на выбранном пути развития. Для сравнения альтернатив должны выбираться две группы показателей: по процессу и результату развития. Показатели хода процесса должны содержать основные этапы исполнения стратегии с оценкой затрат (временных, финансовых и пр.) и систему угроз (стратегических, экономических, социальных, финансовых и др.). Результаты развития должны быть объективны и содержательны, допускать прямое измерение или совершенно четкую оценку (расчет) на основе фактических данных. Обязательным элементом при выборе альтернатив является постоянная оценка влияния результатов на окружающую

среду и прогноз необратимых негативных последствий. Система мониторинга результатов развития — неотъемлемая составляющая регионального базиса НИС.

По мере продвижения проблемы развития к своему решению на нижнем и более высоких уровнях государственного управления должны выполняться следующие основные функции инновационной деятельности:

- объединение местных (локальных) проблем в проблему регионального развития;
- интеграция местных и региональных ресурсов с целью повышения эффективности их использования (через концентрацию ресурсов в противовес их первоначальной раздробленности);
- интеграция региональных проблем в целевые программы в рамках федеральных округов или Российской Федерации в целом;
- дополнение (при необходимости) суммы региональных ресурсов необходимыми федеральными ресурсами;
- поиск научного, инженерного, технологического или иного инновационного решения на конкурсной основе.

Преимущество предлагаемого подхода заключается в том, что на его осуществление не требуются большие финансовые инвестиции. Для формирования и активизации регионального базиса НИС вполне достаточно возможностей развития, заложенных в краевом бюджете.

Эти доступные инвестиции, вложенные в перспективу инновационного пути развития, создадут в ближайшие годы массив интересных для широкого круга предпринимателей инновационно-инвестиционных проектов, которые могут исполняться на основе паритетного частно-государственного финансирования.

Как известно, основной проблемой финансового инвестора является нейтрализация системы угроз исполнению инновационно-инвестиционных проектов и минимизации потерь инвестиций и прибыли. Одной из центральных угроз инвестициям является фактическая не востребованность результатов проекта, куда были вложены инвестиции. Причин не востребованности несколько:

- неактуальность продукта, услуги, слабая маркетинговая проработка потребности;
- не востребованность научных и инженерно – технологических разработок из-за опережающих темпов развития общественных потребностей относительно развития науки;
- ошибочность оценок необходимых и доступных ресурсов проекта и другие.

Об этих и других причинах низких темпов инновационного развития экономики России говорят ученые и экономисты, администраторы высокого ранга, политические и экономические аналитики.

Проявляется сложившаяся ситуация через дефицит высококачественных инновационно-инвестиционных проектов практически во всех инвестиционных сферах.

Таким образом, второй ключевой задачей регионального базиса НИС является создание и активизация системы формирования стратегий инновационного развития и комплексов инновационно-инвестиционных проектов, обеспечивающих создание условий для удовлетворения общественных и индивидуальных потребностей. Иными словами, речь идет о формировании и продвижении полноценного комплекта проблемной документации, отражающей реальное состояние дел, цели и ресурсы развития на каждом этапе инновационно-инвестиционной деятельности.

Основные требования к системе проблемной документации следующие:

- максимальная востребованность проектов;
- высокая степень «прозрачности» стратегии и проектов для всех ключевых участников процесса развития;
- документированность всех этапов инновационной деятельности;
- актуальность документации проекта.

Важной функцией регионального базиса НИС является функция интеграции всех стратегических исполнителей инновационно-инвестиционных проектов в единую команду, способную эффективно осуществлять инновационную деятельность. Качественное исполнение этой функции требует модернизации системы образования в направлении получения инновационных знаний и практических навыков инновационно-предпринимательской деятельности.

Для чего необходимо инновационное образование и навыки инновационной деятельности? Чтобы аргументировано ответить на этот вопрос, еще раз обратимся к содержанию комплекса функций региональной государственной власти и местного самоуправления на всех этапах инновационного пути решения проблем развития.

В состав комплекса функций регионального базиса НИС на каждом организационном (структурном) уровне входят функции, соответствующие четырем основным этапам полного цикла инновационной деятельности и направлениям развития.

Общий взгляд на перечисленные функции позволяет сделать два важных вывода:

1) на каждом этапе инновационной деятельности отдельные функции или группы функций могут исполнять разные люди (государственный чиновник, автор идеи, организатор проекта, инвестор и др.); объединенные конечной социально-экономической целью эти люди образуют так называемую стратегическую команду; главная функция стратегической команды — разработка стратегии решения проблемы развития и организация ее успешного поэтапного исполнения через комплекс инновационно-инвестиционных проектов;

2) значительное количество функций регионального базиса НИС не относится к традиционным (действующим) функциям региональной власти и местного самоуправления, а являются новыми функциями. Поэтому исполнению новых функций надо учиться.

Одновременно с детализацией функций регионального базиса НИС должна осуществляться разработка законодательного и нормативно-методического обеспечения этих функций, а также необходимый комплекс учебных материалов и программ для обучения соответствующих специалистов. Обучение должно, безусловно, включать освоение комплекса новых знаний, однако главная задача системы такого инновационного образования — получение практических навыков организации и ведения инновационной деятельности на соответствующих этапах и уровнях.

Чтобы такая модель регионального базиса НИС воплотилась в жизнь, каждая из инновационных организаций должна определить свое положение (функции и права) и свою ответственность в процессе развития. Достоинство предлагаемого подхода заключается в том, что многие функции регионального базиса НИС уже исполняются в структурах государственной власти, и требуется только их модернизация для включения инновационных разделов в соответствии с нормативно-методическими материалами.

В свою очередь, негосударственные инновационные организации также практически выполняют некоторые из функций регионального базиса НИС. Предлагаемая форма организации инновационной деятельности позволит упорядочить деятельность этих организаций и сконцентрировать все усилия на достижении конечных результатов инновационного развития.

Из перечисленных системных функций регионального базиса национальной инновационной системы Инновационно-технологический Центр «Кубань-Юг» способен выполнять (и уже выполняет) такие *системообразующие* функции, как:

- 1) развитие и совершенствование инновационной инфраструктуры края как регионального базиса национальной инновационной системы;
- 2) организация систематического мониторинга проблем развития, требующих инновационных решений;
- 3) разработка и участие в осуществлении инновационных стратегий устойчивого развития;
- 4) разработка и участие в осуществлении бизнес-планов на различных стратегических этапах;
- 5) организация и проведение постоянно действующей системы конкурсного отбора инновационно-инвестиционных проектов для финансирования из различных частно-государственных источников;
- 6) инновационный менеджмент промышленных предприятий и муниципальных образований;

7) организация участия инновационных структур в национальных и международных выставках.

Объективной тенденцией развития (через возникновение и удовлетворение новых индивидуальных и общественных потребностей) является ускорение этих процессов. В последние десятилетия все более четко отмечается неготовность активной (предпринимательской) части общества к адекватной реакции на новые условия деятельности. Причина, по мнению авторов, в противоречии между растущими прагматическими потребностями общества и медленно адаптирующейся системой образования. Возможное решение проблемы — в создании постучебной системы порождения и применения прагматических знаний, встроенной в региональную (национальную) систему инновационной деятельности.

Практика работы Инновационно-технологического центра «Кубань-Юг» с инициаторами (авторами) более чем 300 инновационных проектов Краснодарского края в самых различных областях выявила некоторые устойчивые негативные особенности проектов: низкое качество проработки проекта в целом, отсутствие стратегии развития проекта, чрезвычайно слабая аргументация ключевых аспектов — потребность в инвестициях и прибыльность проекта.

Поскольку проект есть всего лишь письменное изложение идей его автора, указанные особенности свидетельствуют о неспособности автора связно и аргументировано продумать и изложить всю систему проекта от возникновения идеи и до рыночного удовлетворения соответствующей потребности; очень часто причина этого — в незнании автором проекта основ современной предпринимательской деятельности. Достаточно часто инициатор проекта не умеет также правильно сформулировать систему (дерево) последовательных целей, альтернативных путей их достижения и необходимых для каждого пути ресурсов.

Мы убеждены, что первопричиной такого положения дел является отсутствие систематических и достаточно глубоких знаний основ, а главное, практики предпринимательской деятельности как одного из видов жизнедеятельности человека в современном обществе. Иными словами, этому не учили ни в школе, ни в вузе. А нужно ли этому учить систематически? Ответ однозначен: да, нужно!

А какова реакция общества как суммы индивидуальностей на эту объективную тенденцию развития? Реакция крайне неутешительна — в целом четко проявляется растущая неготовность общества и личности к жизни ускоренного типа в современных условиях. Одной из возможных причин этого явления может быть существенное противоречие между реальными потребностями общества и личности в постоянном производстве и применении прагматических знаний и возможностями, которые дает система высшего образования, а именно усвоение определенной части накопленной ранее человечеством суммы

знаний и получение некоторых начальных навыков их применения. Конечно, это противоречие возникло не вдруг, и какое-то время частичным решением проблемы было создание и широкое применение постоянно действующей системы переподготовки и повышения квалификации кадров. Однако цель, поставленная перед этой системой, изначально была ограничена, и система переподготовки не обеспечила адекватную реакцию на новую проблему развития. Решение проблемы известно уже давно и заключается в создании новых знаний. Но скорость реакции науки на прагматические потребности личности и общества неудовлетворительна.

В прагматической сфере жизнедеятельности общества, прежде всего в бизнесе, имеется объективная потребность постоянном решении информационно достаточно определенных проблем. Главным критерием в данной ситуации является скорость поиска и принятия решения проблемы. Все увеличивающаяся интенсивность бизнес-процессов ставит вопрос очень жестко: даже самое лучшее решение проблемы, предложенное с опозданием, может оказаться невоспребованным, так как практическое применение найдет то решение, которое будет предложено своевременно, пусть оно и не самое эффективное.

Одним из слабых звеньев действующей системы образования является отсутствие системы обучения высококвалифицированных молодых специалистов современным теоретическим и практическим аспектам и методам стратегического планирования и управления процессом роста и развития, поиску, принятию и осуществлению высокоэффективных решений. Разрозненные процессы консалтинга и тренингов по этим вопросам не могут рассматриваться как национальная система развивающего обучения стратегическому мышлению.

Структура дополняющей системы может включать ряд подсистем: подсистему обучения стратегическому планированию и управлению, подсистему обучения теории и практике принятия эффективных решений, подсистему мониторинга проблем и решений как механизм накопления практических знаний и опыта прагматического решения проблем развития и подсистему постоянной взаимной постучебной связи специалистов как механизм постоянного саморазвития и делового сотрудничества.

Где в структуре образования должна быть создана такая дополняющая система получения развивающих знаний и навыков? Это очень важный вопрос. Правильное расположение этой системы между сферой классического образования и сферой ее практического приложения (инновационное развитие и предпринимательство) является залогом ее эффективности.

Главный вывод, на который мы надеемся обратить внимание читателей, заключается в том, что необходимо в первую очередь развивать современную предпринимательскую культуру путем создания и активизации дополнительной системы развивающих знаний и навыков, органично встроенной в иннова-

ционную инфраструктуру на всех уровнях общественного самоуправления и на всех этапах инновационной деятельности.

Каким же ожиданиям общества должна удовлетворять будущая система образования? По мнению авторов, основными свойствами личности, обеспечивающими успех прагматической жизнедеятельности, являются:

- 1) умение выделить проблему из ситуации и сформулировать ее как решаемую задачу;
- 2) способность самостоятельно найти известные (или создать новые) прагматические знания, необходимые для решения проблемы;
- 3) умение найти и исполнить варианты решений, устраняющих причины появления проблемы.

Это определяет первую составляющую ожидаемого состояния образования в процессе его развития — система прагматических знаний и умений, дополняющих фундаментальное образование. Однако достаточно очевидно, что ограниченность и чрезвычайная насыщенность студенческого периода образования не позволят получить молодому человеку значительный опыт применения системы практических знаний и умений. Второй составляющей ожидаемого состояния системы образования должна стать постучебная система накопления, обобщения и распространения прагматического опыта.

Библиографический список

1. Диденко Д.А. Региональный базис национальной инновационной системы — важный механизм успешного местного самоуправления в России // Интеллектуальная собственность. 2005. № 4.
2. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: Беда, вина или ресурс человечество? М.: Эдиториал УРСС, 1999.

SUMMARY

.....

«**A History of Generations and a Generational History of Russia**» is a short-hand report of a lecture, given by *Teodor Shanin* on May 17, 2005 at “Bilingua” club (Moscow). The lecturer argued the fruitfulness of a “generational analysis” in the Russian history studies.

«**Personal Identity and Closed Relationships**» by *Aleksandr N. Kimberg* and *Anna A. Taganova* empirically shows that the identity status of a person (after J. Marcia) affects the similarity of I and Me images. It is inferred that one has to reach a highly definite identity to understand the Others and to be understood.

«**Erving Goffmann’s Anti-Phenomenological Project**» is reconstructed by *Dmitriy M. Rogozin* from his thorough readings of a Russian version of “Frame Analysis”. E. Goffman, it is argued, falsified the basic theoretical statements by W. James, E. Husserl, and A. Schuetz.

«**Teaching “A History of Religion” at School: Profane Interpretations of an Educational Project**» by *Grigoriy L. Kertman* exposes some data, collected in an all-Russian public opinion poll. Possible social and instructive functions of teaching a subject of this kind in a multiconfessional nation are discussed.

«**Who Did Win: People or Stalin?**» by *Svetlana G. Klimova* analyzing the data of a national public opinion poll, researches the social memory of the modern Russian society and looks for an answer: does the Victory Day still reproduce a societal normative order or does it just symbolize the continuity of generations.

«**The Role of Non-Governmental Organization of People with Disabilities in the Independent Living policy**» by *Pavel V. Romanov* sums up the results of the project «Disability policy: strategies of social citizenship of people with disabilities in today’s Russia».

«**An Experts Survey via Internet: Evaluating the Parties’ Sites**» by *Aleksei A. Kisselyov* reports the author’s fieldwork reflections.

«**Separatism in the Modern World: Political and Territorial Aspects**» by *Andrei V. Baranov* is a chapter of «Political regionalistics» — reading book in print.

«**Forms of Economic and Political Power**» by *Valeriy V. Men’shikov* reviews the essence of power under different political regimes.

«**On the Conception of a Regional Basis for the National Innovating System**» by *D.A. Didenko*, *A.A. Shoudrenko*, and *M.N. Fefelov* outlines a functional model of an efficient agency for innovative projects and its pivotal element — «a team for development».